

RedRum

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№4
2016

СВЕТЛОЕ НАЧАЛО ТЕМНОГО

Слово редактора 2

РАССКАЗЫ

Евгений Абрамович

«В летнем театре премьера» 3

Мария Артемьева

«Вечно живой» 16

Пётр Перминов

«Ангелов здесь нет» 28

Сергей Блинов

«Кровь для мертвых богов» 34

Альберт Гумеров

«Дневник охотника» 41

Николай Зайков

«Красный зов ночи» 46

Андрей Диченко

«Ингаляции» 50

«Капитал» 53

Дмитрий Витер

«Оригами» 56

Юрий Погуляй

«Марат и звезды» 62

СТИХИ

Александр Авгур

«Август Духов» 71

ЛЕКТОР

Сергей Буридамов

«Пугающие архетипы русских сказок» 73

Пётр Перминов

«Чудовища каменного пояса» 79

МАСТЕРСКАЯ

Виктор Глебов

«Роль реализма в хорроре» 85

ОБРУБКИ

Алексей Жарков

«Джинн строгого режима» 91

УЖАСЫ В КАРТИНКАХ

Михаил Артемьев

«Серебрянный волк»
(по рассказу А. Н. Куприна) 92

RedRum, № 4, июнь 2016 | Альманах литературно-художественный, 18+

Главный редактор: Мария Артемьева

Москва,

тиография «Белый ветер».

Заместитель главного редактора: Алексей Шолохов

Подписано в печать: 07.06.2016 г.

Дизайн, верстка: Денис Назаров

Тираж 70 экз.

Иллюстрации в номере: Михаил Городецкий, Мария Пиир,

Михаил Артемьев

Оформление обложки: Михаил Городецкий

Издание: группа ВК vk.com/redrum_mag

СВЕТЛОЕ НАЧАЛО ТЕМНОГО

Еще пару лет назад современный отечественный хоррор для меня не существовал в принципе. Периодически я натыкался на информацию о тех или иных произведениях, но даже тогда не проявлял особенного интереса, заранее воспринимая их как посредственные попытки паразитировать на западных образцах хоррор-литературы.

Да, я был не прав.

Стоило немного глубже проникнуть в тему, и я открыл для себя не мало интересных авторов, заинтересованных читателей и просто людей сочувствующих, которые отдают свои силы развитию жанра в России, доказывая, что наш хоррор не просто существует, но и может быть по-настоящему самобытным и оригинальным. Пусть все мы понимаем, что ситуация с отечественными образцами жанра не так хороша, как могла быть, но благодаря всем вам: авторам, читателям, художникам, мы видим, что она способна меняться к лучшему.

Я никогда не писал вступительных слов, мне было проще сверстать номер, чем сочинить этот короткий текст, а потому я просто решил поблагодарить всех тех, кто поддерживает нас. И я искренне рад, что являюсь частью происходящего процесса и вношу посильный вклад.

Пожалуй, все, что я сказал выше, звучит немного пафосно и сумбурно, но сегодня мне хочется верить в светлое будущее темного жанра и в то, что четвертый номер альманаха «Redrum» — это только начало пути.

Денис Назаров,
дизайнер и член редколлегии журнала RR

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ

«В школе у нас был предмет – МХК (Мировая художественная культура), на котором нам однажды показали серию картин из цикла „Цифры на сердце“ белорусского художника Михаила Савицкого, основанные на лагерном опыте автора. Совершенно невинные и даже красивые названия работ – „Летний театр“, „Поющие лошади“, „Танцы с факелами“ и т. д., скрывали ужасное содержание – зверства людей на войне. Неизбывально нацистов – просто людей...»

Старуху звали Джозефина, она была южанкой, родилась в Миссисипи еще до Гражданской войны. После войны она вышла замуж за прадеда Билли и вместе они перебрались на север, в пригород Нью-Йорка. Бабушка Джо (так сокращали ее имя дети) постоянно сидела в кресле-качалке возле окна в гостиной и рассказывала внукам свои истории. О своем детстве на юге, о войне, о конфедератах и янки. С возрастом она начала впадать в маразм. Ее мучило слабоумие, а ее истории становились все более путанными и бессвязными. Однажды шестилетний Билли вернулся с родителями из церкви, куда они ходили каждое воскресенье. Бабушка Джо увидела, как он вошел в дом в своем строгом детском костюмчике.

— Ай да парень, — сказала старуха, улыбнувшись беззубым ртом, — Куда ж ты ходил такой красивый? А, маленький Билли-бой?

— В церковь, бабушка Джо.

— В церковь? Да ну? — старуха задумчиво уставилась в потолок, — Я не была в церкви после похорон того старого сукина сына, который был моим мужем. С тех пор я туда ни ногой. А что тебе сказали там, в церкви? А, маленький Билли-бой?

Маленький Билли не знал, что ответить.

— Мы молились, — прошептал он.

У старой Джозефины, не смотря на возраст, был очень острый слух, она расслышала его слова.

— Молились? — снова спросила она, — Да иди ты, молились... Святоши знают толк в болтовне, вот что я тебе скажу, маленький Билли-бой. Они говорят о муках ада и о дьяволе, но сами об этом ничего не знают. Нет... Вот что я тебе скажу. Я видела дьявола. Видела его не раз, поверь старой Джозефине, маленький Билли-бой.

Не глядя на Билли, она начала монотонно раскачиваться в своем кресле. Оно скрипело. Билли стоял посреди гостиной и слушал.

— Да, я видела дьявола. Много раз. Несчастных ниггеров вешали прямо на

ТЕАТРЕ ПРЕМЬЕРА
В ЛЕТНЕМ

дереве. Дьявол сидел там же, на суху. Он дергал за веревки и облизывал их распухшие лица своим длинным языком. Его видела только я, остальные его просто не замечали. Он сидел на дереве рядом с повешенными черномазыми и смотрел на меня желтыми глазами. Потом я видела его во время войны. Убитых янки свалили в одну яму и засыпали землей. Опять же — никто не видел дьявола, кроме старой Джозефины. А он был там, о да, поверь мне, маленький Билли-бой! Дьявол сидел в яме и жрал тела убитых. Потом янки пришли в наш город, они напились и стали расстреливать пленных конфедератов. Дьявол танцевал на их тела. О да, я видела его. Желтые глаза светились в темноте. У этого дьявола нет хвоста, рогов и копыт. Он тощий и длинноволосый. С длинным мерзким языком. Я-то знаю. Когда твой пьяный прадед в первый раз избил меня, маленький Билли-бой, дьявол облизывал мои синяки. От него смердело, как от висельника на солнце. Тогда я поняла, что это не тот дьявол, о котором говорят в церкви. Он не был свергнут Господом с небес и не искушал Христа в пустыне. Этот дьявол — он другой. Это дьявол человеческих страданий и жестокости. Он питается страхом, болью и смертью. Его видят многие, но далеко не все. Наша семья проклята, маленький Билли-бой, поверь мне. Дьявол любит нас. Мой отец и братья погибли на войне с янки. Моего деда, старого лысого Хершэля, зарезали индейцы. Твоего дядю, моего внука Джонни, убили гансы в Европе. Грядут плохие времена, маленький Билли-бой, будет большая бойня. Дьявол не останется голодным...

Старуха говорила что-то еще. Билли не мог больше слушать — в страхе он убежал из гостиной и заперся в своей комнате. Долгое время ему снились кошмары. Даже годы спустя. Когда ему исполнилось девятнадцать, он стал солдатом. Но на этот раз кошмары были вызваны не болтовней сумасшедшей старухи. Он увидел дьявола своими глазами. Того самого, о котором говорила бабушка Джо. Дьявол стоял по колено в яме с мертвецами и смотрел на Билли желтыми глазами.

«Летними театрами» на лагерном жаргоне называли ямы для сжигания трупов. Зондеркоманды каждый день вытаскивали из бараков новых умерших и на телегах вывозили их к ямам. И во время этой своей работы они должны были громко кричать: «В летнем театре премьера!» Это означало, что прибыла новая партия трупов. Если работники зондеркоманд не кричали, их избивали охранники. Такой жестокий эсэсовский юмор.

Лагерный крематорий не справлялся с огромным потоком убитых. В нем сжигали тела только тех, кого убивали в газовых камерах — женщин и детей. Их сразу по прибытии отправляли в душегубки. Эсэсовцы расстреливали только мужчин. Многие из охранников были семейными людьми, поэтому участие в расстрелах женщин могло нанести им психологическую травму. Тела из газовых камер работники зондеркоманды грузили на дрезины и по рельсам доставляли в крематорий. Мужские трупы из расстрельных рвов тащили к ямам. «В летнем театре премьера!» — кричали при этом.

Но сейчас никто ничего не кричал. Все спешили. Лагерь эвакуировали вглубь страны. Накануне вечером на поезд погрузили еще живых и здорово-

вых заключенных. А ночью началась бойня. Солдаты рыскали по опустевшим баракам в поисках спрятавшихся узников. Найденных заключенных для экономии патронов забивали прикладами и штыками. Мертвых выволакивали наружу, раздевали и складывали на грузовики, которые вывозили трупы к летнему театру.

Огромную яму заключенные вырыли посреди лагеря, недалеко от плаца почти месяц назад, когда стало известно о приближении фронта. Пустая, она казалась очень глубокой. Стоя на ее краю, было сложно рассмотреть дно, скрывающееся во мраке. А сейчас яма была почти полностью завалена трупами. Над ямой даже поставили крышу на толстых деревянных столбах, чтобы ее содержимое не было видно с самолетов. По каким-то причинам трупы в ней не сжигали, их просто складывали ровными штабелями друг на друга.

— Много еще? — спросил офицер-новичок. Прибывший в лагерь неделю назад, он отвечал за эвакуацию.

— Последняя партия, герр штандартенфюрер, — подобострастно отвечал ему стоящий рядом командир зондеркоманды Драган, лагерный капо, старosta барака, — только что очистили тифозный барак.

Офицер молча кивнул. Тифозным бараком называли место, куда свозили всех больных и раненых лагерников. Там даже не было нар, просто земляной пол, на который укладывали умирающих. Раньше его называли мертвецким бараком или просто мертвецкой. Когда-то в лагере был детский корпус, в котором содержали детей-доноров для отбора крови для раненых немецких солдат. Однажды среди них вспыхнула эпидемия тифа, большинство из маленьких заключенных умерли, остальных переправили в другие лагеря. Больных умирающих детей свозили в мертвецкую члены лагерной зондеркоманды. Некоторые отказывались в этом участвовать. Таких убивали, не раздумывая — на их место всегда находилось много добровольцев. Работа по уничтожению трупов считалась среди заключенных легкой, работники зондеркоманды жили в отдельных бараках, получали повышенные пайки, куда входили даже сигареты и кофе. После эпидемии тифа мертвецкий барак стали называть тифозным, а в бывшем детском корпусе с тех пор содержали русских пленных — их всегда держали отдельно. Русские были способны подбить других заключенных на бунт.

— Вот, — указал Драган на подъезжающий к яме грузовик, — последний, герр штандартенфюрер.

Заключенные открыли борт грузовика, на землю с глухим стуком рухнули несколько голых костлявых закоченевших трупов. Их подняли за руки и за ноги, с размаху бросили в яму. В кузов поднялись узники и начали выбрасывать из него все новые тела. Никто и не заметил, что среди них был еще живой человек, хотя он мало чем отличался от окружавших его мертвцов. Последние четыре дня он пролежал в тифозном, голый и обессиленный. Тело его походило на туго обтянутый тонкой серой кожей скелет. Во время ночной зачистки в тифозном орудовала зондеркоманда, солдаты туда не совались. Драган ходил между умирающих и добивал еще живых, разбивал им головы молотком. Его подчиненные занимались тем же. Командир лагерной зондеркоманды, то ли серб, то ли бошняк, то ли кто-то еще, был, пожалуй,

самым презираемым другими узниками местным обитателем, трусливым и жестоким, мразью и садистом, хуже любого эсэсовца. Он был дотошным и внимательным к своим обязанностям, но даже он не заметил, что один человек в тифозном все еще жив. А тот лежал среди трупов и слушал, как с треском разбиваются под ударами молотков головы его еще живых товарищей.

Теперь этот человек лежал возле самого края кузова грузовика. Ударом ноги его столкнули на землю. Он рухнул лицом вниз, в сырую холодную грязь. Только-только начался апрель, но его голое безвольное тело почти не чувствовало утреннего холода. Оно уже не принадлежало ему, он его не контролировал, сил хватало только на то, чтобы мелко дышать, короткими толчками с болью втягивать в себя воздух. Цепкие пальцы схватили его за лодыжки и потащили по земле. Краем глаза он заметил начищенные до блеска офицерские сапоги. Рядом с ними стояла еще пара чьих-то худых ног, одетых в полосатые брюки от лагерной робы и обутых в старые рваные башмаки. Это были ноги Драгана.

— А ты почему не работаешь, скот? — обратился офицер к старосте, — Полезай в яму!

Драган, видимо, считал это ниже своего достоинства, однако пошел работать на разгрузке трупов наравне со своими подчиненными. Еще живого человека перевернули лицом вверх и уложили на груду других костлявых окоченевших мертвецов. Он смог разглядеть лица тех двоих, кто его нес, схватив за ноги и за руки. Он знал их обоих, даже помнил имена. Одним был Вилли, немец из самого Мюнхена, участник Великой войны, гомосексуалист, бывший штурмовик и соратник Рема. Его арестовали еще в тридцать четвертом, после Ночи длинных ножей, как и многих других штурмовиков. Вторым был Ласло, венгерский цыган, лагерный старожил. Старые лагерники почему-то считали его везучим, возможно, оттого, что он был последним оставшимся в живых цыганом в лагере. Его так и называли Ласло Счастливчик или Ласло Удача. Человек успел заметить, что на краю ямы выстроились с десяток эсэсовцев с автоматами.

Когда работа была закончена, все трупы выгружены из машин и разложены в яме, офицер громко скомандовал работавшим заключенным:

— Построиться в центре! Быстро!

Заключенные послушно, спотыкаясь об только что разложенные трупы, выстроились в центре ямы. Выстроились быстро, красиво и четко, как на площаду, в две шеренги, всего около двадцати человек. Теперь они стояли и смотрели снизу вверх на вооруженных эсэсовцев. Офицер что-то скомандовал солдатам, те стали класть затворами автоматов и целиться в построившихся заключенных. Лагерь эвакуировали а местную зондеркоманду, судя по всему, намеревались уничтожить за ненадобностью. Первым не выдержал Драган:

— Что вы делаете!? — пронзительно, со слезами в голосе закричал он, — Герр офицер! Я же честно служил вам!

Заключенные бросились врассыпную, солдаты принялись палить. Только бывший штурмовик Вилли остался на месте. Он поднял сжатые в кулаки руки и грозил ими стреляющим солдатам.

— Ах вы, сволочи! — крикнул он, — Я такой же немец, как и вы! Я бился за

Германию при Вердене и Пашендале! Я...

Закончить он не успел: автоматная очередь раскроила ему голову, в стороны хлынула кровь и ошметки мозгов. Тело завалилось на бок. Возле него оседал на трупы прошитый в нескольких местах Ласло, видимо, сегодня удача оставила его окончательно. Драган лежал лицом вниз — его убили наповал первым. Остальных заключенных тоже перебили. Последний из них метался среди трупов, жалобно скуля и завывая от страха. Очередь попала ему в спину. Его с силой швырнуло вперед, и он рухнул возле голых ног живого «тифозника», который, вывернув голову, наблюдал за бойней. С некоторым удивлением он заметил, что на груди убитого была желтая звезда Давида. А говорили, что последних евреев в лагере убили еще зимой.

Эсэсовцы дали еще несколько очередей по трупам и вместе со своим командиром скрылись из вида. Еще некоторое время был слышен рев удаляющихся машин, а потом все стихло.

Удостоверившись, что никто не наблюдает, живой попробовал пошевелиться. Это было неимоверно тяжело: окоченевшее тело его не слушалось. Он с трудом поднял руки и посмотрел на них. Не руки даже, а высохшие птичьи лапы. Кости, обтянутые кожей. На пальцах не было ногтей — их все вырвали на допросе в гестапо. Он опустил руки на грудь, дыхание сбилось, он задышал тяжело, с хрипом и свистом. Даже такое занятие, как поднятие и опускание рук, требовало сил. Грудь опускалась и поднималась, легкие с болью и клекотом впускали в себя смрадный воздух. Он попытался пошевелить ногами, но совершенно их не чувствовал. Поднять голову было невозможно, о том, чтобы сесть, не могло быть и речи. Он был слишком слаб.

Он пожалел, что ни одна случайная пуля не попала в него. Придется умирать медленно и долго. Тем временем рассвело. Из-за дощатой крыши в яме царил полумрак, однако сквозь щели в досках пробились лучи апрельского солнца. Один лучик опустился на грудь живому. Луч был теплым, и, ощутив это, человек заплакал. Слезы тяжелые, будто свинцовые, катились по его изможденному лицу на виски и скапливались за ушами. Живой. Дожил до весны. В который раз. Неужели?.. Если немцы отсюда ушли, может, придет кто-то еще? Узники давно говорили между собой, что войне скоро конец. Немцев разгромили в России, союзники открыли фронт во Франции. Войска победителей вот-вот возьмут лагерь.

Заключенный уже давно смирился с тем, что умрет здесь. Этот человек уже ничего не ждал от жизни. Когда-то давно кто-то из соседей донес на него, и его обвинили в связях с коммунистами. И его, и жену его посреди ночи увезли гестаповцы.

Он перестал считать дни, проведенные в лагере. Эсэсовцы объяснили ему, что его жизнь была ошибкой в принципе, а то, что он внешне похож на человека, еще не делает его таковым. Такие, как он, не достойны жить. Его родина — маленькая тихая страна — стала провинцией Великого Рейха. Выжившийцеплялся за прошлое, как за спасательный круг, хотя с трудом мог вспомнить свое имя. Кажется давным-давно какая-то женщина называла его Владеком. Или не его? Неважно. Заключенный номер 15638 присвоил себе это имя.

Слезы забрали последние силы. Владек закрыл глаза и погрузился в тре-

вожный сон. В последнее время ему редко снились сны, сновидения были роскошью для заключенных. Но сейчас ему снился длинный бесконечный строй узников, шедших медленно-медленно, едва переставляя ноги. Он был среди них, пялился в полосатую спину идущего впереди. Когда он поднял глаза, чтобы понять, куда двигается строй, он увидел далеко впереди гигантскую мясорубку. Заключенные, не снимая своих полосатых роб, взбирались по лестнице к ней и прыгали внутрь, к вращающимся жерновам. Подойдя к мясорубке вплотную, Владек увидел, что ее ручку со скрипом крутит высокое тощее существо. Дьявол с желтыми глазами. Он смотрел на Владека и с наслаждением облизывался.

Владек проснулся и вскрикнул, с трудом осознав, где находится. Оглядевшись по сторонам, он увидел ту же картину, что и прежде. Он лежал посреди воплощенного ада, на самой верхушке штабелей из окоченевших трупов. Несожиданно он услышал какой-то звук. На другом конце ямы кто-то шевелился. Владек попытался поднять голову, чтобы взглянуть. Движение прекратилось так же внезапно, как и началось. Владек полежал, не двигаясь, опасаясь спугнуть неизвестное существо. На мгновение он решил, что ему все почудилось. Но нет: в яме вновь что-то тихо зашуршало. Кто-то шевелился там, или копошился в мертвых телах, или полз по ним. Может, это бродячие собаки или какие-нибудь другие животные пришли полакомиться остывшей падалью? Владек подумал и отбросил эту мысль. Раньше комендантом лагеря был кенгсбергский немец Штайн, полковник медицинской службы. Он был очень чистоплотен и брезглив: за наличие вшей у заключенных могли расстрелять целый барак.

Доктор Штайн приказал уничтожить всех бродячих собак в окрестностях лагеря. Заключенные даже обрадовались такому заданию. Работа вне лагеря, достаточно легкая, к тому же можно было надолго запастись провиантом: собачатина на вкус вполне сносна. Уж точно не хуже барабанных крыс, которых ловили и употребляли в пищу все узники...

С той поры вокруг лагеря не осталось ни одной собаки. На трупах могли пирожить птицы. Но тот, кто шевелился среди трупов, был намного крупнее любой из птиц. Человек? Еще один чудом выживший узник?..

Владек не знал точно, сколько он спал, но в яме стало заметно темнее. Солнечный свет уже не пробивался сквозь доски крыши. Похоже, он проспал большую часть дня. С горечью Владек подумал, что в первый раз за долгое время он смог спать столько, сколько захотел сам. Сегодня не было ни сирены, ни собачьего лая, ни ругани, ни орущих капо, палками и пинками выгоняющих заключенных на построение.

С трудом перевернувшись на живот, он отдохнул и, подложив под себя руки, чуть-чуть приподнялся на локтях. Это стоило ему невероятных усилий: лицо покрылось потом, руки затряслись. Он посмотрел туда, откуда доносились звуки. В полуутеме он сумел разглядеть чье-то быстрое движение. Владек возиковал: в яме есть кто-то еще. Еще один живой!

Тело Владека сейчас было очень легким — ведь оно состояло только из кожи и костей, но управлять им было почти невозможно. Ног он не чувствовал, сейчас это были просто два бесполезных отростка. В тифозный барак

Владек попал после того, как не снял головной убор в присутствии кого-то из офицеров. Он был настолько истощен, что от голода мысли в голове путались, он с трудом соображал, что вокруг происходит. За такую провинность его сильно избили охранники, а помогали им в этом люди из зондеркоманды Драгана. Его били прикладами винтовок по спине. Может, они повредили ему позвоночник, и теперь он парализован ниже пояса? Он испугался этой мысли, хотя недавно был готов умереть.

У нескольких трупов возле него на бедрах и ягодицах отсутствовали куски жалкой тощей плоти. Можно было даже рассмотреть следы зубов. Людоедство и трупоедство стало в лагере обыденным делом, но этим занимались только узники, доведенные до крайней степени отчаяния. Заключенные рассказывали друг другу жуткие истории об этом. Говорили, что некоторые лагерники воровали детей у новоприбывших женщин. Потом их мясо расходилось по лагерю под видом собачатины. Рассказывали также, что в баланду заключенным добавляют человеческий жир из убитых узниц женского барака.

Месяц назад, когда Владек вместе со всеми рыл эту яму, в одной бригаде с ним работал маленький, вечно сутулый Свейн, норвежский социал-демократ, арестованный правительством Квислинга в сорок третьем. Однажды после работ Свейн упал на свои нары и тихонько заплакал. Он хлюпал носом и дрожал от страха. Когда Свейна спросили, что случилось, он ответил, что видел в яме тролля. На следующее утро на работы Свейн не вышел. За ночь он перегрыз самому себе вены на запястье...

До боли напрягая глаза, Владек наконец разглядел источник шума. По груде мертвецов лез труп. Увидев его, Владек замер в ужасе со ртом, открытым так широко, что, казалось, челюсть сейчас отвалится. Тело, ползущее в яме, было определено мертвым. Исходавшее безвольное туповище, руки и ноги, трясущиеся в такт движениям. Голова с пустыми закатившимися глазами за-прокинута далеко назад на, скорее всего, сломанной шее. Но все равно труп двигался. На спине, головой вперед он тащился поверх остальных мертвецов каким-то неведомым образом. Может быть, кто-то тянул его? Кто-то невидимый, кто-то спрятавшийся среди мертвых.

В подтверждение этой догадки ползущее тело полезло вглубь груды человеческих трупов. Спина выгнулась под трудно вообразимым углом, а само туповище стало погружаться головой вниз внутрь горы мертвецов. Что-то тащило его туда. Через мгновение среди тел остались видны лишь болтающиеся ноги мертвеца, но и они вскоре исчезли. Стало тихо. Владек замер, ошарашенный увиденным. Вдруг из глубины ямы, оттуда, где только что исчез мертвец, послышались новые звуки — хруст ломающихся костей. Из-под мертвых тел доносилось приглушенное чавканье. Кто-то энергично жевал и время от времени стонал от удовольствия, как гурман, разжевывая и смакуя каждый кусочек...

Чавканье прекратилось. Владек быстро заработал руками, стараясь отползти подальше от этого места.

И вдруг снова заметил движение. Там, где только что исчез мертвец, снова зашевелились тела: что-то вылезло на поверхность. Раздвигая наваленных друг на друга мертвецов, из груды тел показалась кисть с пятью длинными

пальцами. Она не могла принадлежать человеку, она была слишком огромной. Эти пальцы могли бы запросто обхватить поперек ствол крупного дерева. Рука высунулась дальше, кожа на ней в полумраке казалась серой, покрытой мелкими темными волосами. Она тянулась все дальше — длинная, почти бесконечная. Запястье, предплечье, затем показался локоть — несколько метров длиной. Пальцы принялись слепо шарить по умершим. Наконец, схватили за ногу еще одного мертвеца и подняли его вверх. Подергав на весу несколько мгновений мягкое и безвольное, как тряпичная кукла, тело, отпустили. Мертвец со стуком рухнул обратно. Рука снова начала шарить по мертвецам.

Среди трупов возникло движение. Посреди штабеля мертвецов начал подниматься и растя холм. Хозяин длинной руки намеревался выбраться наружу целиком. Владек, скуля от ужаса, полз из последних сил. За его спиной кто-то громко копошился. Голым телом Владек чувствовал колебания теплого воздуха, это было чье-то дыхание. Мощное, тяжелое и зловонное.

Силы оставили Владека. Он забился среди холодных мертвецов, как мог, укрывшись их руками и ногами. Его трясло от ужаса, оставшиеся во рту зубы стучали друг об друга, казалось, так громко, что их обязательно должен был услышать тот, кто был в яме.

Солнце уже закатилось. Где-то во тьме двигался кто-то очень большой. Владек с трудом различал внизу, в яме высокую фигуру, длинные тонкие руки, которые шарили по мертвецам, что-то разыскивая. Большая, судя по неясным очертаниям, голова с тихим шуршанием терлась о крышу ямы. На плечи, грудь и спину чудовища свешивались грязные, свалявшиеся темные патлы. Владек отчетливо видел два больших желтых глаза; казалось, они даже немного светились в стучащейся темноте. Эти глаза внимательно высматривали что-то среди мертвецов. Существо почуяло Владека, мало чем отличающегося от других обитателей ямы, но все еще живого, с горячей кровью.

Существо приближалось. Не переставая шарить длинными руками по мертвецам, оно шумно втягивало в себя воздух, принююхивалось. Владек, почти не дыша, наблюдал за ним. Оно приблизилось на расстояние нескольких метров, его ноги по колено утопали в гуще мертвецов. Оно будто плыло по озеру из трупов. Владек почувствовал его запах: тяжелый, густой и зловонный. Даже среди сотен, если не тысяч мертвецов, этот едкий смрад бил в ноздри, как иприт. Если бы Владек что-то ел в последние дни, его бы обязательно вырвало. Существо сделало еще один осторожный шаг. Теперь оно смотрело сверху вниз прямо на Владека: Владек чувствовал его взгляд. Он мог рассмотреть его глаза, полностью желтые, без белков, с черными точками зрачков в центре. Существо потянулось к нему длинными узловатыми пальцами. Владек беспомощно закричал. Он понял — кто это. Желтоглазый дьявол, тролль, которого боялся сумасшедший норвежец. Рот чудовища открылся, из него показался длинный язык. Чудовище наклонилось и лизнуло распостернутого на мертвецах Владека. Оно питалось его страхом, кормилось болью и страданиями.

Владек уже не слышал, как в лагерь вошла американская техника. Он был мертв, когда к краю заполненной трупами ямы подошли вооруженные солдаты. Они светили в яму своими карманными фонариками, с ужасом рас-

сматривая ее содержимое. Смотрели на голые закоченевшие тела, штабелями наваленные друг на друга. Только один солдат, не отрываясь, смотрел на высокое тощее существо в центре ямы. Существо в ответ смотрело на него пронзительными желтыми глазами, которые светились во тьме.

Солдатом этим был девятнадцатилетний рядовой Билли Росс. С лета сорок четвертого года он был на войне в Европе. Билли штурмовал нормандские пляжи, воевал во Франции и Бельгии. Зимой его полк оказался в котле, окруженный немцами в Арденнских лесах. В долгих изнурительных боях Билли получил контузию и отморозил пальцы на ногах. «Теперь держи ноги сухими, сынок», — наставлял его после прорыва из окружения стареющий фельдшер. Последствиями контузии стали трясущиеся руки и частые головные боли, которые беспокоили Билли еще долгие годы.

Сейчас он, затаив дыхание, смотрел на дьявола в яме. Только он его видел. Товарищи Билли, приглушенно перешептываясь, видели лишь сложенные в штабеля трупы. Билли был заворожен этими желтыми глазами. Земля ушла из-под ног, он потерял сознание, рухнув спиной в холодную грязь. Солдаты, стоявшие рядом с ним, подняли его и привели в чувство. Билли, покрываясь холодным потом, снова заглянул в яму. Дьявол исчез.

Следующие три месяца Билли провел в психиатрическом отделении военного госпиталя в Дюссельдорфе. У него диагностировали военный невроз, осложненный полученной контузией и общим истощением. Его соседом по койке стал сумасшедший танкист. В его танк попал снаряд, все члены экипажа, кроме него, погибли. Его самого, контуженного и спятившего, достали из подбитого танка только через несколько дней, которые он провел среди кусков тел своих товарищей. Все дни в госпитале танкист сидел возле окна и, пуская слюни, смотрел на улицу, на разрушенные бомбардировками здания Дюссельдорфа. Потом его сменил лейтенант, который все пытался поднять в атаку погибших солдат своего взвода. Он часто кричал по ночам, отдавая кому-то приказы. Его крики пугали Билли, но больше его пугала возможность снова увидеть желтоглазого дьявола. Он боялся спать. Бессонными ночами он лежал в койке и вспоминал историю своей дряхлой прабабки.

Осенью сорок пятого Билли вернулся домой, в родной огромный Нью-Йорк. Благодаря льготам, как ветеран войны, он смог поступить в колледж. В сорок шестом женился на своей бывшей однокласснице, на рыжеволосой Фрэнни, маленькой, чуть полной хохотушке — лучшей женщине в мире. Через два года Билли работал бухгалтером в банке. Тогда у них с Фрэнни родился Джеки, их малыш. Когда Билли впервые взял его на руки, мальчик показался ему очень маленьким. Билли боялся, что не сможет удержать сына своими трясущимися после войны руками.

Джекирос здоровым и счастливым ребенком. Через три года Фрэнни родила девочку — Роуз. Когда в их семье появился еще один мальчик, его назвали Доном. Ему суждено было стать знаменитым бейсболистом. Донни Росс, лучший питчер «Бостон Рэд Сокс».

Билли сделался гордым отцом семейства. Все эти годы Билли жил, не вспоминая о войне, о желтоглазом дьяволе в яме с трупами. Со временем его даже перестали мучить кошмары. Он мог назвать себя счастливым человеком.

В шестьдесят восьмом двадцатилетний Джеки поступил на службу в сто первую парашютную дивизию. Билли очень гордился сыном. В сорок четвертом десантники из сто первой хорошо воевали во Франции. Во время отпуска Джек приехал домой в своей военной форме и сказал, что его отправляют во Вьетнам. Фрэнни долго плакала. Роуз была в школе, а Донни в спортивном лагере.

Из Вьетнама малыш Джеки вернулся через полтора года. Без левой ноги ниже колена, с Серебряной Звездой и наркозависимостью. Билли не узнал старшего сына. Это был истощенный инвалид с безумным взглядом. Джеки мучила бессонница. Билли долго сидел возле кровати сына.

— Ты убивал людей, папа? — спросил однажды ночью Джеки, лежа без сна в кровати и уставившись в потолок. — Тогда, в Европе?

— Да, — тихо ответил Билли. — Убивал...

— И как? Как это было у тебя?

— Я стрелял...

— Стрелял, — повторил Джек. — А вблизи ты убивал, папа?

— Да. Один раз. Я заколол штыком немца. Зимой, во время Арденнского наступления...

— Ты молодец, папа. Мне всегда больше нравилось резать узкоглазых, чем стрелять в них. Они прятались от нас в туннелях под землей. Вылезая, стреляли нам спину. Мы забрасали их траншеи гранатами. Потом спустились вниз с ножами и штыками. Узкоглазые лежали там все в крови и кричали, многие еще были живы. Мы резали их как свиней. Там в траншеях я в первый раз увидел дьявола, он ползал и облизывал умирающих узкоглазых...

От этих слов Билли вздрогнул. Джек посмотрел на отца и улыбнулся. Билли видел в темноте его оскаленные зубы.

— Ты видел дьявола, папа? С желтыми глазами?

— Да, сынок, — у Билли перехватило дыхание. — Я его видел...

— Где?

— На войне. В сорок пятом мы вошли в оставленный фрицами лагерь смерти. Эсэсовцы перебили заключенных и свалили тела в огромную яму. В этой яме... я... видел его...

Джек некоторое время молчал.

— Мне нравилось резать их, папа, — снова сказал он, — подкрадываться к узкоглазому и всаживать штык ему в кишки. Они хрипели и умирали. Это было круто, папа. Круче, чем шлюхи, круче, чем доза. Ты видел бомбардировки, папа?

— Да, сынок, видел...

— Наши самолеты бомбили джунгли напалмом, а мы потом прочесывали их. Повсюду валялись обгоревшие тела. Однажды авиация накрыла наших парней. Целый батальон сгорел заживо. Когда идешь через сожженные джунгли, сверху падает пепел. Как черный снег. Дьявол стоял между сгоревших пальм и смотрел прямо на меня, папа. Желтыми глазами. Я попаду в ад, папа? За то, что делал на войне?

— Нет, сынок. Все будет хорошо. У тебя будет долгая счастливая жизнь. Ты женившись, и у тебя будет много детей.

— А дьявол больше не придет?
 — Нет, сынок.
 — Не отдавай меня ему, папа. Я хороший человек.
 — Я знаю, сынок. Не отдам.
 — Я люблю тебя, папа.
 — Я люблю тебя, Джеки.
 В ту ночь он впервые смог уснуть.

Долгое время Джеки не мог найти работу. Никто не хотел принимать полусумасшедшего инвалида. Он сидел дома и пил. Билли часто находил в его комнате шприцы. Фрэнни плакала и кричала на сына. Помогли ребята из общества ветеранов. Они взяли Джеки на поруки, нашли ему работу на фабрике. Джеки начал посещать собрания анонимных алкоголиков и наркоманов. Через два года Джеки женился на итальянке Сельме. У Билли появился первый внук.

Роуз поступила в колледж. Там она вышла замуж и уехала с мужем в Калифорнию. В Сан-Франциско они открыли юридическую фирму. Билли очень гордился дочерью. Донни, благодаря успехам в спорте, получил спортивную стипендию и смог поступить в университет. Он играл в бейсбол за университетскую команду, пока его не заметили менеджеры «Рэд Сокс». Донни подписал контракт и уехал в Бостон. Билли очень гордился сыном. Его часто показывали по телевизору. «Это мой сын», — гордо говорил Билли, показывая бейсбольные карточки с сыном коллегам в банке. «Это мой братиш-ка! Донни Росс!», — кричал Джеки, когда Донни принес победные очки своей команде в финале чемпионата.

Один за другим у Билли рождались внуки. Вся большая семья часто собиралась в их доме в Нью-Йорке. Билли уже не вспоминал о войне, об оставленном лагере смерти в Европе. Однажды они с Фрэнни пошли на спектакль

Я даю вам шанс

Шанс нужен всем. Вторая попытка, чтобы все исправить.

Однако не все осознают, что поступают неправильно.

Именно таким и ниспослан он — Мессия, дарующий шанс. Он придет, и тогда — нечестивца ждет настоящий ужас...

Читайте в черной серии MYST!

в театр под открытым небом в Центральном парке. Фрэнни назвала это место летним театром.

— Знаешь, что такое летний театр? — неожиданно для себя самого спросил у жены Билли. — Так называли ямы для сжигания трупов в нацистских лагерях.

Увидев ее испуганный, недоумевающий взгляд, он потупил глаза.

— Прости, дорогая. Вспомнил войну...

Билли стал старым и неуклюжим. Он совсем облысел и сгорбился. Но в свои годы чувствовал себя неплохо. Многие его друзья и бывшие сослуживцы умирали от рака и старости. И он все чаще встречался с людьми из прошлого на чьих-то похоронах.

Билли жил долго и счастливо. Пока однажды не случилось страшное. В тот день самолеты врезались в здания, люди горели заживо и выпрыгивали из окон. Весь мир наблюдал за трагедией по телевизору. Жители Нью-Йорка могли видеть это вживую. Билли и Джеки стояли возле окна плечом к плечу и смотрели на дым, который обволакивал город. Отец и сын, два старых солдата, которые скрывали от других свою тайну. Они смотрели, не отрываясь, на клубы черного дыма. В этом дыму им виделся дьявол. Дьявол человеческой боли и страданий. Два желтых глаза. От этого у Билли заболело в груди, стало тяжело дышать, в глазах потемнело. Он слышал испуганные голоса вокруг себя.

Билли посмотрел на сына. Джеки изменился. Он стал молодым и крепким. На нем были тяжелые армейские ботинки, камуфляжные штаны и безрукавка хаки с пришитым белоголовым орлом на груди — эмблемой сто первой дивизии. Голова Джеки была перевязана грязным платком, расшитым разноцветными значками мира, которые так любили хиппи. За правым плечом сына Билли увидел массивный приклад автомата, в руке он скимал длинный штык с широким лезвием, покрытым темно-красной слизью. Лицо Джеки было перепачкано грязью и кровью, он улыбался отцу. И его глаза были желтыми.

— Этот мексиканский ублюдок Гарсия подорвался на мине, — с досадой сказал он, обращаясь к Билли, — а ведь он был должен мне целый фунт травки... Засранец-капитан отправил его в разведку. Завтра он найдет гранату без чеки в своем рюкзаке. Это я тебе обещаю, рядовой.

Билли осмотрел себя. На нем была старая потрепанная шинель и стальная каска. Глухо ныли отмороженные пальцы ног, от недавней контузии кружила голова и звенело в ушах. Теперь он стоял на краю ямы, заваленной голыми костлявыми трупами. В центре ямы сидела бабушка Джо. Старуха монотонно раскачивалась в скрипучем кресле-качалке, отталкиваясь ногами от головы одного из мертвцевов. Она смотрела на правнука желтыми светящимися глазами.

— Привет, маленький Билли-бой! — крикнула бабка и коротко хихикнула, — Давненько не виделись.

Возле нее появились еще несколько желтоглазых фигур. Троє мужчин в серой форме армии конфедератов. На всех — следы от пуль и колотые раны от штыков и сабель. Один из них казался старше двух остальных, и все трое походили друг на друга и бабушку Джо. Ее отец и братья. Из груды мертвцевов показался высокий старик. С его головы была срезана кожа, виднелся белый гладкий череп. Старик Хершэль, убитый индейцами в незапамятные времена. К странной

компании подковылял молодой солдат с синюшным лицом и вываливающимся распухшим языком — дядя Джон, погибший во время немецкой газовой атаки под Мез-Аргоном в восемнадцатом году. Все молча смотрели на Билли желтыми глазами. Из груды тел тянулись длинные тощие руки.

Вокруг скрипели телеги. Работники призрачной зондеркоманды тащили к яме все новых и новых мертвцевов. Билли, повинуясь немому призыву дьявола, вцепился руками в деревянный борт и начал толкать повозку в сторону ямы. Вокруг усердно трудились другие заложники дьявола. Те, кто часто видел его при жизни. Желтоглазые призраки. Билли знал, что сам сейчас ничем не отличается от них.

— В летнем театре премьера! — громко кричал он множеством голосов.

МОИ ЖЕНЫ ВЕЧНО ЖИВЫЙ

МАРИЯ АРТЕМЬЕВА

«Этот рассказ – мой вариант альтернативной истории. В детстве такие вещи мы называли просто – враки. Теперь дозволяется выражаться изящнее. По-настоящему умелые враки строятся на совершенно достоверных фактах и прячут вымысел среди правды. Здесь тоже есть истинные факты и даже настоящие фамилии... Но в целом – альтернативная история».

...Зимой из собственной квартиры пропал доктор, Илья Аркадьевич Заварин.

Его исчезновение заметили не сразу, поскольку жил он одиноко и не имел пациентов, которым могли бы срочно понадобиться его услуги: Заварин трудился патологоанатомом в морге Морозовской больницы, где потрошил покойников...

Соседей встревожил холод, тянувший из-под тяжелых дверей квартиры 19 и выступивший за четыре дня целый этаж до того, что даже стены на лестнице заиндевели. Настойчивые звонки и призывные крики ничего не дали; опасаясь, что доктор мог угореть от нечищенной печной трубы, жильцы призвали дворника Рахимова и вскрыли квартиру.

В кабинете, у распахнутого настежь окна, среди наметенных уже сугробов валялись в полном беспорядке какие-то медицинские энциклопедии, справочники и большой рукописный журнал, заполненный отрывочными заметками.

Доктор набросал их собственной рукой за несколько дней до исчезновения или, быть может, гибели. Ни на какие практические выводы о том, что именно случилось с Завариным, записи эти никакого не натолкнули.

Такая наполняла их фантасмагория, что вернее будет сказать – как решили многие – полная чушь и дичь!..

«Вавилонские жрецы, погружавшие руки в теплые потроха убитых ими жертв, вряд ли были наивнее меня. Переступать границы табу, насиливать собственную природу для человека – занятие привычное. Но если древние маги служили своим богам ради своекорыстных целей, то мы, нынешние посвященные, не ведем ли себя наугад, глупо, как дети, запускающие руки в ящик с игрушками, и даже не подозревающие – что и в какой момент удастся оттуда вытащить?»

И ради кого, ради чего мы это делаем?! Того, кто считает себя умнее других, обмануть проще, чем глупца – гордец уже обманут собственным самомнением.

Я погиб. Это безусловно. Мои руки замараны. Я чувствую на себе всю нечистоту этого богохульного дела. Зараза проникла внутрь и уже

ничего изменить нельзя.

То, что должно случиться — случится. Это только вопрос времени.

Времени. Времени. Ха-ха-ха! Смешно говорить о времени тому, кто создавал терафим. Этую жуткую вавилонскую погремушку, сосуд вечности.

В таинство меня не втягивали — я влип в их сети, как снулая осенняя муха — сразу, внезапно и вдруг. Опомниться не успел, а руки уже в крови по локоть. И ничего впереди, кроме мрака и ужаса.

Трудно даже представить, что кошмар, погубивший столько жизней (наверняка и мою), начался всего лишь позапрошлой ночью, во вторник.

Мне говорили — они всегда приходят ночью...

Услыхав на лестнице шаги, я заглянул в глазок: на площадке топтались двое. Я видел только черные силуэты. Они всегда нарочно становятся так, что нельзя разглядеть лиц. Но я слышал скрип их сапог, тяжелое дыхание... И не удивился, когда в дверь тихо и коротко постучали. Они не любят шума. Но, как я слышал, сопротивление ломают жестко и беспощадно. Если им не открыть, они выбьют дверь...

И я, конечно, открыл.

Острый запах кожи от их черных плащей, оружейного масла — от их револьверов и кисловатый пороховой душок заполнили мою прихожую. Удивительно, но они предъявили документы и заговорили, как могли, спокойно. Тот, что повыше, объявил голосом резким, как свист казачьей нагайки:

— Срочное дело. Профессору Збарскому нужна ваша помощь. Одевайтесь! Мы на машине, подбросим до места.

Я опешил. Не сразу вспомнил, кто такой Збарский. Потом сообразил, но удивился: зачем он зовет меня? Почему среди ночи?!

Я пытался выяснить подробности, ноочные гости то ли не знали, то ли намеренно не хотели открываться мне. Возможно, выполняли приказ... Столь деловито они поторапливали меня, что я понял: выбора в любом случае нет. Да, да! У меня не было выбора... Я часто повторяю это себе... Теперь.

Самый большой страх прячется в банальном. Что стоило мне тогда?.. А, впрочем, достаточно об этом. Кто знает, сколько у меня времени? Если только я не вечно живой... Хи-хи-хи...

Хватит. Итак, я оделся и последовал за этими посланниками. Возле подъезда ждала машина — черная, горбатая, с замерзшими стеклами. Внутри там сидели еще двое.

Я устроился на диванчике сзади и спросил, куда мы поедем. Шофер оглянулся, буркнул что-то вроде: «Не положено!» И отвернулся. Мороз пробирал до костей даже в машине, и я не открывал больше рта — берег тепло.

Как только мы сели, мотор взревел, автомобиль выкатился из темного двора на заснеженную улицу и помчался по Садовому кольцу.

Я смотрел в окна, но видел только черноту, да изредка — белое сияние. Оно вспыхивало наподобие бенгальских огней — это редкие встречные фонари заставляли сиять ледяные цветы на замерзших стеклах. Передний обзор

загораживали головы сопровождающих. Или правильнее было бы назвать их конвоирами?

Я так нервничал, что даже приблизительно не мог оценить, сколько времени отняла дорога. Мне показалось, что прошла вечность. Прошла... Смешное выражение. Вечность не может пройти. Зато она может поглотить...

Когда вспышки на стеклах сделались чаще, автомобиль замедлил ход, поплыл среди слепящего искристого света. Затем машина остановилась, и тот, кто все время командовал, приказал:

— Выходите!

И сам первым выбрался наружу.

Я вылез следом. Легкие сдавило холодом. В лицо ударили тугой морозный ветер. Щурясь, я пытался рассмотреть, где нахожусь, и что творится вокруг. Снежная мгла напористо колола глаза. Лишь мельком, из отрывочных коротких видений, какими-то вспышками передо мной сложилась пугающе странная картина: огромное белое поле, погруженное во тьму ненастной зимней ночи, тут и там озаряется пламенем громадных костров, вокруг которых беспокойно суетятся и прыгают черные тени. Ледяной ад, описанный когда-то великим Данте...

Кто-то схватил меня за рукав и потащил. Потом меня пихнули в спину, я обернулся и увидел трамвай.

Самый обыкновенный: красно-желтый, с округлыми боками, занесенными снегом, и темными окнами. Один из моих конвоиров грохнул по вагону тяжелым кулаком: налипшие белые комья с шорохом соскользнули со стенки. Двери открылись.

Меня подтолкнули сзади и чтобы не упасть, я ухватился за поручень и полез внутрь.

Снег на ступеньках злобно заскрипел. Как зверь, который клацает зубами, сопротивляясь участи, уготованной охотником. Но чем выше — тем слабее было это сопротивление. Наверху под ногами уже хлюпала, расплазаясь, каша ледяной сырости. У самого входа навстречу всторопщилась глухая портьера из сукна: трамвай был завешен черным сукном изнутри. Для тепла, подумал я. И чтобы днем никто не смог подглядеть — что делается внутри. Это я понял позднее.

— Да скорее же! — подгоняли меня. Я откинул портьеру и вошел. В трамвае горел электрический свет, там было тепло и сидели люди.

Среди них — профессор Збарский. Он встал навстречу, но руки не протянул и не поздоровался.

— Илья Аркадьевич? — сказал он. — Рад, что вы приехали. Страшно нужны люди. Жутко.

Усталый, перевозбужденный, он выглядел, как человек, который не спал больше суток, но говорил в обычной своей неприятной манере — сухо и отрывисто. Деловито.

— Пройдите за мной. Не задавайте вопросов. Сосредоточимся на деле. Это крайне важно.

Збарский взял меня за рукав пальто — я и ахнуть не успел — и потянул за собой. Везде я чувствовал себя жертвенным бараном... А впрочем — снова эти лишние попытки...

Мы прошли трамвайный вагон насквозь.

Его переоборудовали, превратив банальный городской транспорт в нечто

вроде гостиницы. Я увидел людей, спящих на подвесных двухэтажных койках (так спят матросы). Какой-то человек топил жестяную печь: труба от нее, сквозь вырезанное в крыше отверстие, высывалась наружу. Повар в колпаке и фартуке с усилием что-то мешал в стоящей на плите огромной кастрюле, распространявшей вокруг теплый острый запах мясной солянки.

Збарский двигался быстро, и я вынужден был поспевать... Иначе он оторвал бы мне руку своими цепкими лапками хирурга.

В самом конце вагона — там, где в обычном трамвае располагается вагоновожатый, Збарский наклонился и... откинулся в полу крышку люка. Под ним — блестящая никелем металлическая лестница уводила в Преисподнюю...

Мы спустились на три пролета. Внизу стены тоннеля, сколоченные из свежих досок, обмерзли и покрылись толстым слоем инея.

Поверху, над нашими головами змеился черный кабель. Я услышал шум работающего электрического генератора — коридор освещали не яркие, редко расположенные лампы Яблочкива — и какой-то странный гул, которому поначалу я не придал значения.

Внизу, в безветрии, было куда теплее, чем наверху, но все же очень холодно. Пар клубами валил изо рта, а руки мои посинели и занемели (от волнения я позабыл дома перчатки).

Тоннель уходил под небольшим уклоном вниз. Пройдя по нему около тридцати метров и сделав два или три поворота, мы вышли в чуть более просторную комнату. Здесь стояли грубо, на скорую руку, сколоченные шкафчики с одеждой и помоечные ванны с антисептиками. Характерный резкий запах химии разливался в воздухе.

Тут Збарский поручил меня своему ассистенту, крепкому старику с голым, как коленка, черепом и неожиданно кустистыми седыми бровями.

Старик быстро и ловко обработал мне лицо и руки стерилизующими растворами. Под его суровым взглядом я переоделся в специальный костюм, натянул асептический медицинский халат, бахилы, шапку и перчатки. Збарский тоже переоделся, и мы вместе прошли через плотно задернутые черные шторы в следующее помещение.

Больше я терпеть не мог и уже раскрыл было рот, чтобы выпустить наружу рой накопившихся у меня едких и желчных вопросов, но как раз в этот момент мой сопровождающий оглянулся и, зыркнув столь грозно, что я не посмел произнести ни слова, скомандовал:

— Молчите! Смотрите и помогайте.

В следующее мгновение яркий свет удариł в глаза.

Только привыкнув к нему, я увидел, что стены этой новой, весьма просторной комнаты, выложены ледяными глыбами. Вот почему здесь было так светло и одновременно так холодно: сияние немногочисленных лампочек отражалось в искрящемся льду, как в зеркалах. Сухие дымки морозного конденсата ползли вверх по стенам, поземкой извивались на полу, окутывали столы с разложенными на них медицинскими инструментами, и фигуры людей, одетых так же, как я и Збарский.

Но все эти подробности я вспомнил после. А в первое мгновение мне было не до рассматривания деталей...

Тело лежало в прозрачной стеклянной ванне, заполненной бесцветной,

маслянисто поблескивающей на поверхности жидкостью.

Тело было голое, почти безволосое. Его удерживали притопленным в середине ванны гибкие и тонкие резиновые жгуты с грузиками из белого металла, скорее всего, серебра или мельхиора. От малейшего сотрясения почвы, от шагов людей в помещении жидкость вязко подрагивала, и утопленник начинал беспокойно ворочаться, покачивая желтоватыми боками, на которых тут и там виднелись характерные черные и синеватые гангренозные пятна.

При движении бока медленно вспухали и опадали; это напоминало скольжение медузы в морской воде. Конечности выгибались самым невообразимым для человеческого существа способом.

Он жив? Он дышит?!

В этом было нечто до того омерзительное, что я, третья жизни проведший в анатомичках, неожиданно почувствовал дурноту. Кислый комок прыгнул от желудка вверх и распер горло. С усилием слегка сплюну, я постарался подавить рвотный рефлекс. Мне было настолько не по себе, что я чуть не закричал в голос.

И все же — когда первый шок отступил — верх взяло любопытство.

Я подошел ближе. У существа в стеклянной ванне не было головы. Да и тела, как такового... тоже не было.

То, что я принял за человека, представляло собой, скорее, оболочку. Выпотрошенную тушу, пустую шкуру без требухи, с частично удаленными костями и мясом.

Почувяв на себе чей-то взгляд, я поднял глаза: Збарский внимательно следил за мной.

Заметив мое изумление, он коротко пояснил:

— Требовалось остановить гниение. Заморозка многое испортила. Мы решили, что от лишнего лучше избавиться.

Я кивнул. Мне хотелось спросить, кто был этот человек, и что такое здесь вообще происходит, а главное — для чего?.. Но я вовремя сообразил, что вопрос у меня куда больше, чем у Збарского — времени и желания на них отвечать.

Поэтому я молча продолжил свои наблюдения.

Над телом поработали столь основательно, что было непонятно даже — мужчина это или женщина. Лишенное половых признаков, оно напоминало легендарного андрогина — совершенное и безупречное существо, не разделенное в духе. Там, где у обычного представителя рода человеческого находится вагина или пенис, у выпотрошенной оболочки имелись два обромсанных и подшитых грубыми стежками кеттуга синеватых клочка кожи. Судя по их конфигурации и размерам, я решил, что все же оболочка принадлежала, скорее, мужчине. Но где голова? Почему... Кажется, именно в тот момент я начал впервые догадываться.

Збарский перебил ход моих мыслей, заявив самым безапелляционным тоном:

— Приступайте, Илья Аркадьевич! Простите, но я вынужден требовать — да, именно требовать вашей помощи. Такую работу не доверишь кому попало. Нам нужны специалисты. Сейчас мы достанем тело из раствора — это глицерин, смешанный с формалином и спиртом — и будем инъекциями прочищать подкожные капилляры от сгустков крови. Чтобы после наполнить их консервирующим раствором. Работа кропотливая. Смотрите на коллег и включайтесь. Вы человек опытный, справитесь. Пропустить ничего нельзя: любой,

самый мелкий сосудик сделается в будущем источником гниения. Прошу: будьте очень внимательны, Илья Аркадьевич!

Кто-то сунул мне в руки шприц. Четверо в белых халатах с масками на лице приблизились и, опустив руки в резиновых перчатках в раствор, выловили оболочку из стеклянной ванны. Подержав ее немного на весу, чтобы глицерин стек, помощники Збарского уложили тело на прозекторский стол.

Наверху включили две дополнительные лампы, чтобы как можно ярче осветить место работы. И приступили к делу.

Вместе с другими я обкалывал оболочку неизвестного, прочищая от сгустков крови и по новой закупоривая мельчайшие подкожные сосуды специальным раствором. Думаю, что раствор этот был чем-то вроде воды Рюйша... Разве что с некоторыми добавлениями?

Збарский пояснил: перед тем, как попасть сюда, тело несколько недель продержали на сухом льду, и как раз в связи с замораживанием в нем оказалось столько негодной к длительному хранению гнилостной ткани. Почерневые гангренозные участки приходилось аккуратно вычищать скальпелем или скребками; плесневые пятна обрабатывали спиртом и уксусом; желтизну — отбеливали перекисью водорода.

Еще ни разу мне не приходилось отвоевывать у смерти то, что она сочла своим по праву. Шаг за шагом, сосуд за сосудом, жилку за жилкой, пятно за пятном...

Помните сказку о мертвой принцессе в хрустальном гробу, о гномах и отравленном яблоке? Если б кто-то сказал мне, что бессмертие будет выглядеть так — стеклянный гроб с глицерином под землей и плавающая в нем пустая оболочка... Отвратительный образ, право! Не знаю, кого это может соблазнить.

Я принял за работу вместе с другими в ледяном подземелье. Несмотря на холод, пот лил с меня градом. Это продолжалось долго. Несколько часов. До тех пор, пока кто-то не подошел и не похлопал меня по плечу:

— Илья Аркадьевич! Идемте наверх. Отдыхать.

Это был Збарский. Он объяснил, что смена наша покамест закончена, необходимо сделать перерыв, потому что ошибки, совершаемые от усталости, по завершении работ обойдутся для всего дела в целом дороже.

Он говорил о том моменте, когда работа будет закончена. Я подумал, что при всем своем уме, Збарский, видимо, не отдает себе отчета, что сохранение вечности требует вечных усилий... А разве люди способны на такое?

На самом деле мы говорили с ним о разных вещах. Я только после сообразил это.

Возвращаясь коридором к трамваю на поверхности, я опять услышал гудение электрического генератора. Но теперь к нему примешивалась — и вполне отчетливо — человеческая речь. Я различил несколько голосов, которые то ли пели, то ли ритмично бормотали вполголоса.

Язык я не узнал. И это было особенно неприятно. Сразу примерещилась какая-то чертовщина. Может быть, магические заклинания?.. Невольно содрогаясь, я почувствовал себя участником черной мессы.

Очень хотелось расспросить, наконец, Збарского, но он куда-то ускользнул.

Наверху, в трамвае-гостинице, меня и других из смены, накормили горячим обедом и позволили поспать несколько часов. Потом мы снова спустились под землю.

Я все время думал о том, куда же они дели голову, что сделали с ней?

Я рассуждал так: к чему сохранять нетленным пустое тело без того, что определяет личность? На месте экспериментаторов я позаботился бы в первую очередь о том, чтобы сохранить мозг. Как иначе?

Пытаясь выяснить хоть что-то, я заговорил с соседом — невысоким толстячком с уютными пухлыми щечками и простодушным выражением лица.

— Не знаете, где они прячут голову?

Я задал этот вопрос тихо и незаметно для остальных, наклонившись почти к самому уху толстяка.

Но он шарахнулся так, будто я потряс перед его носом окровавленным мясницким тесаком. У бедняги руки задрожали, а зрачки поплыли и расширились, как у заядлого коканиста.

— Вы что?! — зашипел он. — Разговаривать нельзя. Услышат!

— Да бросьте! Чего вы так напугались? Послушайте, я ничего плохого...

Но он отскочил, сбежал от меня на другой конец комнаты, наклонился над стеклянной ванной и сделал вид, что рассматривает травмированную артирию в теле. Я был потрясен подобной реакцией и не знал, что предпринять.

Хотел извиниться и попытаться еще раз... Но в процедурный зал вошел Збарский.

Скрючив указательный палец, он поманил к себе моего соседа — и тот, покорно свесив голову, поплелся, как напаскудившая собачонка, поджавшая хвост. Вышли они вместе.

Я проработал час. Толстяк не вернулся. Збарский тоже.

А бормотания и всхлипывания за стеной стали как будто громче. Они и пугали, и завораживали меня. Но больше всего — разжигали любопытство. Ужасно хотелось понять — кто там воет? Почему-то я был уверен, что это связано с отсутствующей головой.

Я рассмотрел дело с моральной точки зрения: меня привлекли к работе вслепую, как инструмент. Ничего не рассказывая, но и не беря с меня клятв и обещаний.

Я рассудил, что такое положение дает мне право попытаться самому раскрыть тайну.

Ну, не застрелят же меня, если я вдруг случайно заблужусь и забреду куда-то не туда?! Так я подумал. Мое напряжение и тревога росли с каждой минутой: я просто не мог оставаться в неведении!

Этим решением я поставил себя на острие ножа. Но никаких предчувствий в тот момент не было...

Как только нашу смену в очередной раз позвали наверх отдохнуть, я нарочно отстал от вереницы людей, плетущихся по дощатому пандусу наверх.

Давеча, спускаясь сюда, я приметил, что за вторым поворотом, слева от помывочной комнаты, имеется плохо освещенная ниша — над нею перегорела лампочка, поэтому в пяти-шести шагах впереди и сзади там царит полумрак. В самой же нише лежит глубокая тень, и в ней можно спрятаться.

На случай, если кто-то меня увидит, я придумал притвориться, что задержался, завязывая ослабший шнурок.

Я намеревался пройти по подземному коридору сам, без конвоиров и сопровождающих — и, осмотревшись хорошенъко, исследовать его. Я был уверен, что за помывочной комнатой коридор как-то разветвляется, потому что

голоса гудели из-за дощатых стен рядом с нею, с другой стороны зала. Я думал, что именно там они хранят голову и меня тянуло ее увидеть!

Незаметно отстав от группы, я вжался в стену в темной нише, радуясь, что какие-то ротозеи из обслуживающего персонала не заменили горевшую лампочку сразу.

Никто не обратил на меня внимания — люди устали тащились наверх, каждый интересовался только собой и не смотрел по сторонам.

К сожалению, чувствовал я себя не лучшим образом. Человеческий организм не приспособлен для работы ночью, и накопившаяся усталость уже давала знать о себе. Ноги у меня гудели, глаза слезились от недосыпа; дышалось внизу тяжеловато — от спретого подземного воздуха и смешанного с ним резкого запаха формалина. В голове царил сумбур — какие-то несвязные обрывки мыслей, не позволяя проясниться сознанию, тяжело ворочались в мозгу, как этот желтый покойник — в глицерине.

В какой-то момент мне вдруг стало казаться, что все, что творится в этом подземелье, когда-то уже происходило, и именно со мной: все эти люди в белом, гулкие бормотания за стеной... Тысячу лет назад я это видел. Или слышал, как рассказывали другие. Или читал о чем-то похожем? А, может, это случилось со мной во сне?

До сих пор помню это отвратительное ощущение — словно что-то вяжет ворту, и вокруг все глухое и мертвое...

Я решил, что моя взбудораженная недосыпом психика порождает эти странные идеи и образы, и попытался успокоиться, но руки и ноги мои дрожали. Мучал и непрекращающийся холод...

Но вот люди ушли и коридор опустел. Не успел я обрадоваться, как услышал шаги: мимо прошли два человека. Они смеялись и говорили между собой. Это были Збарский и его помощник — старик с кустистыми бровями.

До меня донеслись обрывки фраз из их разговора.

«Все равно никто не узнает, у него нет родни!» — бросил Збарский.

«Хорошо, потому что нужна еще кровь», — сказал старик.

Збарский что-то тихо спросил. Старик неожиданно разозлился:

«Никакой не мозг, мозг давно умер!», — раздраженно воскликнул он. И проворчал: «Чертовы материалисты!»

Профессор тихо рассмеялся, а его собеседник обиженно загудел: «Как вы не можете понять: мозг следует уничтожать первым! Только смерть мозга способна высвободить силу терафима!»

Тогда я впервые услышал это слово — терафим. И запомнил, но, не зная смысла, не придал значения.

Помощник Збарского говорил в сердцах и потому громко. Когда он успокоился, я перестал слышать их. Они быстро разошлись: Збарский повернулся назад, вероятно, чтобы подняться наверх, а старик свернулся кудах-то влево.

Я последовал за стариком. Не знаю почему, но я хотел увидеть голову трупа

и был уверен, что он направляется именно к ней.

Я оказался прав.

Господи, как я устал... Честно говоря, уже нет надежды, что когда-нибудь я смогу освободиться. Хотя вроде бы мне доверяют — или просто мои хозяева слишком уверены в том, что сбежать мне некуда, и невозможно... Убеждены в своей безнаказанности.

Впрочем, я и впрямь не помышляю о бегстве. Больше всего боюсь, что откажет память. Пока помню...

...По левой стороне за помывочной комнатой скрывался еще один ход — коридор, замаскированный под тупик черными суконными драпировками. Старик поднырнул под них и... Я услышал, как стукнула дверь.

Немного подождав, я повторил его маневр.

За занавесом обнаружилась потайная дверь, а за ней — еще один коридор, гораздо более темный.

Гудение и бормотание звучали здесь намного четче. Я даже начал различать отдельные фразы, разделенные небольшими паузами, но все равно не понимал, на каком языке они произносятся.

Идя на звуки голосов, я добрался до широкого черного занавеса. Входить открыто побоялся, поэтому для начала отвернул кусочек материи и попытался подглядеть в щелку — что там?

Внутри была темнота. Абсолютная, непроницаемая, черная, мохнатая мгла. Она бормотала и гудела, насыщая пространство безумными, липкими звуками. Я испытал сильнейшее потрясение. Я чувствовал, что должен был испугаться этой невообразимой и непонятной тьмы, но меня, напротив, вдруг подхватило, потянуло... И я вступил в нее с радостью, словно возвращался назад, в материинскую утробу.

Там было хорошо: там не болели глаза, мышцы не мучала усталость, разогретая кровь бежала по венам, согревая и мягко поглаживая изнутри...

Умом я понимал, что подвергаю себя опасности. Но тело не слушалось. Поймав меня, эта утроба, этот гигантский мешок, этот чернильный сгусток начал смыкаться, давить, двигать и подталкивать куда-то.

Моя воля к сопротивлению была внезапно и резко сломана. Я потерял ориентиры, и уже не соображал: где верх, где низ, где мое собственное тело. Это было очень страшно.

Но именно страх и помог мне: жгучей волной прокатившись по нервам, он заставил кожу мгновенно вспотеть, и какие-то нормальные телесные ощущения хотя бы отчасти вернулись ко мне.

Покачнувшись, я сделал шаг вперед, и зацепил плечом занавес, висевший, как оказалось, прямо передо мной.

Угол его отвернулся, и я увидел, что находилось позади него: люди.

Закутанные в тяжелые парчовые плащи, богато расшитые золотыми узорами, они прижимались друг к другу плечами в тесном полукруге и бормотали заунывавшую абракадабру, окунув лица в тень и сонно раскачиваясь. В комнате,

освещенной почему-то только свечами, дышать было куда тяжелее, чем вообщем в подземелье. Запах оплывающего воска и чадящих фитилей смешивался с тяжелой, железистой вонью, очень знакомой мне...

— Он пришел, — услышал я чей-то тихий голос. Старик, помощник Збарского, выступил из-за занавеса, преградив мне путь. Он счастливо улыбался, щуря черные щелочки подслеповатых глаз. Его желтую пергаментную голову покрывали какие-то странные багровые веснушки. Он усмехнулся и сказал куда-то в сторону:

— Видите, Арнольд Валентинович: все работает. Они сами будут идти. Как вот этот. Он ткнул крючковатым коротким пальцем в мою грудь.

Плечами и головой старик загораживал мне свет, и я не видел, что происходит у него за спиной. Но слышал.

Голодное мокрое чавканье... Потом свист — и на пол свалилось что-то тяжелое.

— Не знаю, Тимофеич... Может, подождать еще? Не переел ли? — Это сказал Збарский.

Старик обернулся, отступил и я увидел Его...

Посреди тускло освещенной свечами комнаты висел — так показалось в первое мгновение — тот предмет, ради которого я сюда пришел. Ради чего собирались здесь все эти странные люди.

Голова мертвеца.

Тяжелые монгольские веки, огромный лоб, маленькие, туго прижатые к голове уши. Голова была ярко-алая и сияла в свете свечей, как лакированная, уродливо разбухшая ягода бруслики. Шея, насаженная на спицу, сидела в стеклянной емкости, заполненной красной жидкостью, а сама емкость помещалась на стеклянном подносе, установленном на верхушке деревянного столба посреди комнаты.

В ушах зашумело. Я качнулся вперед. Ноги одеревенели, я ощущал их под собой как две жесткие нестигаемые подпорки.

Сделав шаг вперед — под ногами липко зачавкало — я поскользнулся и задел что-то. Оно отскочило от моей ноги.

Я глянул вниз — и увидел... еще одну голову. Обескровленная до синевы, она знакомо таращила изумленные глаза кокаиниста. Мой сосед, трусливый толстяк... Вот он где.

Я пригляделся. Возле стены лежала еще голова, другая. За ней третья, четвертая, пятая... Они валялись возле стены, набросанные горкой, как арбузы для продажи, когда их перекидывают с астраханских барж на пристань где-нибудь в Торжке или Ярославле.

Пол подземной скотобойни был залит кровью, свежей, слегка подсохшей и совсем запекшейся. Голова мертвеца — в крови. Старик забрызган кровью. Мои руки и ноги перепачканы в красном...

Какой-то багровый туман поплыл у меня перед глазами. Я снова услышал бормотание... В комнате вновь появились те, с сонными лицами. Заняли место вокруг столба, начали раскачиваться и петь. Я хотел уйти, но чувствовал, что не в силах — что-то схватило за горло изнутри, держит и вот-вот рванет...

Я поднял глаза — и увидел, как торжествующе блеснули в темноте глаза старика. Он чего-то ждал. И чему-то радовался.

Волна ужаса накрыла меня, но вместо того, чтобы повернуться и убежать...

я пошел вперед — в толпу бормочущих, в самый центр, к багрово сияющей голове. По пути нечаянно задел ногой голову моего знакомца — она отлетела и глухо ударила о столб. Стеклянная емкость на столбе опасно накренилась, красная жидкость заволновалась, несколько тонких багряных ручейков вылились за край, но почти сразу все уравновесилось.

Я вздохнул с облегчением...

Но тут голова на столбе вздохнула. И тонко, жалобно замычала...

Окровавленные веки вздернулись над красными, блестящими от крови впальми щеками. Я увидел раздутые розовые шары с расплывшимися чернильными пятнами в центре — на месте глаз. Словно два громадных клеща впились в пустые глазницы и насосались крови. Изуродованные лепешки губ задвигались: голова мычала, пуская розовые пузыри и струйки кровавой пены.

— Иди, иди, — кто-то подтолкнул меня в спину. Я обернулся: старик стоял позади меня, перехватив топор...

Люди, собравшиеся полукругом вокруг столба, обрадовались.

Сияя экстатичными улыбками, они хлопали в ладоши, улыбались и вскрикивали...

— Те-ра-фим... Те-ра-фим...

Голова на столбе мычала, и жалобно, и грозно.

Горло мне рвала тошнота. Я не мог двигаться, не мог говорить. Но мне было все равно. Словно бы я уже умер в тот момент.

Из оцепенения вывел окрик Збарского — полный злости и возмущения.

— Тимофеич, да ты с ума сошел?! Вы ж перекормили его! А ну, смотри сюда! Вот же, видишь? На губе! Ну??

Он протянул руку, указывая на багрово-синюю трещину, ползущую с угла рта мертвеца на его губу — тонкий лоскут кожи облез, свесился, выпуская наружу дрожащие желеистые комки свернувшейся крови...

— Ништо, — сказал, ухмыляясь, Тимофеич. — Лишним не будет.

— Ненормальный старик! Вы портите оболочку. Как, позвольте узнать, я могу...

Они заспорили. Збарский наскакивал, Тимофеич хмыкал и угрюмо отбrehивался.

Я воспользовался моментом и рванул к выходу. Если б кто-то попытался меня остановить — я убил бы, не дрогнув, и даже не заметил бы. Любой. Все, что спало во мне — проснулось и превратилось в натянутую стальную пружину. Не останавливаясь, не позволяя никому приблизиться, дотронуться до меня, я выбежал из потайного коридора, выбрался наверх, вырвался наружу, под зимнее небо, на площадь с кострами...

И вот я здесь. В своей квартире. Сижу, закрывшись на все замки, перепуганный и несчастный.

Ни есть, ни спать не могу вторые сутки подряд — пища вываливается из рук, глаза не смыкаются. Я ослабел и не могу понять, что происходит.

Возможно, я чем-то заразился, пока ковырялся в чьем-то опоганенном теле. Трупный яд разливается по организму. Но хуже всего — что отравлен мозг. Ничем иным я не могу объяснить...

О, эта вавилонская мерзость!.. Терафим... Теперь я все знаю о нем. Это и материальный предмет, и — одновременно — магическая сущность. Вавилоняне создавали их из трупов и черепов младенцев. Кровь — основа оккультной

силы терафима, она позволяет подчинять демонов... Цена веры — кровь и всемогущество. В наши дни убивают и за меньшее. Теперь и на бога не понадеешься — боги у всех разные... Бог материалистов страшнее других богов... Но как можно во все это верить?!

А я и не верю. Не верю. Только... Почему тени говорят со мной?!

Они появились, когда я вырвался из подземного логова, морозный ветер подхватил меня и потащил вперед, по снежному полю... Тени мельтешили вокруг. Их кожистые крылья оглушительно хлопали, задевая мое лицо, их когти скребли, царапали и крушили лед... Над деревянным зиккуратом возле Никольской башни клубилась мгла. И к черному небу летели вопли, крики и голодный вой. Я вырвался из потока, я убежал, я смог!..

Но они пробрались и сюда. Они облепили стены, потолок. Их становится все больше. Они хищно помаргивают в мою сторону крохотными ярко-красными глазками... Я чувствую — вскоре они набросятся на меня. И тогда... Все будет кончено. В груди словно дыру прорвали, и прореха эта растет. Все, что я могу ощущать — лишь невыносимая бо... «

Доктор Заварин так и не был найден. Ни живым, ни мертвым. Для тех немногих, кто знал его, он словно бы застрял навсегда между двумя мирами: миром живых и миром мертвых.

Впрочем, память о докторе не была долгой. Зима 1924 года выдалась в России столь жуткой, что вздыхать о пропавших было некогда и некому. Пропадали все. К тому же и происшествие с этим медиком ничего всерьез не меняло ни в чьей-либо жизни, ни в общем течении истории — тем более.

Он был, жил и пропал. Подобно искре, вспыхнувшей в огромном костре и бесследно улетевшей в ночное небо вслед за множеством других — таких же.

АНГЕЛОВ ЗДЕСЬ НЕТ

ПЁТР ПЕРМИНОВ

«Написать „Ангелов“ меня сподвигли два момента. Первый: интерес к воздухоплаванию в целом и к стратосферным полётам в частности (потому что это по-настоящему круто – почти прикоснуться к нижней границе космоса, используя такой, казалось бы, архаичный летательный аппарат как аэростат). Второй: любовь к Мифам Ктулху и желание привнести свой скромный вклад».

Высота — восемнадцать тысяч метров над уровнем моря.

Бабушка моя верила, что именно здесь живут ангелы. Такие, какими их рисуют на иконах: златокурдые, прекрасноликие, в белоснежных одеждах и с огромными крыльями. Бабушка была из крестьянской семьи и большую часть жизни смотрела под ноги, но изредка разгибая спину и устремляя взгляд вверх, наверное, полагала, что там, прямо над облаками, в тёплых лучах солнца парят небожители. И безгрешные люди, говаривала она, коих господь призвал раньше срока, тоже превращаются в ангелов и беспечно летают с херувимами, не зная ни горя, ни болезней, ни мирских тягот. Эти нехитрые сказки — единственное, чем она пыталась утешить меня после смерти матери. Бедную мою маму, как и миллионы других, в январе 19-го года убила «испанка». (Я и сам то уцелел, можно сказать, чудом.) Столько лет прошло, а я помню лютый мороз и превратившиеся в ледяные камни комья кладбищенской земли. В ту пору мне уже исполнилось двенадцать, и я, разумеется, нисколько не верил бабушкиным историям про вечную жизнь, ангелов и доброго боженьку, но послушно кивал, чтобы не обижать старушку своим детским атеизмом...

Интересно, доживи бабушка до сегодняшнего дня, что бы она сказала, узнав, что её внук оказался там — в заоблачных высотах? Удивилась бы? Обрадовалась? Думаю, скорее, ужаснулась бы, сказав, мол, негоже живым соваться туда, куда не велел господь. А если б она увидела то, что вижу я? Что здесь, над облаками, нет никаких херувимов — только арктический холод и бездонная чернота пугающе близкого космоса. Отнюдь не похоже на райские кущи. Отнюдь.

Я вновь смотрю на альтиметр: восемнадцать тысяч триста тридцать семь. Мы достигаем высоты равновесия, на которой масса гондолы уравновешивает подъёмную силу баллона, и подъём прекращается. Командир принимает решение сбросить часть балласта — почти сотню килограммов дроби — и аппарат снова идёт вверх. Оболочка принимает окончательную форму и теперь висит над нашими головами чудовищным серым шаром. Стратостат «ДОСААФ» — достижение инженеров страны Советов, мастодонт из двойного прорезиненного

перкаля объёмом почти двадцать пять тысяч кубических метров. Под ним на двадцати восьми стропах подвешена крохотная, меньше двух с половиной метров в диаметре, стальная сфера с тремя сидящими спинами друг к другу на узких откидных сидениях «отважными покорителями верхних рубежей атмосферы», как нас любят именовать радио и газеты. Мы — это командир экипажа Александр Тимофеев, бортинженер Алексей Ульрих, а третий — я, Роман Фёдоров, геофизик, ещё вчера — выпускник Ленинградского университета, а сегодня — стратонавт, отвечающий в этом полёте за всю «науку». Полученные данные понадобятся нашим лётчикам, ведь им, сталинским соколам, в ближайшем будущем предстоит штурмовать стратосферу. И лучше быть во всеоружии при встрече с ней. Вот потому-то и без того тесный шарик гондолы набит метеорологическими и астрономическими приборами и измерительными инструментами.

Мы поднимаемся до девятнадцати тысяч, и у нас появляется повод для радости: перекрыт рекорд, установленный летом прошлого года экипажем стратостата «СССР-1», в связи с чем командир отправляет радиограмму на землю. Я, выполняя программу исследований, беру пробы воздуха, записываю показания термометра. Там, за тридцатимиллиметровой сталью гондолы, минус пятьдесят семь.

Двадцать тысяч пятьсот. Я слышу какие-то странные шумы. Словно чей-то свистящий щёпот произносит какое-то слово, которое я никак не могу разобрать. Сначала я думал, что у нас разгерметизация гондолы, и свистит стремительно выходящий воздух, но теперь знаю, что звуки раздаются у меня в голове. Думаю, это галлюцинации, порождённые непривычной тишиной: стратостат, в отличие от самолёта или дирижабля, машина бесшумная. Тишину нарушают лишь монотонное жужжение вентилятора, прогоняющего воздух через регенерационные патроны, да лёгкий скрип карандаша, которым Тимофеев водит по бумаге, что-то записывая в бортовой журнал. Хорошо ещё, что мы разговариваем, да время от времени Алексей начинает напевать «Славное море, священный Байкал», — едва слышно, под нос. Он родом откуда-то из тех краёв; хороший парень, настоящий сибиряк телом и духом.

Пока не пришло время новых замеров, просто смотрю в иллюминатор. Иллюминаторов у нас девять: восемь по периметру гондолы и один в верхней её части — для наблюдения за оболочкой стратостата. Вновь думаю о том, как люди веками (тысячелетиями!) мечтали увидеть то, что сейчас вижу я: огромный шар укутанной плотными зимними облаками Земли, антрацитовое небо и нестерпимо сияющий глаз Солнца. Наверное, я должен быть счастлив. Но восторг первых минут полёта почему-то давно прошёл, и чем выше мы поднимаемся, тем сильнее чувство непонятной тревоги, словно мы вторгаемся на чью-то территорию, где нам быть не должно...

Двадцать две тысячи метров.

Мы всё ещё идём вверх. Очевидно, солнечные лучи нагрели оболочку стратостата, водород расширился, увеличив подъёмную силу. Часть газа даже вышла из оболочки через аппендицис. Алексей высказывает опасение, что для снижения нам придётся выпустить значительное количество водорода, а в плотных слоях атмосферы, когда объём оболочки существенно уменьшится, ско-

рость спуска может стать опасной даже в том случае, если мы сбросим весь балласт. Впрочем, нам необходимо дождаться захода Солнца — этого требует программа научных наблюдений — а там, глядишь, проблема разрешится сама собой: оболочка остынет, газ сожмётся и «ДОСААФ» начнёт снижаться. Пытаемся связаться с землёй и сообщить о сложившейся ситуации, но, увы, безуспешно. Похоже, мы находимся уже за пределами радиуса действия нашей радиостанции.

Двадцать две тысячи шестьсот.

Солнце заходит. Земной диск под нами погружается во тьму, зато становятся видны звезды и Луна. Невероятное, невообразимое зрелище! Меня охватывает восторг, в мгновение ока сметающий остатки мрачных воспоминаний. Вот она — первозданная красота Вселенной! Такого не увидишь с земли. Не увидишь даже с высочайшей горной вершины. Как там у поэта? «Открылась бездна, звёзд полна; Звездам числа нет, бездне — дна»? Впрочем, восторг быстро проходит, уступая место прежнему тревожному холодку. Сейчас, после заката, ощущение того, что мы — непрошеные гости на пороге чужого дома — становится ещё более отчётильным. И Луна. Её вид подливает масла в огонь. Она такая близкая, яркая и... жуткая.

Шёпот в голове становится всё навязчивее. Я ни за что в этом не признаюсь, но внимательно смотрю на своих товарищей, пытаясь понять: не слышат ли они чего-то подобного? Они невозмутимы, но это меня мало успокаивает. Я сосредотачиваюсь на научной программе. Произвожу ряд астрономических наблюдений. Фиксирую следы заряженных частиц при помощи камеры Вильсона. Беру последние пробы воздуха. Измеряю температуру, давление и содержание водяного пара. Стыдно признаться, но во мне сидит страх. Пока ещё маленький и слабый, но страх. И я всеми силами пытаюсь его изгнать.

Связи с землёй по-прежнему нет, хотя этому наверняка есть какое-то простое объяснение. Во всяком случае, мои товарищи ничуть не переживают по этому поводу. Холод, наконец, делает своё дело, и мы начинаем потихоньку снижаться. Я испытываю облегчение при этом известии. Впрочем, первонаучальная скорость спуска невысока, и Тимофеев принимает решение выпустить часть водорода. Для этого нужно лишь повернуть штурвал над нашими головами. Вращение штурвала передаётся барабану, который находится вне гондолы, на барабан наматывается шнур, проходящий через аппендиц внутрь оболочки и крепящийся противоположным концом к клапану. Всё просто. Посадка будет мягкой. Как на пуховую перину.

На высоте двадцать одна тысяча двести три метра (машинально бросаю взгляд на альтиметр) я замечаю нечто. Поначалу мне кажется, что это просто клочок пустоты, свободный от звёзд, и чуть чернее соседних. Но потом я замечаю, что «клочок» движется, постепенно приближаясь. Больше всего это похоже на чернильную кляксу, которая вдруг ожила и ползёт по небосводу. Сердце предательски ёкает. «Брось выдумывать чепуху!» — мысленно говорю я, беру себя в руки и обращаю внимание спутников на неведомое явление.

— Облако? Или метеорит? — предполагает Тимофеев.

— А ну как марсиане? — шутит Ульрих.

Я пожимаю плечами — никогда не видел ничего подобного и даже не встре-

чал упоминаний в книгах: мы ещё младенцы в освоении высоких слоёв атмосферы, и кто знает, какие загадки там таятся? Замираем возле иллюминаторов. Странный объект приближается — похоже, на той высоте существует мощное воздушное течение — и теперь мы пытаемся его разглядеть. Впрочем, безуспешно — это по-прежнему выглядит как непроницаемо-тёмное пятно. Только теперь оно напоминает не кляксу, не пятно, а...

— Да это ж ангел! — восклицает Алексей, на долю секунды опережая меня. — Ей-богу, ангел! Как на картинке!

Конечно, это лишь наше воображение, но мы различаем два крыла, руки, голову и что-то вроде бесформенной сутаны, скрывающей тело.

— Глядите-ка! — восклицает бортинженер. — Ещё один! И ещё!

Всё пространство вокруг нас наполнено чёрными густками. Они будто бы выныривают откуда-то из окружающей звёздной бездны и устремляются к нам. Их так много, что нам уже не видны Луна и большая часть звёзд. Некоторое время мы просто зачарованно смотрим в иллюминаторы.

Первым приходит в себя командир.

— Нужно доложить на землю! — говорит он. — Немедленно!

Прежде я никогда не видел его таким обеспокоенным. А он взъярен и взъят по-настоящему. Интересно, что он хочет доложить? Что на высоте двадцати одного километра мы встретились с ордой чёрных ангелов? Не будут ли нас ждать медицинская карета и полдюжины крепких санитаров?

Тимофеев щёлкает тумблерами радиостанции, но эфир мёртв. Оставив безуспешные попытки, командир берётся за бортовой журнал и вносит в него какие-то записи. Рука, водящая карандашом, как обычно тверда, но я вижу, какие усилия прилагает наш товарищ, унимая дрожь. Мне и без того не по себе, тут же становится и вовсе тошно.

А «ангелы», между тем, совсем рядом. Ближайшие — плавно дрейфуют в паре-тройке десятков метров от гондолы, словно медузы, влекомые морским течением. Мы можем оценить их размер — приблизительно с человека — но сказать что-либо о самой их природе по-прежнему нельзя: даже на таком расстоянии это всё ещё густки непроницаемой тьмы. И да, теперь я вижу, что в них нет ничего «ангельского» — просто гигантские небесные амёбы.

Их много. Потрясающе много. Они заслоняют и Луну, и звёзды, и Землю. А затем происходит кое-что поразительное: «амёбы» начинают сливаться друг с другом. Это новое нечто поначалу столь же бесформенно, как и его составные части, но чем больше оно становится, тем явственнее вырисовывается облик огромного чернильного спрута со множеством извивающихся щупалец. Зрешище настолько поразительное, что мы безвольно таращим глаза, а чудовищный небесный Кракен уже навис над нами и, судя по всему, он больше стратостата. Существенно больше.

И тут мы словно пробуждаемся от сна. Командир мечется от иллюминатора к иллюминатору, пытаясь оценить ситуацию, и кричит бортинженеру: «Лёшка, стравливай газ!». Алексей торопливо вращает штурвал, управляющий выпускным клапаном. Скорость спуска увеличивается.

Я ощущаю себя заведённой часовой пружиной, но пытаюсь держать себя в руках, сконцентрировав внимание на стрелке, ползущей по циферблату

альтиметра. Скоро мы войдём в более плотные слои атмосферы, внешнее давление сожмёт оболочку стратостата, его подъёмная сила уменьшится, и тогда надо будет сбрасывать балласт — свинцовую дробь в сорока мешках, подвешенных под гондолой. Четыре из них уже пусты.

Бросаю взгляд на иллюминатор и вижу то, что заставляет меня непроизвольно отпрянуть: откуда-то сверху спускаются чёрные клубящиеся смерчики, похожие на множество хоботков, сотканных из самой ночи. Они раскачиваются, извиваются точь-в-точь осьминожки шупальца, и... приближаются. Миг — и они обхватывают гондолу. Исчезают Луна и звёзды, за стеклом только тьма. Нас встряхивает. Командир выдаёт пару непечатных выражений. Мы судорожно пытаемся понять, что происходит.

Стрелка альтиметра замирает, а затем начинает движение, но — вправо.

— Оно тащит нас вверх! Вверх! — вырывается у меня.

— Газ! Трави газ! — кричит Тимофеев. — Лёшка, спускай нас!

Алексей вновь вращает штурвал. Мне кажется, клапан остаётся открытым бесконечно долго и водорода выпущено столько, что ещё чуть-чуть — и мы камнем полетим к земле. Но нет — это лишь едва замедляет подъём.

Я приникаю к иллюминатору, пытаясь разглядеть хоть что-то, и вижу лицо матери, прижавшееся к стеклу с той стороны. Оно совсем такое же, как в день смерти: измождённое, с торчащими скулами и запавшими глазами, только не бледное, а чёрное, будто высеченное из куска антрацита.

Я понимаю, что этого не может быть, потому... Просто не может, и всё! Должно быть, регенерационный патрон больше не выполняет свою функцию: кислорода в гондоле всё меньше, а углекислого газа всё больше, и задыхающийся мозг порождает галлюцинации. Я кручу головой, ища поддержки товарищей, но они сидят, безмолвно вперив взгляды в иллюминаторы. По их неподвижным напряжённым телам можно понять, что они тоже видят что-то, и, скорее всего, каждый — своё. Словно явившееся нечто каким-то образом залезло к нам в головы и оттуда у каждого вытащило самый сокровенный образ. Зачем? Чтобы сделать нас уязвимее?

Я вновь обращаю взор на явившийся мне призрак. Он больше не похож на мою мать — передо мной нечто безликое с огромным ртом. Рот... Нет, не рот — пасть!.. Открывается, и я слышу голос, лишённый эмоций, не мужской и не женский, вообще не человеческий и потому — жуткий. Слышу не через стекло — он звучит в моей голове. Голос произносит одно-единственное слово: «ОССАДОГОВА¹». Именно это слово бормотал мне на протяжении значительной части полёта навязчивый шёпот, который я наивно принимал за слуховые галлюцинации. Поначалу оно кажется случайным набором звуков, но затем я слышу, как Тимофеев произносит, ни к кому не обращаясь: «Оссадогова!» и понимаю — оно назвало нам своё имя.

Пасть немыслимо растягивается, превращаясь в огромную, во всём стекло,

¹ Оссадогова (Сын Садоговы) — существо, придуманное Г.Ф. Лавкрафтом. Упоминается в тексте под названием «О злом Колдовстве, вершившимся в новой Англии, и о Демонах Нечеловечьего Обличья», а также в романе «Таящийся у порога» (Г.Ф. Лавкрафт, А. Дерлэт).

присоску. Мой взгляд испуганно мечется по гондоле, и я вижу такие же присоски, прилипшие ко всем восьми иллюминаторам.

Нас снова ощутимо встряхивает, а затем меня бросает вперёд и ударяет головой о метеорограф. По лбу течёт тёплая струйка. Перед глазами мельтешат чёрные точки. Гондола вращается. Существо крутит нас, как паук, заматывающий в паутину муху. Мы — добыча в лапах чудовищного небесного паука.

— Лёшка, трави газ! Трави газ! — как заведённый повторяет командир. Бледный Алексей вновь судорожно крутит штурвал. Это не приносит ни малейшего результата. Оболочка стратостата, наверное, уже почти пуста — мы застряли в поднебесье, удерживаемые проклятой тварью. Либо она отпустит нас, и мы разобьёмся вдребезги, либо утянет ввысь, в неведомые космические бездны — туда, где только холод, мрак и нет никаких ангелов. В любом случае мы обречены.

О! Похоже, оно пытается проникнуть внутрь — я вижу, как на стекле появляются трещины...

Примечания

Технические детали устройства стратостатов и управления взяты из следующих источников:

Дружинин Ю. О., Соболев Д. А. Полёты в стратосферу в СССР в 1930-е гг.
<http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/STRATO/STRATO.HTM>

Мартенс Л. К. Техническая энциклопедия. Доп. том. — 1936.

КРОВЬ ДЛЯ МЕРТВЫХ БОГОВ

СЕРГЕЙ БЛИНОВ

«Рассказ этот написан по наитию ровно за две бессонных ночи. Помимо шумеро-аккадской мифологии, которая мне всегда казалась основополагающей для большинства классических фантастических сюжетов, в „Крови“ я попытался намешать все и сразу. Одержимого главного героя, лавкрафтiansкую идею о том, что некоторые тайны прошлого лучше оставить в покое, и реальных исторических персонажей. Насколько все вышло – судить читателю. Можно сказать, это маленький эксперимент.»

Если и есть на свете более мерзкая вещь, чем виски, то я ее еще не пробовал. И как только эти англичане пьют это? Мой уважаемый и великодушный господин Рэндолф Вебер может пить виски целыми вечерами. Собирает у костра всех англичан, достает бутылку — и вперед. Откровенно скажу вам: мне сначала тоже было любопытно — что это за чудесный эликсир, который можно поглощать изо дня в день? Но, попробовав виски один раз, я дал непреложную клятву себе самому, что в жизни больше не прикоснусь к этой отраве. Наверное. «Это ты не привык, Шем», — повторяет Вебер, но, право, я лучше и не буду привыкать.

Почему ты взялся сопровождать этих нечестивых свиней, которые жаждут осквернить священный Кальху, Шем, спросите вы. Я вам отвечу. Позднее. Понимаете, я не похож на мерзких, пресмыкающихся у английских сапог иракцев, которых Вебер просто купил за деньги. Я ни на кого не работаю, но у меня есть вполне определенные задачи. Задачи всей жизни. Наверное. Кто знает?

Солнце едва-едва осветило сторожевые башни, а город уже напоминал развороченный термитник. Шутка ли — в городе сам великий Синаххериб! Могучий царь изволил отдохнуть от коварного Вавилона и шумной Ниневии и почтил своим лучезарным светом Кальху. Последними приготовлениями к началу моления в храме Нинурты руководил желчный старый жрец Нинурта-апше-хадиш. Он пребывал в преотвратном настроении. Рабы и храмовые служки, привыкшие к тяжелой руке жреца, старались делать все возможное, чтобы не упустить чего-нибудь из виду и не рассердить его.

Хошеп как раз протирал одно из пяти копыт Шеду — каменного стражи, охранявшего врата в храм Нинурты. Для юного служки, едва освоившего тайны письма, сегодняшний день был особенным. О том, что он должен был сделать, не знал даже мудрый Нинурта-апше-хадиш, и Хошеп страшно гордился собой.

Есть такие дела, для осуществления которых нужен особенный человек. Хошепу было невероятно приятно, что особенным на сей раз избран именно он. Служка плонул на большой палец и провел им по копыту Шеду. Глянул — палец оказался чистым. Тоже достойно выполненная работа!

— А ты что бездельничашь? — раздался скрипучий голос Нинурта-апше-хадиша. Когда он успел подкрасться? — Вытер Шеду, так беги подметать пыль с дорожки! Десять шагов царя не должны быть омрачены!

— Да, господин, — Хошеп низко склонился перед стариком и был вознагражден зуботычиной.

— Не тяни время поклонами! Работай!

— Мои поздравления, — Вебер горд до неприличия, и мне просто необходимо польстить его самолюбию, — это действительно храм Нинурты. Видите эти барельефы?

— Кто на них, Шем? — англичанин надел свои нелепые очки и пытается теперь разглядеть стертые беспощадным временем изображения. Если бы я не знал заранее — кого изобразили мои предки, я бы и сам потратил уйму времени на их понимание. Может быть. Впрочем, Веберу стоило немного помочь.

— Это Мардук, — я смахиваю пыль с изображения царя богов, — А вот тут царь, ему Мардук протягивает символы власти. Полагаю, по времени подходит Синаххериб. Или Асархаддон. А вот здесь — сам Нинурта: видите, его вырезали с особой тщательностью.

— Да-да, теперь я вижу, — кивает англичанин и громко кричит, подзывая своих друзей.

Я тактично отхожу. Пусть этот недотепа потешит свое самолюбие. Пока. Я-то знаю, что мы с ним ищем несколько разные вещи. Кальху хранит множество сокровищ. И о некоторых из них англичанам знать не положено. И особенно — Веберу.

Иракцы, привезенные для раскопок, столпились вокруг большой колонны, о чем-то ожесточенно споря. Они вызывают у меня чувство омерзения. Неужели эти собаки успели забыть, насколько древней и славной была эта земля? Их земля. Хоть в их жилах чистая кровь моих предков была обильно разбавлена нечестивой кровью арабов и курдов, память поколений убить нельзя. Я не позволил убить свою. Наверное. Кто знает? Может быть, ты и не похож на древних ассирийцев, Шем, но ты не похож и на этих жалких тварей, слизывающих деньги и сало с английских пяток. Они не помнят даже имени своего прадеда, ты — можешь назвать представителей пятнадцати поколений своих предков. Они покоряются сильным, ты — птица свободного полета. В конце концов, они даже не помнят имен спящих в этих песках богов. Ты же знаешь, что боги не исчезают. Боги все еще здесь. Коснись их рукой. Я — коснусь.

Ладонь скользит по шершавому камню. Я знаю, что некогда этот камень был копытом статуи Шеду, охранявшего храм ныне забытого бога.

— Ты слышишь меня, Шеду? Я вернулся.

— Что ты там бормочешь, Шем? — Вебер... Как не вовремя! — Пора посмотреть, что там внутри. Командуй нашим арабам, чтобы готовили лопаты!

— Сию минуту, — я склоняю голову, обозначая повиновение. Прости меня,

Шеду, но покой храма придется нарушить. Но не просто так. Я знаю — зачем. Может быть. Но если не я — то кто знает?..

Великий царь Синаххериб готовился к церемонии. Его борода была уже аккуратно завита во множество колечек и подкрашена лазурью. Брови и длинные волосы царя рабыни подвели хной, чтобы скрыть седые волосы, уже начавшие пробиваться в буйной гриве правителя Ассирии и Вавилона. Но, несмотря на седину, Синаххериб не казался стариком. Его мощное, натренированное десятками военных походов тело пока еще отказывалось сдаваться на милость неизбежной старости, а глаза горели яростью и решимостью. Владычице Эрешкигаль пока еще было рано засматриваться на царя. Хотя смерть от старости — не единственная смерть, верно?

Синаххериб жестом прогнал рабынь, проводил их взглядом, отметив упругие ягодицы и стройные ноги молодых женщин. Царь любил женскую красоту. Он вообще многое любил в этой жизни, и, возможно, именно поэтому старость пока не могла подобраться к нему и обхватить корявыми руками его шею. Женщины, кровь, битвы, вино, красоты дальних стран. Ради этого стоило возблагодарить богов за отмеренную судьбу и предстать перед ануунаками с высоко поднятой головой.

Сегодняшний день должен был начаться с десяти шагов. Десять шагов до статуи Нинурты, десять благодарностей и десять молитв великому богу, хранящему Кальху. Синаххериб более всех чтил Мардука, но понимал, что без поддержки всех пятидесяти старших богов ему не будет удачи. Значит, и жертвы потребны каждому из пятидесяти.

— Величайший, все готово, — это жрец. Царь не помнил его имени, но знал, что он главный здесь, в храме Нинурты.

— И я готов. Вели рабам нести жертвы к статуе, — сказал Синаххериб, — а я последую сразу за тобой.

Жрец склонился в земном поклоне и, пятясь задом, скрылся с глаз царя. Синаххериб взял в руки свою высокую корону, пристроил ее на голову, поправил длинные складчатые одеяния и вздохнул, обращая мысли к великому Нинурте. Скоро он сделает свои десять шагов.

Горько было смотреть на то, как иракцы орудуют своими тяжелыми лопатами внутри храма бога. Великого бога. Они расшвыривали песок, расчищая дорогу ко внутреннему храму, совершенно не заботясь о тех реликвиях, что могли лежать здесь, засыпанные и всеми забытые. Не лучше оказался и Вебер со своими английскими друзьями. Они не только не пытались остановить иракцев, но еще и торопили их. Всячески. Неужели эти «археологи», как они себя сами именуют, не понимают, какой вред могут нанести? Впрочем, чего говорить о них, если даже со своими рабами-иракцами они общаются через переводчика. То есть, через меня. Неграмотные, неграмотные, лживые люди! Прикрываются идеей раскопок — и сами же эту идею оскверняют. Горе тебе, Шем! Ты живешь в неправильное время. Но ведь время тоже можно поправить, так? Не все время, но время одной, отдельно взятой экспедиции — точно. Именно этим я и должен заняться в самое ближайшее время.

Вы, наверное, можете счесть меня безумцем, если я расскажу, что мне, собственно, придется делать. В Англии для таких, как я, даже слово есть — «маньяк». Одно из немногих западных слов, которые мне нравятся. Мания, мания. Маньяк. Я — маньяк? Кто знает? В любом случае, мания у меня точно есть.

Англичан в нашей группе всего четверо. Включая Вебера. Да еще шесть иракцев. И я. Проводник пустынь, переводчик с арабского. Наёмный знаток древних культур и современных обычаев. Незаменимый и незаметный человек. И маньяк, но об этом никто пока еще не знает. Ах да, совсем забыл — я еще и верующий. Вот только моя вера вряд ли понравится вам. Иракцам она уже не нравится, ведь они не видят меня ежедневно преклоняющим голову перед Аллахом. Для них я кафир, неверный, нечестивый человек. Как и они для меня. Англичане, впрочем, еще глупее: они даже не поняли, что я не принадлежу к религии полумесяца. Тем хуже. Для них.

Я закрываю глаза и вспоминаю слова древнего заклинания. Они мне пригодятся сегодня.

...Эрешкигаль принеси дары мира живых, недоступного ей,
Инанне украшения принеси, в напоминание об умершем любовнике,
Нинурте быка принеси, Сину — золото,
Великий Мардук приказывает принести лишь жизнь...

Отвратительно звучит — и на арабском, и на английском. Но в мыслях я прочел заклинание на давно умершем языке. Языке моих богов. Заклинание о жертвах, так оно называется. Мне рассказал его отец, ему — дед, и так далее. Каждый мужчина нашего поколения должен принести жертвы всем великим богам. Я старался. Остался лишь Мардук.

Хошеп прекрасно знал значение каждого из десяти шагов царя. И настолько же хорошо знал, почему Синаххереб не должен сделать последний, десятый, шаг. Его отец рассказывал ему об истинных причинах того, что должно свершиться, ему рассказывал его отец, а того, кто впервые узнал страшную тайну, не знал никто и никогда.

Служка скорчился за ногой Шеду, высматривая в пестрой процессии, занимавшей все пространство внешнего храма, царя. Правая рука Хошепа сжимала кинжал, доставшийся ему от отца. У кинжала было имя, но юноше запретили не только произносить его вслух, но даже поминать мысленно. Чтобы ненароком не подумать об истинном имени оружия, Хошеп прокручивал в голове значения десяти шагов царя.

Первый — для процветания,
Второй — для войны,
Третий — для плодородия,
Четвертый — для мужской силы,
Пятый — для мудрости,
Шестой — для сыновей,
Седьмой — для Нинурты, хозяина храма,
Восьмой — для Ану, неба,
Девятый — для Эа, воды,
Десятый — для Мардука.

Мардук. Принимающий жертвы. Царь богов. Никто не знает, почему именно род Хошепа должен раз в поколение задабривать жертвой грозного бога войны. Не знает и Хошеп. Но он выполнит свою задачу.

Служка тенью скользнул во внешний храм, стараясь затеряться в процесии. Змей вертаясь между людьми, он уверенно пробирался к внутренней части храма. Синаххериб уже должен был приготовиться к десяти шагам.

Дверь во внутренний храм оказалась разбитой. Равно как и статуя Нинурты, некогда внушавшая моим предкам священный ужас. Времени у меня совсем мало. Жертва готова, но она еще не знает об этом. Я люблю скверные новости. Почему? Может быть, потому что у меня скверная жизнь.

Вебер делает первый шаг во внутренний храм. Там уже столпились иракцы, но мне они неинтересны. Моя жертва должна сделать лишь девять шагов, прежде чем отправиться на встречу с Мардуком. Странный обычай, наверное. Но — мой. Я словно чувствую это. Именно девять. Десятый, шаг Мардука, делаю я. И это приятно.

— Стойте! — кричу я на английском. Вебер и трое его соотечественников недоуменно оборачиваются.

Только для того, чтобы увидеть черное дуло «Маузера», смотрящее в их сторону.

— Что это значит, Шем? — рычит Вебер.

— Называйте это как хотите, мистер Вебер, — отвечаю я.

Резкое движение одного из англичан с головой выдает его намерения. Дернулся за своим пистолетом — получи первым! Я стреляю, и он падает, хватаясь за живот. Двое других спутников Вебера даже не делают попыток сопротивляться мне. Трусы! На каждого из них я трачу по пуле. Клянусь, я не дал бы за их жизнь больше свинцовой монетки, которая получилась бы из каждой из этих пуль! Но — приходится. Бах! Бах! «Маузер» изящно прыгает в моих руках. Когда с англичанами покончено, я, держа остолбеневшего Вебера на прицеле, подхожу ближе.

— Все прочь отсюда, — кричу я на арабском, — Иначе отправитесь к шайтану уже сегодня!

Угроза действует. Напуганные расправой над своими угнетателями иракцы бросают лопаты и бегут из храма прочь. Убивать их нет смысла. Никакого. Плохая жертва. То ли дело — Вебер!

— Повторяйте за мной, мистер Вебер, — улыбаюсь я. Он ошарашенно кивает головой. Какой же он глупец! Зато послушный.

— Первый шаг — для процветания! — Синаххериб переступает порог храма. Царедворцы и жрецы, окружающие устланную коврами дорогу от порога до статуи, стоят на коленях, упираясь руками и лбом в пол.

Хошеп — среди них. У самой статуи. Как он смог проскользнуть туда, он не понял и сам. Но Мардук, конечно, немало в этом помог.

— Сделайте еще шаг вперед и скажите: «Второй шаг — для войны», — я легонько толкаю Вебера в спину.

— Второй шаг — для войны, — он даже не перечит мне. Бесхарактерный слизняк! Может, я все-таки ошибся с жертвой? Да нет. Не может быть.

— Третий шаг — для плодородия! — Царь медленно воздевает руки к небу. Сквозь маленькие окна в храм проникает солнце, освещая статую Нинурты и богато украшенные золотом одежды Синаххериба. Хошепу очень хочется проверить, на месте ли кинжал, не потерялся ли он по дороге, но он терпит.

— Еще один шаг, — Вебер неловко ступает вперед. — Скажите: «Четвертый шаг — для мужской силы».

— Ты псих, Шем, — вместо нужной фразы произносит англичанин. Я стреляю в воздух. Вебер мелко вздрагивает и все-таки говорит нужные слова.

— Будьте послушным, мистер Вебер. Поверьте мне, от этого многое зависит. Еще раз шагните вперед.

— Пятый шаг — для мудрости! — Хошеп слегка наклоняет голову, пытаясь разглядеть царя. Тот уже прошел полпути. Освещенная солнцем фигура Синаххериба выглядит настолько величественной, что служка уже готов принять царя за одного из великих богов. Он будет поистине достойной жертвой!

— Очень хорошо. «Шестой шаг — для сыновей». Да-да, для сыновей, мистер Вебер, не перепутайте!

— ...для сыновей, — уныло повторяет англичанин. Право же, не родись я тем, кем родился, мне бы даже стало его жалко. Может быть.

— Седьмой шаг — для Нинурты, хозяина храма! — громко возвещает Синаххериб. Он уже совсем близко. Хошеп уже не может видеть его, но поворачивать голову дальше слишком рискованно. Значит, надо ориентироваться по голосу.

— Восьмой шаг — для Ану, неба, — повторяет за мной Вебер, делая еще один шаг. Он уже достаточно далеко от меня, но я все равно могу различить, как он вполголоса изрыгает проклятия в мой адрес, надеясь, что я не смогу услышать их. Смешно. Но смеяться нельзя. Жрец должен быть невозмутим перед лицом Мардука.

— Девятый шаг — для Эа, воды!

— Что бы это значило, Нинурта-апише-хадии? — Синаххериб задумчиво проводит ладонью по длинной бороде.

Жрец не может ответить ему, поскольку его язык лежит в стороне, вырванный изо рта, а сам он висит головой вниз на воротах дворца, и последние мгновения жизни уже утекают прочь, словно вода в оросительных каналах. Рядом со старшим жрецом висят все слуги и рабы храма Нинурты.

Хошеп хочет пошевелиться, хочет извиваться на своей веревке, но силы уже покидают его. Мардук не дождался жертвы, а, значит, все потомки Хошепа будут прокляты. Род не прервется, и бродить ему по земле, из поколения в поколение, выискивая жертвы для могучих богов, да только сравнимся ли любая другая жизнь с жизнью великого Синаххериба?

— Теперь встаньте прямо, мистер Вебер, и не делайте больше шагов, — моя ладонь вспотела от волнения. Или не от волнения. Но пистолет держать уже тяжело. Я опускаю его и достаю жертвенный кинжал.

Вебер тяжело дышит и продолжает что-то шептать в мой адрес. Но десятый шаг — шаг Мардука. Я перехватываю кинжал за лезвие и медленно заношу ногу через порог внутреннего храма.

— Мардук, царь богов, победитель Тиамат, — слова на древнем языке шелестят в воздухе храма, который два тысячелетия не слышал благословенной речи моих предков, — жертва твоя да будет угодна тебе, деяния мои да будут угодны тебе...

Я с силой топаю ногой, продавливая мягкий песок и обозначая шаг Мардука, и кинжал срывается с моих пальцев. Ругательства Вебера обрываются на полуслове, когда острие пробивает ему шею. Англичанин неловко взмахивает руками, точно подбитая камнем ворона, и падает на колени. А потом — лицом вниз. Наверное, он даже не понял, что произошло. Скорее всего, не понял. Хотя не мог не ожидать такой развязки. Или мог? Уже неважно. Я тоже опускаюсь на колени, погружаю ладони в песок и касаюсь пола лбом. В моих ушах звенит голос Мардука. Именно его. Точно. Я не знаю, что он говорит, ибо смертным нельзя понимать богов. Но я чувствую, что он доволен.

Может быть, я — последний, кто приносит Мардуку жертву. У меня нет детей, а о моем брате я не слышал ничего уже долгие годы. Искупит ли наше племя вину перед забытыми богами? Я не знаю. Не могу знать. Я сделал все как надо. Мои предки могли бы мной гордиться. Наверное. Кто я такой, чтобы утверждать точно? Никто. Пыль и песок в руинах храма Нинурты. Я поднимаюсь, иду к трупу Вебера и выдергиваю кинжал из его шеи. Вытираю его об одежду убитого и бережно заворачиваю в тряпичный чехол. Может быть, у меня все-таки будет сын? Или я встречу кого-то, достойного принести богам жертвы в следующем поколении? Почему-то мне хочется в это верить. Наверное. Потому что кое-что в этом мире явно не заслуживает того, чтобы взять — и кончиться. А вы как считаете?

АЛЬБЕРТ ГУМЕРОВ

«Долгое время меня привлекал образ Песочного Человека – демона, который пришивает глаза жертв к подкладке плаща. А поскольку делать Песочного Человека центральным персонажем – банально, решил намешать в рассказе несколько историй в обрамлении современной действительности».

Небо цвета синяка трехдневной давности настроения не улучшало. На душе и так было паршиво, и каждая мелочь, даже самая несущественная, била по нервам, как по натянутой струне. Спецовка неудобная, синтетическая ткань липнет к телу, мелкий дождь попадает за шиворот, да еще этот цвет неба дурацкий...

Завалить урода было делом нетрудным. Гораздо сложнее оказалось спрятать тело. В итоге я решил убить даже не двух, а трех зайцев — и самолюбие потешить, и ментов по носу щелкнуть, и избавиться от бесполезного куска мяса.

Главное в таких случаях — правильно обработать тело. Просто засунуть в пакет и закопать можно только где-нибудь на пустыре или в лесу... Словом, — в месте, где вероятность, что на могилку кто-нибудь наткнется, приближается к нулю. Я же закапывал бренные останки в самом центре города, неподалеку от мэрии, а тут уже нужен особый подход. Закапывая тело, надо учитывать, что спустя некоторое время оно раздается, а значит, земля вспучится и, скорее всего, вскроется, и оттуда пойдет неприятный запах. Собственно, тогда-то тело и обнаружат.

Мне это совсем ни к чему. Технически выполнить необходимое несложно. Тело вскрывается от шеи и до паха, ступни дробятся. В конце руки от запястия и голова отделяются из соображений перестраховки — вдруг тело всё-таки обнаружат. Без кистей и головы — это даст мне чуть больший запас времени до того, как личность жертвы установят.

Да какая он жертва! Урод уродом! Да, формально Александр Васильевич Дубов, сорока двух лет от роду, никого не убил. Фактически же эта мразь при жизни торговала наркотиками. И не просто торговала, а подсаживала на иглу «золотую молодежь», чтобы потом не было перебоев с получением денег за дурь от несчастных богатеньких болванов. Скотина не просто жила, она процветала. Правда, не так уж долго...

Я улыбнулся своим мыслям. Миссия выполнена. Спецовка с гордой надписью «Горгаз» не вызывала никаких подозрений, а потому тело было благополучно зарыто между мэрией и торговым центром. Да мало ли, что закапывает работяга, правильно? Ему сказали — он и закопал, а что именно находится в свертке — кто ж его знает?

Не вызвав никаких подозрений, сел в свою старенькую раздолбанную

ДНЕВНИК ОХОТНИКА

«шестерку» и покатил в сторону промышленной зоны. Сперва голова, а руки можно закопать где-нибудь или просто выбросить на мусорке на съеденье грызунам и стаям бродячих собак. По обе стороны от дороги на километры тянулись склады, огороженные территории, стихийные свалки... и душные июльские вечерние часы. Как раз то, что нужно.

Ничего не опасаясь, я вышел из машины, открыл багажник, достал пакет для мусора. Голова как голова, ничего примечательного: нос с горбинкой, борода, измазанные кровью, сбившиеся в сосульки волосы, вывалившийся язык, вонища. Как там говорят? Глаза — зеркало души? Ну что ж, посмотрим.

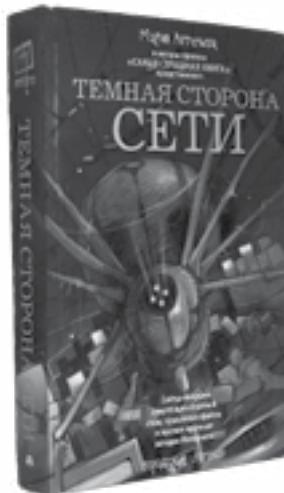
Я бережно вынул из футляра скальпель...

Я занимаюсь тем, что охочусь на всякую погань. На те отбросы человечества, борясь с которыми у полиции нет ни сил, ни желания, а порой бывает так, что эта рыбка полиции просто не по зубам. Работаю в паре. С семнадцати лет. Сейчас мне двадцать три. Я исполнитель. Тот, кто меня направляет, никогда не ошибается. Кто он такой, я не имею ни малейшего представления. Как выглядит? Жутко. Черный балахон с капюшоном, за плечами — мешок. Не рюкзак, а именно мешок. Вроде как для картошки, только хранит он там кое-что другое.

Если бы не он, я, пожалуй, никогда не стал бы охотником. Так и терпел бы постоянные приставания и липкие руки отчима, боясь лишний раз вздохнуть в его присутствии. Так и остался бы затравленным бедолагой. Пока не слетел с катушек или не повесился бы. И первый, и второй вариант, наверное, идеально устроил бы всех, поскольку я для всех был обузой.

Так получилось, что однажды, после очередной серии домогательств, я сходил на кухню, взял нож и нарисовал отчиму вторую улыбку — чуть ниже первой.

**Мария Артемьевна и авторы
проекта «Самая страшная
книга» представляют:**

Темная сторона сети

**спрашивайте в книжных
магазинах!**

Обычная смерть для него показалась мне слишком простой, поэтому, чтобы выразить всю скопившуюся за годы ненависть, я выколол ему глаза.

Тогда-то я и встретился со своим напарником в первый раз. Он просто выступил из тени в дальнем углу комнаты. Стало не просто страшно — я оказался от ужаса, от того, что кто-то видел, как я расправился с отчимом!.. А человек просто стоял и ждал. Правда, когда спустя мгновение он вышел из тени полностью, и луна очертила профиль, я понял, что ошибся. Человека это существо напоминало только в общих чертах.

Ярко-желтые кошачьи глаза на кукольно-детском личике без бровей заставляли. Безгубый рот постоянно то кривился в ухмылках, то широко раскрывался. В его недрах едва виднелся обрубок языка. Вороний клюв над верхней губой казался чужеродным, приклеенным к пластмассовому лицу каким-нибудь ребенком с большой фантазией.

Клювастый вытянул руку. Молча. Я всё понял без слов. И так же молча вложил глаза отчима в раскрытую ладонь. Незнакомец снял с плеча мешок и ссыпал туда глаза.

— Зачем? — только и смог выдавить из себя я. Бежать не хотелось. Было стойкое ощущение, что, если он захочет — никуда я не убегу. Тщетность и никчемность существования навалились многотонным грузом. Я ничтожество, чего уж там приукрашивать.

— Я кормлю ими своих детей, — проскрипел голос в моей голове. Именно внутри, поскольку клюв оставался закрытым, а рот выполнял лишь декоративную функцию.

То есть эта тварь не одна, и у нее есть как минимум жена и ребенок. Меня разобрал смех, и я принял истерически хохотать, представляя клювастого в роли заботливого папаши.

Пощечина привела в чувство. Рука была горячей, на щеке точно остался отпечаток от чешуек.

— Таких, как твой отчим — тысячи. Ты ведь понимаешь? — голос змеился трещинами безумия внутри моей черепной коробки. — Ты будешь избавлять мир от таких, как он. Я помогу. Пока слушаешься меня — живешь и никого, кроме меня, не боишься. Откажешься — твои глаза попадают на ужин моим детишкам.

Что я мог ответить?

— Кто ты? — с этого надо было начинать. А теперь, по большому счету, какая разница?

— На востоке меня называют просто джинном. Безлико. Один из десятков тысяч... На Западе отношение ко мне совсем другое, — чудовище сухо засмеялось. — Я могу быть как доброй феей, укладывающей спать маленьких детей, так и безжалостным убийцей, выедающим глаза у тех, кто мне не понравился. Я — Песочный Человек.

Тогда я понятия не имел, кто это. Но понял, что повезло мне — лучше не придумаешь...

Сам я превратился в охотника. Точно следовал инструкциям Песочного Человека. Выслеживал, убивал, извлекал глаза, подносил ему, уходил от преследования.

Ни разу не усомнился в том, что говорил клювастый. Страха за собственную жизнь не испытывал ни малейшего — смысл, если я был уверен, что всегда, в любой ситуации меня вытащат?

Да, я был всего лишь инструментом, но меня это вполне устраивало. Я очищал землю от скверны. Мне льстило ощущать себя палачом, карающей дланью Господа или чем-то вроде этого. Правда, вспоминая того, кто направлял меня, на ум приходил не Господь, а кое-кто другой. Эти мысли я гнал. Колесил по нашей Великой и Необъятной. Как по крупным городам, так и по деревушкам. Больше, чем на пару недель, ни в одном городе не задерживался. Деньги брал из карманов убитых. Жертвами были маньяки, насильники, наркоторговцы и прочее отребье. Никто не отpirался, не просил о пощаде, не сопротивлялся — я никому не давал шансов. Действовал неожиданно, разнообразно, грязно и предельно жестоко. Единственное, что оставалось сравнительно неизменным — процесс избавления от тела.

Полиция наверняка вела меня с самого первого убийства. Благодаря Песочному Человеку близко ко мне они не подбирались. Инструкции всегда были подробными и могли зазвучать в голове в любой момент. Если бы меня поймали, и я поведал бы всю правду, меня сразу же определили бы в невменяемые. Пожалуй, я и сам себя посчитал бы сумасшедшим. Но ведь всё, что говорило чудовище, оказывалось правдой, а инструкции работали. То есть — я не проверял: были ли убитые мной насильниками и убийцами, но вся остальная информация, которую давал мне монстр, была верной на все сто процентов. А самым главным аргументом оставалось то, что я безнаказанно уходил от любой погони более шести лет. Это ведь что-то да значит?

Постепенно я превратился в подобие персонажа компьютерной игры. Пришел, сделал то, повернулся туда, сделал это, ушел сюда... А во всех ли случаях Песочный Человек прав, и все ли, казненные мной — подонки? Или тварь могла ошибиться, и я отправил на тот свет ни в чем не повинного человека? Пожалуй, это и стало началом конца.

— Батюшка, я к вам, — я чувствовал себя неловко. Не просто не в своей тарелке, а реально боялся до жути. В буквальном смысле — коленки тряслись.

О местном настоятеле я слышал разное. Деревушка была глухой, что, в принципе, играло мне на руку. Поговаривали, что отец Алексий мужик не плохой, но больно уж одиночество любит, разговаривает сам с собой, да и вообще со странностями.

Я, как только осознал, что хочу «соскочить», принялся собирать сведения о более-менее схожих случаях. Проблема в том, что похожего ничего не нашлось, а самым близким показался ритуал изгнания дьявола. Так и получилось, что все дороги ведут в церковь.

О крови на своих руках я умолчал по вполне понятным причинам, а вот в собственной одержимости признался чуть ли не с порога. Батюшка с серьезным видом кивал, поглаживая то жидкокватую бороденку, то блестящую лысину, подливал мне зеленый чай, а я рассказывал о своей проблеме, взвешивая

каждое слово, чтобы не выдать ничего о совершенных убийствах.

В итоге я напрямую попросил его провести обряд экзорцизма. Настоятель как-то сразу согласился, словно именно этого и ждал с самого начала разговора. Сказал, что медлить нельзя, велел раздеться, попросил не дергаться, когда он будет привязывать мои руки и ноги к ножкам и подлокотникам тяжелого резного кресла. Вот тут я напрягся. Не хотелось оказаться совершенно беспомощным в руках странноватого батюшки. С другой стороны — выбора у меня не было, о чём отец Алексий и сообщил мне, сказав поступать, как велено, и не быть бабой.

Делать нечего, разделся до белья, покорно сел в кресло, попытался настроиться на позитивный лад. Не получилось: под ложечкой сосало, и я то и дело ждал подвоха.

Сперва батюшка читал что-то по Библии, но я не вслушивался — широко раскрытыми глазами наблюдал за тем, как из складок рясы жестом фокусника он извлек... скальпель.

— Глаза — зеркало души, да? Так говорят? — батюшка склонился надо мной. Краем глаза я заметил движение, и вот оно: бесформенная, словно сотканная из теней фигура в балахоне, из-под капюшона которого выступает кончик клюва. Это было последнее, что я увидел.

Потом я умер.

НИКОЛАЙ ЗАЙКОВ «КРАСНЫЙ ЗОВ НОЧИ»

НИКОЛАЙ ЗАЙКОВ

«Зайков Николай Николаевич, родился в городе Черемхово Иркутской области. Окончил Новосибирский государственный университет. Филолог. С 1992 по 2007 год – главный редактор и генеральный директор ежедневной независимой газеты „Вечерний Новосибирск“. Ныне занимаюсь тем, о чём мечтал всю допенсионную жизнь – сочиняю фантастические рассказы».

Хозяин запил.

Сутки такса лежала возле его постели, боясь обмочиться. Думала: вот он встанет, не сообразит спросонок, что она обмишурилась по-маленькому, поскольку зёрнётся в её моче и упадёт. Голову расшибёт. Куда ей тогда, без живого хозяина? Мёртвых хозяев и у дворовых подружек хватает.

Вообще мёртвых гораздо больше, чем живых.

Наконец хозяин очнулся, глянул на суку мокрым глазом, молча влез в штаны, в дублёнку, потом в кепку, потом в зимние сапоги и молвил:

— Гулять!

Они вышли в ночной двор. Ни человек, ни собака не соображали, который час. Такса — по естественным причинам. Упав задом в первый же сугроб, она наслаждалась ...наслаж-жда-алась... жидкость из тела текла сладко... текла сладко... текла и текла... Воздев морду к шальным звездам, она, похоже, готова была приступить к неприличному для пожилой суки сентиментальному акту песновоя. Но в самый сакральный миг — испустила дух. Скончалась. Померла. Издохла. Некий важный орган ее маленького тельца не выдержал долгого терпения: лопнул ли от перенапряжения мочевой пузырь, запер ли собачье сердечко тромб, а может быть, мозг отворил под напором крови свои непогрешимые шлюзы — кто знает?

Хозяин еще некоторое время глазел на звёзды, сидя на апрельском снегу. Затем, разом забыв и о небесных стекляшках, и об естественных надобностях, схватил в охапку тёплый трупик драгоценной подружки и прижал его к своей небритой, перегарной лицеморде.

Мужик реально почувствовал себя сукой. Луна свалилась на его лохматую, давно не стриженную голову, взмыла в небо и вновь ударила его по пегой, несчастной, дурной башке.

С восьмикилограммовой тушкой на руках пьяница поднялся в квартиру, отыскал нехитрый инструмент, сунул в карман изрядно початую бутыль и вновь выполз под волшебные — звёздные, звездевшие, звездейшие, звезданутые, звездатые — предвечные небеса.

Свод мерцал.

На пустыре, в одиночестве, алкоголик выкопал в подтаявшем снегу убогую

могилку, положил в неё влажное тельце, сложил на груди таксы крестом короткие передние лапки (в такой позе она любила спать в своей корзинке) и медленно-медленно, долго-долго, до розового рассвета, пил из горлышка вонявшую хлоркой водку. Он приказал истощённому мозгу не думать в эти страшные минуты. Мозг привычно подчинился.

По воротнику пушистой небесной шубы катился изумрудик последней звезды, когда Леонид вернулся в свою затхлую берлогу.

Долго и бессмысленно он сидел на унитазе, ожидая облегчения. Вдруг заметил на животе матерчатый крест — на днях он приkleил к назревшему фурункулу листок алоэ двумя кусочками лейкопластиря. Прыщ чесался. Человек оторвал от кожи крест: в соке алоэ плавала гнойная капля крови. Приподняв тощий зад, Леонид с отвращением метнул гнойно-кровавую повязку в фаянсовую бездну.

Лучше бы он этого не делал. Потому что тотчас же где-то — то ли в глубинах его подсознания, то ли в космосе других вселенных, то ли в подсознании неведомых существ других вселенных — в общем, где-то далеко-далеко, на границе бытия и небытия (может быть, вообще в параллельном мире) — раздался робкий звук, словно младенец блаженно вздохнул во сне.

И уже в тот момент, когда Леонид, раскорячившись, промокал туалетной бумагой неиспользованную задницу, на поверхности унитазной лужицы осторожно проявилась треугольная усатая мордочка.

...Почувствовав тонкий укол в шею, Леонид широко распахнул глаза. Не шевелясь, посмотрел в чёрный потолок. Было тихо. Очень тихо. Тишина абсолютная. Нет звуков — значит, нет ни времени, ни пространства. Нет энергии. Руки не желали двигаться. Всё, что он сумел, — с трудом приподнять правое плечо, чтобы прищемить им место укуса. Тихо. Нестерпимо, нечеловечески тихо. Так тихо не бывает даже под километровым слоем ваты. Которого тоже не бывает.

Вот и последнего друга нет. Жизни нет.

Мёртвыми зрачками Леонид смотрит в чёрный потолок. Мать умерла — два года назад. Потом ушла жена. Сначала в ислам, потом к южному джигиту. Осталась лишь фотография на комоде. А теперь и такса издохла.

Существо, похожее одновременно на выдру и на крысу, высунувшись из туалета, внимательно вслушивается в тишину квартиры. Нет четырёхлапого стремительного и отважного врага — остался лишь его мерзкий запах. Но есть двуногий божественный резервуар, наполненный мучительно-нежной, сладостной жидкостью, в которой, словно сахар, растворена любовь. Красная жидкость — жизнь. Крупный пришелец сторожко забирается на кровать, пробирается к шее человека, долго ждёт и наконец прокалывает вену крошечным шильцем-зубчиком. Его слюна гасит последние силы

алкоголика, навевает чёрные наркотические сны.

Днём под неопрятной рыжей бородой и закрывающей шею нечёсаной шевелюрой красные пятнышки инъекций не видны. Да и кому разглядывать? Нет жены, нет друзей, нет родственников, нет даже собаки, а есть лишь смертная тоска на сердце при свете и обмороочные, танцующие под шорох цветущих черёмух, видения ночью. Соседи, конечно, замечают, что после смерти собаки Леонид совсем сдал, опустился. Отошёл ещё страшнее. Скелетоподобный, рыжебородый, пошатываясь, пряча за стеклами очков мутноватый взор,

он добирался теперь только до ближайшего киоска — купить дешёвого пойла, сухариков, пачку сигарет. Сил дойти до настоящего магазина уже не оставалось, да и денег ... В нынешнем состоянии о работе нечего и думать.

Существа, похожие на выдр и крыс, полностью хозяйничали в его квартире. Если он, после очередного приёма палёного пойла прямо возле ларька, ввалившись в двери, последними усилиями запирал засов и падал на пол в прихожей, они, окружив его стаей, словно полинезийцы — своего очередного каменного истукана на острове Рапа-Нуи, волочили к кровати гигантский груз, громко фыркали, стряхивали влагу с кончиков усов. Устраивали истерику, когда не удавалось водрузить священное тело на платформу-аху. Случалось, что они убивали одного из своих детёнышей (принесли жертву Богу) и пытались влить в пересохший рот идола чёрную

**НОВАЯ КНИГА ВАРГО
уже в продаже!!!**

Фрагменты

**Собери ужасы
по фрагментам!**

тусклую кровь, сами отказываясь в эту ночь поглощать из его вен алый напиток жизни. Иногда они приносили для Леонида украденную или найденную где-нибудь еду: кусочек заплесневелого сыра, колбасный огрызок, грязную корочку...

Однажды их идол, их кормилец, их кумир и хранитель божественной силы

утром не поднялся с кровати. Не смог. А вскоре и дышать перестал. Вышедший из недр канализации странный народец впал в отчаяние. Печальные колонны выдрокрыс на задних лапках — кто со свечками, кто с барабанчиками — шествовали из угла в угол часами. Шесть самых крупных, величиной с небольшую кошку, жрецов-фанатиков аккуратно распрямили труп хозяина, дрожащими от горя и почтения перепончтыми лапками закрыли его глаза, возложили на веки пятирублевые тяжелые монеты, положили на грудь женскую фотографию с комода, прилепили к бархатному покрывалу шесть миниатюрных свечек и всю ночь, до восхода солнца стояли в почтительнейшей из поз их далёкого мира. По выдрино-крысиным усикам катились капли — слёз, слюны, их собственной тусклой крови и выпитой ими алоей крови Леонида.

Свечки догорели, холодное пламя лениво облизало ложе бывшего человека. Нет любви — не стало и жизни. Горестная стая тёмных существ с треугольными головами вереницей, один за другим, скрылась в унитазе. Булькнула вода. Махнул напоследок прямой короткий хвост главного жреца.

Тринадцать суток горел пятиэтажный дом, выбрасывая в чёрное небо красные языки пламени. Пожарные отступили; огонь угас сам собой на четырнадцатый день.

ИНГАЛЯЦИИ

АНДРЕЙ ДИЧЕНКО

Андрей Станиславович Диченко. Родился в 1988 году в Калининграде. С 1990-х живет в Беларуси. Белорусский русскоязычный писатель и журналист, редактор минского журнала «Я». Автор книг «Ты – меня», «Плиты и провалы». Участник нескольких коллективных сборников, изданных как в России, так и в Беларуси.

Дима Меньщиков рос в интеллигентной семье. Оба его родителя были людьми учеными, часто читали по вечерам книги и слушали музыку, в которой было много красоты, но мало смысла. Дима был у них единственным ребенком, а поэтому не жаловался на отсутствие любви и внимания.

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, родители перевели его в школу с углубленным изучением точных наук. В ней же он постоянно подвергал себя мучениям, осознав всю бедственность своего положения. Дело было вовсе не в учебе: Дима отличноправлялся с уравнениями и с легкостью решал задачи по новой для него науке – физике. Причина всех терзаний крылась в его низкорослости. Когда учитель физкультуры – крупный мужчина со светлыми помыслами – строил ребятню для игры в футбол, щуплый Дима замыкал шеренгу. По этому поводу над ним злобно подшучивали одноклассники, а одноклассницы и вовсе не обращали внимания, отдавая предпочтение старшим (высоким и с низкими голосами). Дима пробовал курить, ругаться плохими словами и придумывать какие-то глупые шутки – но все было без толку. Ровесники видели в нем гнома и этот его недостаток использовали каждый раз, когда подворачивался случай.

Однажды он поделился своей проблемой с двоюродным братом, который был старше на каких-то пять лет. К сожалению, этот великовозрастный парниша вообще не понимал, какие тут могут быть проблемы, если года через три Дима тоже заговорит басом и подрастет вслед за всеми. Но три года, ясное дело, были как вечность, за которую никак не уцепишься.

По вечерам, когда родители засиживались в научных институтах на благо страны, Дима думал о своей нелегкой судьбе и параллельно листал увесистые книги давно умерших авторов. Глядя на черно-белые картинки и по слогам произнося сложные научные термины, он думал о научном прогрессе, который когда-нибудь избавит от душевных терзаний всех несчастных. Например, всех маленьких сделает большими, толстыми – худыми, а глупых – смешленными.

В одной из книг говорилось, что к жестким и агрессивным чертам лица гробовщиков и прочих работников с падалью приводит трупный яд. Помимо текста неизвестный художник изобразил нескольких персонажей. Похожих Дима видел с утра, когда шел в школу мимо продуктового магазина, и они ему нравились.

Решив проверить эту теорию на практике, он палкой изловил большую серую крысу возле контейнеров с мусором и, бросив ее, еще живую, в банку,

закатал ее металлической крышкой. Крыса дергалась в банке, царапала коготками стеклянные стенки и истошно пищала. Дима закопал ее вместе с банкой на поросшем бурьяном пустыре за микрорайоном.

Придя к своему кладу через несколько недель, он обнаружил вздутую алюминиевую крышку и крысиную падаль, источавшую сладкий запах мертвцкой плесени. Откупорив крышку маминой открывалкой, он прижал горлышко банки ко рту и короткими вдохами стал заполнять полости легких продуктом белкового разложения. Диме стало плохо. Из глаз его потекли слезы, а живот скрутили рвотные спазмы.

Опрокинувшись на спину, он закашлялся и едва подавил в себе спонтанный приступ тошноты. Заболел живот.

Придя домой, Дима принял исследовать свое отражение в зеркале. Но к его сожалению, кожа была так же безукоризненно чиста, а кучерявые волосы блестели. Никаких признаков взросления. Разве что глаза немного покраснели, но это из-за слез, вызванных резким, сравнимым разве что с нашатырем запахом.

Дима решил, что все дело в миниатюрном размере крысы и плохом качестве продуктов ее разложения.

На следующий день он подобрал маленького черного котенка, которого местные дети поили молоком и кормили куриными шкурками. Закатав его в банку, он положил свой новый саркофаг в вырытую ямку и присыпал землей.

После месяца томного ожидания он вновь вернулся к своему секретному месту погребения. Откупорив банку, он принял глотать воздушный коктейль разложения, надеясь, что тот принесет ему желанный эффект. Вновь чуть не потеряв сознание, он отбросил банку с трупом и расплакался.

Ему казалось, что огромные демонические головы с металлическими рогами мчатся, чтобы прокалывать людей и превращать зеленые лужайки в безжизненное пепельное пространство, похожее на лунную поверхность.

Справившись с приступом галлюцинаций, он отправился домой.

И даже после этого акта он не заметил никаких изменений. Разве что в голову его закралась мысль, что ад все-таки существует.

Не растеряя надежды на позитивную трансформацию, он воровал щенков,

Темная сторона российской провинции

Сборник рассказов Марии Артемьевой
о таинственной России – ужасы и мистика
в городе и деревне, исторические загадки,
современная мифология. Не скучное чтение!

www.ozon.ru/context/detail/id/27913584

собирал лягушек и ящериц; однажды словил даже голубя с поломанным крылом. Несмотря на то, что падаль пахла примерно одинаково и давала лишь галлюцинации, он пытался найти отдушину, которая моментально состарит его клетки и придаст мужественности растерянному детскому лицу.

Дима был уверен, что идет по верному пути, но организмы, которые он предавал разложению, были совсем не тем, что требовалось.

Однажды, сидя на лавочке возле подъезда, он увидел молодую соседку Нину, совсем недавно родившую ребенка. Дима влюбленным взором смотрел на коляску. Тем временем умирающая Нина покачивала ее и, естественно, не обращала внимания на прилежного и неконфликтного мальчугана. Ее ребенку не исполнилось и года, поэтому в пространстве коляски спало совсем еще маленькое тельце, которое иногда издавало тихий, похожий на щенячий скулеж, плач.

Пока Нина думала о том, кем станет ее прекрасный сынишка, Дима пытался сообразить, где можно найти тару объемом побольше, да еще и с герметичной крышкой.

Поиски на данном жизненном этапе были его очевидным смыслом.

Как только Степан Худяков вернулся из армии, так сразу же взялся за работу. Вообще Степан был не очень-то озабочен своим будущим. В детстве он всем говорил, что мечтает стать женщиной, чтобы меньше думать о способе добычи денег. В школе учился на тройки, в училище ходил кое-как. Выучившись на слесаря, ушел в армию, а вернулся совсем другим человеком.

Учителя и родственники Степана не могли на него с тех пор нарадоваться.

— Ой, неужели это ты, Степка, хулиган ты эдакий! — говорила Екатерина Андреевна, вытирая слезы счастья бумажной салфеткой. Она не могла поверить, что когда-то этот внушающий доверие мужчина клал ей кнопки на стул и рисовал на доске гигантские половые органы, в том числе и женские, с достоверной точностью.

Большую часть времени Степан молчал. Когда же его о чем-то спрашивали — отвечал однозначно, без особого рвения превратить беседу в обширную дискуссию. Люди говорили, что благодаря своей сдержанности и железной дисциплине он разбогател и стал примером для всех мальчишек его родного города.

Единственный, кто видел, что Степану есть что рассказать, был маленький мальчик Прошка, который все время играл в песочнице с оловянными солдатами и напоминал, скорее, призрака из далекого прошлого, а не человека.

Степан часто смотрел на Прошку и его солдатиков. Все, что было связано с армией, нравилось Степану. Однажды Степан не выдержал и подошел к мальчику, завернутому в старый, явно купленный когда-то ему на вырост свитер. Из-за этих одеяний Прошка походил на маленького скитальца. Или монаха.

— Тебе родители подарили таких солдатиков? — спросил Степан.

— Нет. Родители умерли.

— А кто тогда подарил?

Прошка посмотрел Степану в глаза и, улыбнувшись во весь свой беззубый рот, сказал:

— Деда подарил.

Степан улыбнулся Прошке в ответ. От общения с мальчиком ему стало не-померно легко. Еще не сказав ни слова, он уже чувствовал, как летает на скользком космическом корабле в безвоздушном пространстве и сквозь толстое стекло гермошлема смотрит на Луну.

— Как дела у дедушки? — Степан присел на корточки.

— Нормально. Парализован, как всегда. А бабка пьет! — несмотря на всю грусть сказанных слов, Прошка продолжал улыбаться. Степан подумал, что наверняка ему тоже есть что рассказать о мире.

— Меня Степан зовут, — Худяков протянул Прошке руку.

— Тут все знают, как тебя зовут, — Прошка положил свою маленькую ладошку, перепачканную в песке, на бугристую ладонь Степана.

— Поехали ко мне домой, я расскажу тебе одну большую тайну!

Прошка кивнул и вскочил на ноги. Затем он отряхнул дырявые синие брюки

от налипшей грязи, сложил солдатиков в прозрачный пакетик и направился к большой черной машине Степана.

Сначала они колесили по городу минут двадцать. Прошка, как завороженный, смотрел на улицы из салона автомобиля и представлял, будто он тайный диверсант и поджигает тесные магазины и практически разрушенные остановки. Глядя на прохожих, он мечтал, как станет работать штык-ножом и осколочными гранатами, а потом поставит на колени параллельную группу из начальной школы за то, что там ему дали кличку «Тухлый» (из-за скверного запаха его одежды).

— Приехали, брат. Выходи! — прервал мечтания Прошки голос Степана.

Отворилась калитка, сделанная из толстого металла, они вошли сначала во дворик, устланный ковром чересчур зеленой газонной травы, а потом скрылись за массивными металлическими дверями большого дома. В нем уже пять лет жил Степан Худяков.

Как только они оказались в прихожей, обшитой самыми дорогими породами древесины, Степан резко подался вперед и скрылся в одной из комнат. Вскоре он вернулся с большим кожаным саквояжем, который пах гуталином и в свете лампочек блестел, как дорогой шоколадный крем, который нужно намазывать на батон по утрам, если ты из семейки богачей.

— Знаешь, что здесь, Прошка?

— Наверное, ваши деньги... — услышав это, Степан рассмеялся. Но не потому, что Прошка хотел денег. Он увидел в своем новом друге наивного и глупого мальчишку. Впрочем, он уже сейчас знал, что у Прошки будет большое будущее.

— Вовсе не деньги, мой юный друг!

Скрипнув позолоченным замочком, Степан открыл чемодан. В нем лежали аккуратно сложенные цветные фотографии самых разных размеров. Прошка подошел к чемодану и нагнулся над снимками. На приятной матовой бумаге были изображены изувеченные люди, окровавленные части тел и черные обгоревшие трупы, похожие на подкопченные греческие скульптуры из больших столичных музеев.

— Это сержант Пащенко. Ему оторвало ноги, — Степан протянул один из снимков Прошке.

— А вот это — внутренности рядового Петрова. Они похожи на испачканный в солдатской каше длинный кабель, — от сказанного Прошка рассмеялся.

— Вот оголенная кость волосатой руки комбата Семенова. Крупным планом, — Степан доставал фотографии по очереди. Прошка в это же время думал, что их в этом чемодане, наверное, несколько тысяч. — Это близнецы, Тимур и Вахтанг. У одного пробит череп, второй совсем без конечностей. Оба трупы. Развороченный десантный отсек БТРа — из-за кумулятивного заряда сгорели все, и получилась такая вот картина.

Прошка хохотал.

— А вот это диверсионная группа, которую накрыло ГРАДом. Как думаешь, сколько тут было человек?

— Ну, наверное, двенадцать...

— Врешь малой, целых двадцать пять! И все — в кашу!

— Как тушенка из банки! — крикнул Прошка и от радости подкинул фотографию вверх, представляя взрыв фугасного боезапаса.

Просмотрев добрую половину фотографий, они взглянули друг на друга с полным пониманием, будто были лучшими друзьями, как минимум, полжизни.

— Так вы деньги и заработали? — спросил дружелюбно Прошка, совсем не подразумевая личную корысть.

— Именно так, дорогой мой друг.

— Мой дедушка говорил, что война — это очень страшно...

— П*здит твой дедушка. А каждый, кто говорит, что война — это страшно, — п*здун. Так и знай. Увидишь визгливую тетку, которая что-то орет про своего фронтового инвалида — называй ее при всех п*здуньей. И будешь прав!

— И буду прав! — сказал командирским голосом Прошка и приставил свою маленькую выпрямленную ладошку к виску.

Вместе они рассмеялись. Рассматривая богатую коллекцию Степана, Прошка на мгновение подумал, что ему нравится внутренний мир человека.

ОРИГАМИ

ДМИТРИЙ ВИТЕР

«Идея рассказа „Оригами“ практически в готовом виде хранилась в черновиках несколько лет. Ведь оригами – это действительно почти мистическое искусство, позволяющее превращать безликую плоскость во что-то новое, почти живое. Вот и возникла идея такой вот... ммм... болезненной трансформации. По жанру получилось что-то среднее между melodramой и боди-хоррором – странное сочетание, но воплощать этот сюжет было интересно. И – да – я люблю японскую кухню!»

— Ну-ка, Машуля, что ты там прячешь? — парень улыбнулся и протянул к девушке руку с ловко зажатыми между пальцев деревянными палочками. — Давай, покажи дяде Стасу.

Он пощелкал палочками у самого ее носа, словно собирался присмирить его.

Худенькая Маша втянула голову в плечи. Больше всего ей хотелось бы сейчас оказаться не здесь, в кафе «Оригами», а в каком-нибудь другом месте. Нет, поправила она себя. Можно остаться и здесь. Только чтобы ее парень не находился рядом. «Дядя Стас»... Всего-то старше ее на пару лет...

Все в ее жизни было неправильно. Она недолюбливала японскую кухню, а Стас обожал суши. Она любила Стаса, а он никого не любил. Вот такой расклад.

— Я сказал, покажи! — Стас снова улыбнулся, но теперь в его улыбке не осталось ничего теплого. Он зажал обе палочки в кулаке, словно кинжал, и помахал двойным острием у левого глаза девушки.

— Вам принести еще что-нибудь? — раздалось у самого уха. От неожиданности Маша вздрогнула и повернула голову к официантке, внутренне вздохнув с облегчением. Если Стас и собирается сделать ей больно, то не при свидетелях.

— Эй, как там тебя? — Стас поморщился, близоруко уставившись на беджик официантки. В отличие от силы мускулов, зрением он не мог похвалиться, но очков не носил, потому что «очки — для задротов».

— Меня зовут Зульфия, — тихо, но с достоинством ответила официантка. — Вы хотите еще что-нибудь заказать?

— Я хочу, чтобы ты не мешала людям вести разговор, Зухра! — припечатал Стас, намеренно сделав ударение на исковерканном имени. — Это понятно?

Маша умоляюще посмотрела на невысокую черноволосую официантку, которая оказалась достаточно смелой, чтобы смотреть Стасу прямо в глаза.

«Не связывайся с ним», — беззвучно шептала девушка Зульфии. — «Будет лишь хуже».

И тут же подумала, что этот совет ей стоило дать самой себе. Только уже поздно.

— Если понадоблюсь, позовите меня, — спокойно произнесла официантка, не поведя бровью. Взглянув на Машу, повернулась и отошла к соседнему столику. В пятницу вечером в «Оригами» негде было ветке сакуры упасть.

— Сука... — неслышно прошептал ей вслед Стас, и девушка снова скривилась.

Он еще не произносил это слово по отношению к ней — еще нет. Но что-то подсказывало ей, что этот день не за горами. Возможно, сегодня.

Стас бросил палочки на стол и протянул к Маше открытую ладонь. Он больше не улыбался и не собирался тратить время на расспросы.

— Давай сюда, что ты там прячешь, Машуля. Быстро.

Маша вздрогнула, и достала из видавшей виды серой сумочки листок бумаги. В нем угадывались очертания журавлика. — Так, так, так... — замурлыкал Стас. — Ну и зачем тебе этот мусор?

Он скжал бумажную фигурку в кулаке, и Маше показалось, что внутри нее что-то оборвалось. Белоснежно-хрупкое, величественное и простое, сминалось под толстыми пальцами Стаса, перепачканными в соевом соусе. Рвалось. Гибло. Этого журавлика уже не спасти.

Маша заморгала. «Только бы не заплакать», — подумала она. — «Только бы не заплакать».

Стас разжал пальцы, и бесформенный комок бумаги, отскочив от края стола, упал под ноги проходящей официантке. Зульфия нагнулась, подобрала его и сунула в карман черного передника. Так же ловко она достала оттуда другую бумажную фигурку. Оригами раскрылось в ее руке, словно цветок, и Маша ахнула от восторга. На ладони официантки красовался оранжевый дракон. Он был великолепен — от кончика хвоста до величавой головы, украшенной витиеватым рогом. Бумажные крылья широко распахнулись, словно он готовился взлететь. Официантка взмахнула рукой, и дракон вправду полетел — описав короткую дугу в воздухе, он приземлился на столик ровно посередине между Стасом и Машей. Не удержавшись, Маша всплеснула руками, но тут же прикусила губу, увидев, как исказилось лицо Стаса. Сейчас он сам был похож на дракона, только ничего величественного в нем не было.

— Это еще что за фигня? — процедил он.

— В знак уважения к нашим гостям мы дарим каждому посетителю оригами, — ответила официантка. Она показала на другие столики — на них и правда стояли бумажные фигурки и, насколько заметила Маша, они ни разу не повторялись.

Вместо ответа Стас коротко замахнулся и шлепнул рукой по оранжевому дракону. Маша ахнула. Прижав пальцы к столу, Стас сделал театральную паузу, затем медленно приподнял ладонь, как будто под ней была раздавленная муха. Ухмыльнувшись, он схватил двумя пальцами с тарелки последний ролл «Филадельфия», отправил его в рот и вытер пальцы о расплощенную оранжевую бумажку.

— Пойду отолью, — громко сказал он, так, что посетители за соседним столиком обернулись. — А ты, Зухра, пока прибери этот бардак.

Он грузно встал и пошел к туалету.

Официантка поджала губы и начала быстро убирать грязную посуду со стола.

— Подождите, — сказала Маша. Она взяла в руки раздавленного дракона и попробовала расправить его складки. — Извините нас, пожалуйста. Стас он... такой...

Она поняла, что не знает, как закончить фразу. Потупившись, она продолжила возиться с фигуркой.

Официантка наклонилась, чтобы протереть стол чистой тряпкой, и посмотрела

Маше прямо в глаза:

— Уходи от него, девочка. Не раздумывай, просто уходи. Сейчас.

Когда Стас вернулся из туалета, Маша все еще сидела за столиком. Ее плечи поникли, а глаза покраснели. Она заметила, что он не застегнул ширинку, но скорее бы умерла, чем сказала это вслух.

Проходя мимо нее, парень нагнулся и резко вырвал из рук серую сумку.

— Стас! — в ее голосе вспыхнула и тут же потухла нотка гнева.

— Так, так, так... — нараспив произнес он. — Думаешь, я слепой, да, Машуля? Думаешь, не вижу, как ты всякий мусор тут по углам собираешь, да?

Он сунул руку в сумку горстями начал доставать оттуда смятые фигурки и швырять их на стол. Маша молча смотрела.

Красная кошка. Лиловый единорог. Зеленая ящерица. Синяя рыба. Еще и еще. Поникшие, примятые фигурки зверей и птиц, насекомых и рептилий... Каждую из них, изувеченную когда-то Стасом, Маша спасла, любовно расправила, сохранила, как фанатичный реставратор.

Все в ее жизни было неправильно. Она любила оригами. Стас плевать хотел на него. Вот такой расклад.

— Это ты мне назло, да?.. — процидил он. — Нарочно? Позлить меня хочешь, да?

«Сейчас», — подумала Маша. Сейчас он назовет ее сукой, и она уйдет. Только никуда она не денется, и это Маша тоже понимала: духу не хватит. Стас подцепил первую попавшуюся фигурку — желтого слона. Он не стал ее мять, а разорвал пополам, потом еще раз, и бросил обрывки Маше на колени. Так же порвал еще одну фигурку. И еще... Скоро на столе от былого зоопарка не осталось и следа — колени Маши и пол усеяли разноцветные обрывки. Словно кто-то выстрелил хлопушкой с конфетти.

Последней погибла красная кошка. Она не сдалась без боя — разрывая ее, Стас поморщился, чертыхнулся, и поспешно сунул в рот порезанный краем бумаги палец.

— Давай проси счет, — хмуро сказал он, возвращая ей сумку. — Уходим отсюда. Теперь будем в другом месте зависать.

Маша кивнула и дрожащими пальцами достала кошелек.

К столику подошла Зульфия, стараясь не наступать на бумажные обрывки. Она положила кожаную книжечку перед Стасом, тот пододвинул счет к Маше.

Когда девушка открыла книжечку, вместо счета внутри оказалась еще одна фигурка. Освободившись от гнета, она расправилась, как детская книжка-раскладушка, и Маша с восхищением увидела, что это человечек черного цвета.

Ей он показался настоящим шедевром. Оригами сложили столь искусно, что человечек выглядел живым. Он был широкоплеч, одет в подобие куртки, изящно скрученные края бумаги создавали на голове настоящую прическу. Маша понятия не имела, как это сделали.

— Блин, опять-двадцать-пять, — простонал Стас. — Ты что, русский язык не понимаешь, Зухра? Так я тебя научу, да? Счет давай, я сказал!

— Сегодняшний заказ бесплатно, — бесцветным голосом произнесла

официантка. — Подарок от заведения.

— Ну, ни фига себе! — Стас повеселел. — Что ж ты раньше не сказала, что халыва? Жалко было, да? А, все вы такие.

Он встал. Маша тоже вскочила — Стас не терпел, если она задерживала его. Уже у самой двери ее догнала официантка.

— Девушка, вы забыли!

И она протянула Маше черного человечка.

Та покосилась на Стаса — он наконец-то обнаружил непорядок в штанах и пытался застегнуть застрявшую молнию.

— Спасибо! — прошептала девушка, взяла фигурку и осторожно сунула ее в карман куртки.

— А, блин! — заорал Стас благим матом.

Маша не сдержалась и хихикнула, представив, что он защемил себе достоинство молнией. Ей вдруг стало наплевать, что ей за это будет. Она посмотрела на парня и поперхнулась.

У Стаса была сломана рука. Точнее, не сломана, а изогнута под невероятным углом. Стас испуганно взорвался на собственную руку, словно та превратилась в змею и могла ужалить.

— Что за хрень?! — выдохнул он. — Машуля, помоги мне!

Это выглядело столь комично в своей неестественности, что Маша не удержалась и прыснула.

— Чего смеешься? Я сказал, помоги мне!

Стас шагнул к ней и попытался схватить здоровой рукой, но Маша отпрянула назад, и его пятерня только шлепнула ее по карману куртки. Тут же колени Стаса подкосились, и он рухнул на пол. Ноги вывернулись под невероятным углом.

Такой уверенный в себе, такой сильный и непререкаемый, в мгновение ока этот человек стал похож... на скомканную бумажную фигурку.

Маша сунула руку в карман и достала черного человечка. Тот немного примялся, и выглядел точь-в-точь, как Стас.

Все еще стоявшая рядом официантка кивнула Маше, и та поняла. Стас тоже понял.

— Отдай мне! — заорал Стас. — Отдай эту хрень, СУКА!

Вместо ответа Маша взяла человечка за голову и слегка повернула. Голова Стаса тоже дернулась и развернулась под прямым углом. Хрустнули позвонки.

— Машуля... — сипло застонал он, стараясь не шевелиться. — Мне больно, Машуля...

— Ненавижу, когда ты так меня называешь, — сказала Маша, и дернула фи-гурку, ухватив пальцами за противоположные края.

Стас рухнул на пол. Его позвоночник с треском переломился, руки вывернуло в суставах. Маша продолжала терзать фигурку, расправляя складки, разглаживая линии сгиба. Стас захрипел. С его телом происходила трансформация, невозможная для живой плоти — оно распрямлялось, разворачивалось, кожа растягивалась, кости хрустели, череп сплющились, превратив голову в подобие разбитого арбуза. При этом на пол упало лишь несколько капель крови — она сочилась в тех местах, где кожа порвалась из-за чрезмерно сильного натяжения.

Маша не смотрела на Стаса. Она не отрывала взгляд от черного листа, у которого оказалась оборотная белая сторона. Листок больше не походил на фигурку человека, став просто заготовкой для оригами. Расправить еще один сгиб, еще один... Маша приложила бумажный квадрат к стеклу входной двери, и прошла по нему ладонью. А потом посмотрела на Стаса. На то, что он него осталось.

Его одежда валялась на полу, разорванная в клочья. Само тело — раскатанное, утрамбованное — уже ничем не напоминало человеческое. На полу лежал квадратный конверт из кожи, примерно метр на метр, сочавшийся кровавыми внутренностями. Распластанный у входной двери, онпоходил на толстый коврик. Маша истерично хихикнула, представив себе, как некто — возможно, кто-то из дружков Стаса — входит и вытирает о «коврик» ноги.

Она огляделась вокруг: никого из посетителей кафе это происшествие словно бы и не заинтересовало, или они просто не видели, что произошло. Все сосредоточенно ели, ловко орудуя палочками, или общались друг с другом, не глядя по сторонам. В зале висел привычный гул, какой бывает в кафе в пятницу вечером.

Зульфия удовлетворенно кивнула и показала на квадратный лист бумаги, который Маша прижимала к стеклу.

— Но как я?.. — спросила Маша. Официантка прижала палец к губам, снова посмотрела на листок и одобряюще улыбнулась.

Маша взяла квадрат в руки, перевернула его белой стороной к себе и начала складывать. Ей не хватало практики — до сих пор она лишь изучала, как устроены оригами, которые Стас портил после каждого визита в кафе. И сейчас она не пользовалась старыми сгибами. Перекраивала листок по-своему. Сгибалась в новых местах. Разглаживала сгибы. пальцами по сгибам. И снова сгибалась и разгибалась, и разглаживала.

Квадратный лоскут кожи на полу задергался, как под воздействием электрического тока. Сложился пополам, повинувшись действиям Маши, потом склонился по диагонали, расправился, загнул уголок, снова сложился. Очень скоро в фигурке простиупили человеческие черты — складки бумаги создали подобия рук и ног. Машины пальцы двигались словно сами по себе, сотворяя

Людоед

Кто мог знать, что охота за наживой закончится именно так?! Но за все надо платить. Чтобы плата не стала непомерной, Виктор отправляется на последнюю охоту...

Читайте в черной серии MYST!

новый шедевр.

И вскоре работа была готова: белая фигурка человека стояла на ладони девушки, а прямо перед ней появился голый парень, очень похожий на Стаса, но в то же время не Стас.

— Мне... холодно, — произнес он.

Официантка подошла и проворно накинула ему на плечи зеленый халат. В таком виде гостя можно было бы принять за японца.

«Стас, — напомнила себе Маша. — Это все еще Стас».

— Что со мной? — растерянно произнес он. — Ты не испугалась, дорогая?

— Нет, — всхлипнув, ответила Маша. . — Не испугалась.

Она взяла Стаса за руки и усадила его обратно за столик. Проворная официантка достала из глубин передника бумажные тапочки, и Стас надел их.

— Что будете заказывать? — спросила Зульфия. — Сегодня ужин за счет заведения.

— Я не хочу есть, — рассеянно сказал Стас и взял Машу за руку. — А ты?

— А я бы съела чего-нибудь, — сказала девушка и поместила в центр стола сделанную ею фигурку.

Стас нежно погладил Машины пальцы и улыбнулся.

«Вот такой расклад», — подумала Маша.

Теперь все в ее жизни было правильно.

МАРАТ И ЗВЕЗДЫ

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ

«Я хотел изначально написать историю о беззвучной боли, когда твои страдания вроде бы видны всем, но принадлежат только тебе. И помощи не будет. А потом появились дополнения...»

Первая заповедь гласит: никогда не теряй бдительности. Никогда.

И Марат ее не нарушал. Он твердо верил — все должно быть учтено. Любая мелочь, упрощающая жизнь, способна уничтожить. Просто потому что ослабляет внимание. Заставляет забыть о деталях. Заставляет расслабиться, чего делать нельзя. Темную сторону нельзя проявлять, будучи неподготовленным.

Правила просты. Не держать игрушки в одном месте, не охотиться в том же районе, и выезжать на гон в разные календарные дни. Любое из невыполненных условий — это подарки для их статистики. В эпоху, когда следователь может раскрыть дело, просто почитав чужие отчеты, необходимо думать о таких вещах заранее. И Марат думал. На небесах стыла ранняя луна, под колесами шелестел ночной асфальт, а в магнитоле играл лучший из людей: Луи Армстронг.

Give me a kiss to build a dream on
And my imagination will thrive upon that kiss.
Sweetheart, I ask no more than this.
A kiss to build a dream on.

Марат неотрывно смотрел на белую разделительную полосу, которую свет фар ловил в призрачный конус, и одними губами подпевал величайшей песне на свете. На устах блуждала почти счастливая улыбка. Пальцы слегка барабанили по рулю; хромированный Ниссан Патрол летел по вечерней дороге, мимо полей и холмов, мимо черных лесов и крохотных деревенек. Стрелка в навигаторе внимательно отслеживала каждый поворот, считая, что ведет водителя в Архангельск. Четыре тысячи триста шестьдесят восемь километров до места назначения. Марат думал, что когда-нибудь он непременно доедет до одной из подобных точек.

Когда-нибудь — непременно.

Стекло с жутким стуком врезалось какое-то ночное насекомое. Размазалось по невидимой для него преграде. По принесшей смерть пустоте. Какая недобрая судьба. Марат включил дворники, и смыв останки с лобового стекла, а затем поддал газу.

Позади, в городе, остались жена, двое детей, работа и фальшивая жизнь. Та часть его вселенной, которая никогда не узнает о потаенном Марате. О темной половине.

Никогда.

Give me a kiss before you leave me
And my imagination will feed my hungry heart.
Leave me one thing before we part
A kiss to build a dream on.

Он наблюдал за телефоном с симкой местного провайдера. Следил за тем, как плывут, как пляшут палки связи. Ждал, когда сеть пропадет. И едва это происходило — внимательнее смотрел по сторонам, в поисках жилых домов или прохожих. Но пока удача ему не улыбалась. Лишь один раз его автомобиль прополз мимо светящейся вывески магазина в крошечном поселке, но здесь оказалось слишком много света. А у двери, с сигаретами в зубах, стояли двое мужчин — они с интересом проводили его джип взглядом. Вторая заповедь гласила: если на тебя обратили внимание — ты проиграл. Разумный Марат нажал на педаль газа.

Ниссан пролетел мимо магазина.

When I'm alone with my fancies...I'll be with you
Weaving romances...making believe they are true.
Give me your lips for just a moment
And my imagination will make that moment live.

Хриплый баритон Армстронга был голосом темного Марата. Здесь и сейчас. Вскоре и спустя целую вечность. Посреди бескрайних просторов величайшей страны возможностей, если соблюдать несложные правила.

Телефон еще раз тренькнул, связь пропала, и Марат снял ногу с педали газа. Он видел на холме впереди огоньки крошечного придорожного поселка. Ниссан пополз наверх, и пока он забирался на гряду — Марат беспрестанно поглядывал на сигнал телефона. Связи стабильно не было и это внушало надежды. Он притормозил у таблички «Нижнее Ляпово», медленно покатился, разыскивая какой-нибудь отворот с главной трассы.

И тут увидел дичь.

Парень сидел на обочине, на корточках, обхватив себя за плечи и скаввшись. Фары слепили его, но он не отворачивал странно искаженного лица от автомобиля Марата. Рот раскрылся в немом вопле, безумные глаза грозили вываливаться из орбит. Марат затормозил, неторопливо открыл дверь, выпустив в теплый вечерний мир песню Луи.

Give me what you alone can give
A kiss to build a dream on.
When I'm alone with my fancies...ill be with you
Weaving romances...making believe they're true.

Марат прислушался. Ровно таракхтел дизель Ниссана, стрекотали цикады, а поселок молчал. Хотя где-то тоже играла музыка. Марат огляделся: низкие, угрюмые строения прилипли к дороге с обеих сторон. В доме справа от шоссе, метрах в ста, горел свет. Достаточно далеко. Марат сунул руки в карманы и скользнул к жертве. Под ногами мягко шуршали крошащие камушки. Парень, сидящий на корточках, не отрывал от Марата взгляда. Губы его шевелились. А гла-за...

Марат был уверен, что селянин не видит ночного гостя, но от этого страшного взгляда ему стало не по себе.

Правило третье: не уверен — притворяйся. Притворяйся, пока не будешь уверен.

Марат встал между машиной и бедолагой. Размял пальцы. В груди приятно заныло: Темный Марат хотел, наконец, начать игру. Начать охоту. Но Марат Разумный твердо сказал: «Ждать!»

Глаза парня слепо шарили по черной фигуре. Рот кривился в вопле, но Марат ничего не слышал. По спине пробежал холодок.

— У вас что-то случилось? — спросил Марат. Парень аж побагровел от немого крика. Свернув голову набок, он что-то вопил. Что-то беззвучное.

Give me a kiss to build a dream on
And my imagination will thrive upon that kiss.
Ah sweetheart, I ask no more than this
A kiss to build a dream on.

Песня закончилась, и наступившую зловещую паузу заполнила какая-то патефонная мелодия. Эта музыка совершенно точно пришла из тех же времен, когда Луи писал свою песню, а в далеком северокорейском Кэсоне очередные жертвы американской демократии впервые сели за стол бесполезных переговоров.

Марат чувствовал, что ноты ему знакомы, однако мелодия, скорее, отвлекала. Он подошел вплотную к парню, встал рядом.

— Ты живой вообще? — тот корчился от вопля, будто талантливый клоун-мим. — Ay?

Марат пнул парня и ахнул от злости и боли: нога как будто в камень ударила.

— С-с-скука!

На глазах парня выступили слезы. Приятное зрелище. Крепкий парнишка с воровскими наколками на пальцах, с хищным, обветренным лицом — рыдал. Лицо кривилось в беззвучном вопле, искусанные губы шевелились — но Марат по-прежнему ничего не слышал.

Неторопливая мелодия плыла над молчащим поселком, а два человека, разделенные невидимой преградой, смотрели друг на друга. Марат осторожно протянул руку вперед, к лицу парня, и пальцы наткнулись на гладкий, холодный барьер. Ему вспомнилось то насекомое на лобовом стекле и звук дворников, смывающих жидкие останки. Уголки губ дрогнули в предвкушении.

Марат с интересом ощупывал находку, а запертый под невидимой преградой человек с сумасшедшей надеждой в глазах смотрел на него и жмурил мокрые глаза. Губы беспрестанно шевелились. Он умолял о чем-то. Наивный,

он ничего не понимал.

Пальцы Марата пробежались по сфере и прошли между нею и землей. Марат вздрогнул. Шар, внутри которого скорчился человек, висел в воздухе на высоте нескольких сантиметров от обочины и источал тишину. На фоне далекой патефонной мелодии это зрелище завело Марата еще сильнее. Губы пересохли от возбуждения.

«Кто тебя выдумал, звездная страна,» — память услужливо наложила голос на повисшую над поселком музыку. Марат щелкнул пальцами. Несравненная Алиса Фрейндлих, точно-точно! Маленький принц, не иначе.

В глазах запертого в сфере человека появилось нечто новое. Гнев? Непонимание? Марат поймал себя на том, что широко улыбается. И понял, что кажется подозрительным. Пружинисто вскочил на ноги. В свете фар заметил чуть в стороне приличный булыжник. Сходил за ним и вернулся обратно к парню. Пару мгновений вслушивался в песню из патефона, а затем резко обрушил камень на преграду.

Он ожидал услышать звон. Инстинктивно прикрылся рукой, если булыжник срикошетит от невидимой стены. Но случилось иное. Камень врезался в голову парня: брызнула кровь, и тот мелко-мелко задрожал. Булыжник же, совершенно сухой, свалился под ноги Марату Разумному. Темный Марат ощущал прилив восторга. Подался вперед из пучины сознания, толкнул собрата, сидящего за штурвалом тела — мол, подвинься!

Марат поднял камень еще раз, и бросил, целясь в руки. Увидел, как от удара переломилась кость, как лопнула кожа, и множество темных точек облепили прозрачный шар изнутри. Человек в сфере беззвучно забился от боли, сидя на корточках. Тьма поглотила Марата.

«Правила! Правила!» — беззвучно вопила его осторожная часть, но и она тоже наслаждалась происходящим. Предвкушала. Теряла остатки разума.

Темная ипостась, дрожа от нетерпения, вернулась к автомобилю, за любимой игрушкой. Марат осторожно отщелкнул «клопа» на обшивке двери и вынул оттуда сверток. Неторопливо развернул его, бережно вытащил зазубренный охотничий нож. Огляделся, а затем вернулся к парню, поигрывая оружием так, чтобы сталь сверкала в свете фар. Вслушиваясь в ритм далекой мелодии, он присел на корточки рядом с жертвой.

В глазах дичи плескалась такая буря эмоций, что Темный Марат едва не попискивал от восторга. Марат Разумный сканировал окружающий мир и надеялся, что все пройдет как надо. Пытался понять, с чем же они столкнулись. И робко предлагал бежать прочь от странного. Однако жажда игры затолкала Марата Разумного на грань сознания. В деле был Марат Темный, и в такие моменты ему лучше не мешать.

Нож медленно вошел парню чуть пониже ребер, сзади. Марат прикрыл глаза, ощущая безмолвие входящей в чужую плоть стали, но быстро понял, что ощущения не те. Совсем не те. Вытащил нож из тела, кровь брызнула на стенку и стала стекать вниз, собираясь в лужицу на дне.

Марат сел так, чтобы видеть лицо парня. Видеть, как тот орет, как лопаются сосудики в глазах от натуги, и насладиться всецело дарованным шансом. Проверил лезвие ножа и с удивлением обнаружил, что на нем не осталось

ни капельки крови. Ни единой. Будто преграда оказалась непроницаема для этой субстанции.

Он медленно вводил нож в корчащегося парня, который даже будучи сжатым в комок, все равно пытался избежать ранящей стали. Вжимался в противоположную стенку и брызгал красной слюной на заляпанные кровью преграды. Темный Марат находился в восторге от великолепного дара. Он так не любил эти приготовления, эти нудные поиски подходящего дома. Эти ожидания в засаде и постоянный страх, что кто-то услышит крики.

А тут такой праздник!

Когда дичь перестала трепыхаться, Марат поднялся на ноги. По ощущениям, он помолодел лет на десять. Ушли боли в пояснице, ушел постоянный мрачный настрой. Хотелось смеяться. Хотелось повторения.

Темный Марат чуть успокоился и выпустил из плена разумную половину. Что-то здесь произошло. Что-то странное. Несомненно, впечатляющее, но все же от этого стоит бежать подальше. Он нахмурился.

На лице мертвого парня застыл крик. На его лбу отчетливо виднелась примятость, будто он перед смертью прижался к стеклу. Пока Марат всматривался — вмятина увеличивалась. Брови охотника взметнулись в удивлении: сфера определенно скжималась. Сдавливала пленника внутри себя. Выдавливала его. Лужица, в которой сидел мертвец, становилась все больше.

Марата передернуло от восхищения. И это восхищение вновь вытеснило Марата Разумного, считающего, что нужно бежать назад к автомобилю, и ехать прочь, выжимая из движка все, на что тот способен. Его голосок опять ослаб. Темный забрал власть и, зажав в руках нож, поспешил вдоль забора, удаляясь от постукивающего двигателем автомобиля в сторону освещенных домов.

Как ночной мотылек на огонек лампы.

В поселке оказалось всего шесть дворов. Безжизненных, потрясающих. В одном из них непонятный шар уже раздавил человека, и теперь переливался алым, неземным цветом. В мистическом красном свете нельзя было различить даже костей. Сфера висела в кухне, под потолком, напротив работающего телевизора, в котором улыбающийся ведущий издевался над толстой теткой.

Зародыш чудовищного рубина. Алая звезда. Звезда, что превратила живого человека, смешав его кости, жилы, плоть — в один светящийся коктейль. Прекрасное творение природы.

Второй и третий дворы пустовали. В четвертом Марат задержался, и где-то подобранными граблями забил попавшего в сферу старичка. Марат вскрикивал от радости, когда острая вонзались в скрюченное тело, и когда древко сломалось в руках — отбросил его в сторону и продолжил уже с верным ножом, пока не насытился и этой смертью. В пятом дворе было пусто. Но вот в шестом, в самом последнем, где играла пластинка, его ждал приятный сюрприз.

Это был хороший, ухоженный двор. Мощеные тропинки, постриженные кусты роз и аккуратная аллея яблонь. Здесь жили, а не существовали. Двери на освещенную веранду были распахнуты, и там болтался еще один шар с уже раздавленным мужчиной.

А над тропинкой к туалету-скворечнику, скаввшись в клубок, висела молодая женщина. Невидимые тиски выдавливали из нее жизнь, но горячие

безумием и страданием глаза не отрывались от расположенной от нее в трех шагах сферы. В этом крошечном смертоносном пузыре стоял испуганный светловолосый мальчик, лет двух или трех. Он толкал маленькими ладошками невидимый барьер и беззвучно кричал, плача от страха и непонимания. По раскрасневшемуся пухлому лицу текли слезы, мальчик смотрел на маму. Мама смотрела на сына.

Сфера скималась, но ребенок пока еще не чувствовал боли. Не догадывался что его, кроху, не знающую об этом мире ничего, кроме любящих рук, скоро начнет растирать в кровавую кашу неведомая сила. Темный Марат захлебнулся от восторга. Его разумная половина билась в истерике и требовала бежать немедленно. Просила не делать того, что задумал смертоносный собрат. Даже ей происходящее показалось диким, ненормальным.

Но власть над телом всецело принадлежала пьяному от крови Темному Марату. Он летел на свет и уже не мог остановиться. Он скользил в ночи, пританцовывая под зациклившуюся мелодию, и голос Алисы казался инфернальным порождением ночи. Песня превращалась в гимн его охоты.

— Тихо навстречу мне, тихо навстречу мне, выйдет доверчивый маленький принц, — прошептал Марат, вторя словам певицы, и шагнул к ребенку.

Детёныш прятался от лезвия, и Марат несколько раз пребольно ударился костяшками в невидимую стену, не дотягиваясь сталью до худенького тельца. Мальчик скользил по противоположной стенке пузыря. Лицо кривилось в испуганном плаче, он заглядывал в глаза Марата с мольбой и непониманием, а тот злился, потому что никак не мог достать мальчишку. Наконец, он метнул нож в сферу, и попал ребенку в шею. Звереныш упал, и охотник тут же оказался рядом, выдернул оружие и вонзил его в хрупкое тело еще раз, а затем повернулся к матери ребенка. Устроился так, чтобы она, неслышно орущая в своей тюрьме, видела все, что он делает, и стал бить изворотливого гаденыша ножом, не отводя глаз от женщины. Впервые в жизни он увидел, как у человека умерла душа. И когда Марат оставил изрезанного ребенка и приступил к женщине — то заметил лишь движение глаз ее еще живого, но пустого тела.

Когда Марат ударил ее ножом, позади раздался приглушенный возглас:

— Ты чего делаешь, ублюдок?

Темный Марат сбежал, выбросив на поверхность разумного брата.

— Они... Их не вытащить, — проговорил он и повернулся. Из подвала дома в него целился лохматый мужчина с безумным взглядом. — Нельзя чтобы так. Чтобы их раздавило! Они скимаются!

— Всемогущий, ты и Темку...

Ствол ружья дрогнул, и Марат прикрыл глаза от страха, ожидая выстрела. Если мужик видел...

— Сюда иди! Резче! Тихо!

Марат на деревянных ногах проследовал к дому. Ступил по крутым ступеням в пропахший сыростью подпол. Лохматый держал его на прицеле.

— Я мимо ехал. Увидел человека там, на обочине, — Марат лихорадочно соображал, как много успел увидеть селянин. Раз не выстрелил сразу — значит, немного. Значит — повезло. Хмельная от крови темная половина нарушила

много правил. Потеряла осторожность. Не дала подготовиться. Это очень опасно.

— Что это такое?!

— В душе не чешу, — проворчал мужчина. Закрыл створки в подвал, ружье направил на Марата. — Я в подвал полез. Сонька попросила, огурцы, матушку ее в душу.

Под потолком в окружении порхающих мотыльков горела лампочка, и потому Марат увидел, как по лицу лохматого пробежала тень боли от воспоминаний.

— А тут полетело. Я такое в кино смотрел. Пузыри гигантские с неба — хоп, хоп, хоп. Плюхались. Одни взлетали, точно видел. Остальные — вон... Где Селиван? Он в доме оставался.

— Нет его, — Марат понял — о ком речь. Облизнулся.

— Жаль. Жаль... Да уж... Выберусь отсюда, в монастырь уйду, ибо грехов много за мною. Пора бы вымыть душу. Слышишь чего?

— Музыку.

— А... Патефон Селивана. Вечно заедает. Сучья песня и сучий агрегат.

Он говорил, а ружье по-прежнему неуменно смотрело в живот Марата. Взгляд лохматого то и дело возвращался к створкам, за которыми таился двор, где в лужах крови утопала добыча темной половины. Прозрачные чаши красного вина с нежными кусочками мяса. Марат вновь ощутил восхитительный бесшумный треск раздираемой плоти. Почувствовал безмолвную боль. Чудесное.

Чудесное.

Селянин хмурился, бормотал себе под нос.

— Страшная смерть. Но на Темку-то как рука поднялась-то?

— Конечно, из ружья было бы проще, — бесцветно ответил Марат. — Но ружья у меня не было. Разве лучше, чтобы его раздавило? И чтобы мать его это видела?

«О да, видела!»

В штанах стало тесно.

— А ну как отпустило б их? — буркнул лохматый, скривился. — Да кого я... Эхматушка. Как Соньку-то жалко. Не приведи Господь самому такое. Чего делать-то будем? Телефон только у дороги. Мобильники тут никак.

— Мне кажется, они уже ушли. Я тут долго ходил, пока людей искал.

— Старика Петра видел? Он как?

— Так же.

— Да, беда какая... Всех оно взяло, что ли?

— Да.

— Оказия дьявольская. До утра ждать, а? Завтра машина с молоком поедет, увидят чего, ментов может, вызовут, как думаешь?

Правило главное — никаких свидетелей. Никогда. Даже таких. Темный Марат терпеливо молчал, пока Марат Разумный искал выход из положения. Лохматый его не подозревает. Ощущимо борется с сомнениями, но главная мысль в его сельской голове еще не зародилась: зачем у человека, вышедшего на поиск людей, нож в руках? Поэтому надо дождаться, когда ружье отвернется. Когда можно будет сделать удар.

Случай подвернулся очень скоро. Лохматый прислушался к чему-то, скжал в руках ружье и оказался рядом. Всмотрелся куда-то в щель между створками,

вытянул шею, а Темный Марат вонзил ему в горло нож и левой рукой схватился за ствол ружья. Селянин забулькал, рванулся. Повалился по ступенькам назад, и нажал на спусковой крючок. Бахнуло так, что стало больно ушам. Завоняло порохом, что-то чиркнуло по щеке, и по лицу потекла кровь. Ружье с грохотом простучало по ступенями вниз и упало на труп лохматого.

Марат спустился следом, склонился над телом и выдернул из горла жертвы любимую игрушку. Улыбнулся, обтер лезвие о штаны и пошел по ступеням наверх. Он преодолел половину лестницы, когда ставни распахнулись, и в подвал заглянуло черное, звездное небо. Чуть подрагивающее, будто смотришь сквозь мыльную пленку.

Марат Темный сделал шаг к свободе, и пребольно ударился носом о невидимую преграду. От неожиданности нож вылетел из руки и прощокал по ступеням на дно подавала.

— Черт, — сказал Марат. Волосы на шее встали дыбом от дурного предчувствия. Он осторожно выставил руки перед собой и уперся в невидимый барьер. Отступил и наткнулся спиной на другую стенку.

По всему телу тут же выступил пот. Марат обернулся, принялся шарить по преграде задрожавшими пальцами, понимая, что усилия тщетны. Что он в ловушке. Губы задрожали от обиды.

— Это нечестно, — сказал он. — Нечестно! Они должны были уйти!

Марат расставил руки и коснулся пальцами противоположных стенок. Пузырь уже сжимался. По чуть-чуть, но неумолимо оттесняя плоть несокрушимой преградой. В груди образовался ледяной камень.

— Это нечестно, — всхлипнул Марат Разумный, а его темный собрат бросил тело в атаку и долго-долго молотил по прозрачной броне кулаками, разбивая в кровь костяшки пальцев. Он бросался на преграду раз за разом, теряя силы и остатки рассудка от ярости и обиды.

Сфера уменьшалась. Сначала она заставила Марата, все еще шипящего проклятья и пинающего невидимую преграду, сесть. Потом ему пришлось подогнуть колени, пригнуться, и тогда он заплакал, как ребенок. А через полчаса мог лишь бессильно всхлипывать, лежа скрюченным в клубок, и смотреть сквозь пальцы на щель неба, в которую поднимались алые звезды. Невидимое стекло уже вдавливало его голову в шею, ломило виски. Трещали колени. Из носа беспрестанно текли сопли, и Марат молил этот дьявольский китайский фонарик скиматься побыстрее. Но прозрачные стенки неторопливо скимали обе его ипостаси в одно целое. И когда они стали плющить его пальцы о череп, когда с глухим хрустом ему выломало колено — он, наконец-то единый в своих чувствах, неразделенный, заверещал от боли.

До самого конца он слышал только хруст собственных костей. А снаружи, среди мертвых дворов, звенели цикады да заикалась пластинка.

— Это очень злое место. Когда-то здесь за одну ночь исчезли все жители, — отсветы костра гуляли на лице Всеволода, придавая ему зловещий вид. Светка слушала, затаив дыхание. — Мой отец даже собственное расследование проводил:

интересовался, что произошло, но никто ничего так и не узнал. Говорят, что просто люди бросили все и исчезли. Столы накрыты, телевизоры работают, на улице даже джип стоял заведенный. И ни единой души! И песня какая-то старая играет над этим всем. А в подвале труп одного из жителей нашли с раной в горле и разряженным ружьем. В кого он стрелял, кто его убил? Никто так и не узнал ничего.

Светка была влюблена во Всеволода, и только поэтому согласилась пойти в поход с ребятами. Надеялась, что парень обратит на нее внимание. Что у них — светлое будущее. Мама очень не хотела ее отпускать, но, в конце концов, смирилась.

Вот только Всеволод не обращал на нее никакого внимания.

— Смотрите, ребят! — сказал кто-то. — Какие красивые звезды. Будто алые! Ого! Они спускаются, ребят!

И они взглянули на прекрасное, таящее множество чудесных загадок ночное небо.

АЛЕКСАНДР АВГУР

Родился в 1984 году. Проживает в городе Рузаевка. Занятия: проза и стихи, хоррор и фантастика, рэп-музыка и озвучивание рассказов. Первые публикации – в журнале «Магия ПК».

АВГУСТ ДУХОВ

1.

Снег кружил большими хлопьями и падал,
На грязный асфальт, холодного города.
«Гена... Гена... Какая ты падла!» -
Подумал Михаил Ермолкин и почесал бороду.

Завел машину, рванул в сторону окраины на мерсе,
На встречу к колдуну, под звуки радио.
Не верил особо Михаил в это мракобесье,
Но ему надо было вызвать дух Геннадия.

Дух бывшего друга, с которым Михаил,
Украл крупную сумму у местных бандосов,
А Гена, сволочь, спрятал – утаил,
От подельника все деньги, все бабосы!
Ермолкин долго с «другом» вел допрос,

Сломал все пальцы, бил битой по лицу.
Но вот ответа он не получил на свой вопрос,
В итоге, сорвался и перерезал глотку подлецу!
Ну а теперь, он ехал к колдуну,

Чтоб душу Гены вызывать тет-а-тет,
«Надеюсь, сука, я тебя найду.
И ты, где деньги, дашь ответ».
Про колдуна он слышал слухов много,

Его называли... Август Духов, как-то так.
Брал за работу обычно недорого,
Но вначале заключал устный контракт.
Вызывал умерших духами нетленными,

Изгонял демонов, Сатане грозя!
Помогал с потусторонними проблемами,
Вот только контракт с ним нарушать нельзя!

Говорят у тех безумцев, что нарушили,
В жизни бывают жуткие случаи:
Кожа гниет, увечья, удущье,
Кошмары по ночам до безумия мучают!
Наступает у них полоса невезения злая,
Которая жизнью их крутит — вертит,
А некоторые люди, ничего не понимая,
Погибают странной и страшной смертью!

2.

Снег кружил большими хлопьями и падал,
На грязный асфальт холодного города.
Мчал мерседес как будто из ада,
За рулем Михаил Ермолкин чесал бороду.

Подъехал к старому дому без окон,
Который готовили давно под снос.
Явился к назначенному сроку,
Вошел в подъезд и понял, что замерз.

Подышал на ладони, закурил сигарету,
По коже пробежала дрожь,
Стоял, ждал колдуна с ответом...
Но вдруг в его шею вонзился нож!

Брызнула кровь на пол и стены,
Михаил захрипел, зажал рану и рухнул.

3.

Из мертвого тела улетела душа с досадой,
Смотрела на Гену и Августа с чувством свободы...
А снег кружил большими хлопьями и падал,
На грязный асфальт холодного города.

Сообщил, что ты мне скоро позовишь.
И чтоб устроить вам встречу, ребята,
Я заманил тебя в эту глушь...».

СЕРГЕЙ
БУРИДАМОВ

Писатель, журналист,
историк, кандидат
философских наук,
преподаватель ВУЗа,
г. Москва.

ПУГАЮЩИЕ АРХЕТИПЫ РУССКИХ СКАЗОК

Задумываясь о природе страха, мы нередко забываем о любопытном свойстве человеческой натуры. Мы не только боимся, но считаем это чувство абсолютно естественным. Страх не рассматривается в качестве патологии; напротив, его отсутствие считается показателем психического незддоровья. Словом, мы умеем бояться, умеем получать от этого необъяснимое удовольствие и учим правильно бояться наших детей. Что касается последнего, то человечество оказалось настолько предприимчивым, что создало инструменты, позволяющие обучать страху и передавать знания о нем следующим поколениям. Однако же, сама психическая сущность страха остается по-прежнему дискуссионной. Что говорить — мы доподлинно не знаем, что заставляет нас бояться одного, смеяться над другим и желать третьего.

Содержимое психической реальности до сих пор является загадкой не меньшей, чем космическое пространство или глубины мирового океана. И если наша сознательная часть, подчиняющаяся воле и разуму, еще поддается анализу и самоанализу, то подсознание, относящееся к сфере иррационального, скрыто от нас надежно и крепко. Именно там, за таинственной темной преградой, прячется нечто, влияющее на то, чего мы жаждем, любим и боимся. Первым об этом заявил Зигмунд Фрейд, остроумно наполнив невидимый снаружи мир бессознательного сексуальным влечением. Именно либидо, как считал отец психоанализа, формирует нашу личность со всеми ее достоинствами и недостатками. А страх — это продукт сексуальной неудовлетворенности.

С этим постулатом никак не мог согласиться немецкий психолог и философ Карл Юнг. Неужели бессознательное таит в себе лишь скрытый половой инстинкт, который управляет человеческими эмоциями, включая самую яркую из них — страх?

Если бы Карл Юнг жил чуть позже, то, возможно, именно он стал бы основоположником культурологии как научной дисциплины. Его притягивало и манило мифологическое мировоззрение. Именно его он считал фундаментом

личности в прошлом, настоящем и будущем. Интуиция подсказывала ему, что ключ к бессознательному современного человека находится в переживаниях его предков. А где их можно лицезреть, как не в древнейшем литературном творчестве народов?

Изучая мифологию, Юнг пришел к выводу о существовании «архетипов». «Понятие архетипа.., — писал он в своей работе „Цивилизация в пути“, — вытекает из многочисленных наблюдений над мифами и сказками мировой литературы, которые, как оказалось, содержат определенные устойчивые мотивы, которые неожиданно обнаруживаются повсюду. Мы встречаем эти же мотивы в фантазиях, снах, бредах, галлюцинациях индивидов, живущих сегодня. Эти типичные образы и ассоциации являются тем, что я называю архетипическими идеями. Чем более живыми они являются, тем более они будут окрашены индивидуально сильными чувственными тонами...» Тем самым философ утверждает: архетипы заложены в подсознании человека и мирно ждут своего часа, чтобы отреагировать на внешний сигнал и отдать команду — действуй так, как требую того я, твое бессознательное. Анимус, Анима, Персона, Самость, Тень, Бог — лишь часть тех таинственных регуляторов бессознательного, существующих в человеке с первобытных времен. Со временем Юнг и его последователи дополнили список новыми архетипами — Смерть, Мать, Ребенок, Старики, Трикстер.

Итак, сказки, как жанр устного народного творчества, оказались важным этапом в исследовании страха. В этом нет ничего удивительного, так как именно они раскрывают страсти и мании человека, жившего в реалиях мифологического мировоззрения. В нашем случае — русские народные сказки стали тем феноменом национальной культуры, который рассказывает не только о том, в каких условиях жили наши предки, но и о них самих. Из сказок мы узнаем — что скрывает коллективное бессознательное наших предков, что пугало их наряду с голодом, войной и болезнями. Страхи, что обитали в подсознании русского человека с древнейших времен, в устном народном творчестве были персонифицированы в злых и сверхъестественных сущностей. Согласно теории архетипов, их образы обрели жизнь в пространстве культуры и по-прежнему пугают нас. Как сказал сам Юнг в «Архете и символе»: «Это спутанные, темные образы, воспринимаемые как что-то жуткое, чуждое, но в то же время переживаемые, испытываемые как нечто бесконечно превосходящее человека, метафизическое».

Для того чтобы соотнести архетипы со сказочными персонажами, внушающими страх, вовсе не обязательно проводить глубокое этнографическое исследование русского фольклора. Эту огромную работу уже проделал знаменитый ученый Александр Николаевич Афанасьев, собравший и опубликовавший огромное количество русских народных сказок из самых разных уголков Российской Империи. Тысячелетняя устная литературная традиция была тщательным образом изучена им и адаптирована.

Пугающие персонажи выделяются в русских народных сказках сразу. Сюжет ведет вас по линии повествования, словно по ночной лесной дороге, безошибочно выводя к архетипическому, пугающему персонажу. Сказочник не ставит перед собой цель описать то или иное существо. Он называет его

имя или прозвище, и уже ваше сознание само стремительно наделяет образ внешними чертами. Затем в дело вступает подсознание, реагируя на текстовый сигнал, и связывает объект страха с архетипической идеей.

Я склоняюсь к следующей классификации пугающих образов, чаще всего встречающихся в русских народных сказках: это Зверь, Ведьма, Убийца и Лукавый. Каждый из этих собирательных образов имеет особую традицию со своими, легко узнаваемыми, формами и функциями и зачастую довольно просто соотносится с классическими архетипами Карла Юнга.

ЗВЕРЬ

Пожалуй, самый распространенный образ страха в русской сказочной традиции. Олицетворение безжалостной природной силы, кровожадный и коварный, Зверь чаще всего выступает антагонистом сказочного героя. Обитающий в непролазной чаще леса, глубоких реках и озерах, вязких болотах и темных пещерах, этот персонаж вызывает в подсознании наиболее древние образы, относящиеся к доисторическому периоду. К тем временам, когда первобытный человек был не только охотником, но и потенциальной жертвой хищника. Стая волков или голодный медведь — образ куда как живой и агрессивный. Мы сталкиваемся с парадоксом: являясь частыми воплощениями страха в сказках (и даже в колыбельных!), эти же звери могут нести в себе и полностью противоположный смысл, а именно — забавный («Вершки и корешки») и дружественный («Иван-Царевич и Серый Волк»).

Волчий и медвежий культуры относятся к древнейшей форме мифологического мировоззрения, проявляющегося в тотемизме. Волк и Медведь — это духи древнего леса, могущие выступать как покровителями, так и мстителями. Их боялись, но их принимали и пытались контактировать. В некоторых сказках можно встретить отсыл к неким ритуальным действиям. «Переел медведь всех людей, прибежал в царский дворец и стал с досады грызть веник. „Не грызи меня, медведь-железная шерсть, — говорит ему веник, — а лучше ступай в поле, там увидишь ты столб, а на том столбу сидят Иван-царевич и Елена Прекрасная!“ Прибежал медведь к столбу и начал его раскачивать. Испугался Иван-царевич и бросил ему пищи, а медведь наелся, да и лег спать». («Звериное молоко»)

Иное, куда более негативное переживание наши предки испытывали по отношению к Змею. Это однозначное зло, внушающее страх одним своим видом. Змей Горыныч, Змей, Чудище несло смерть. Вечно голодное и злобное олицетворение катастрофических сил природы — урагана, моровых язв, лесных пожаров, гниения, ядовитых болотных испарений. Егоявление недреко сопровождается пугающими погодными явлениями: «Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя-моря змей выходит, в гору подымается» («Два Ивана, солдатских сына»).

С точки зрения юнгианских архетипов, Зверь более всего подпадает под архетип Бог. Юнг характеризует этот образ как конфронтационный: Бог довлеет над человеком и часто противостоит человеку. В дорелигиозный, мифологический период божественное связывалось с могуществом сил природы, а сами боги были требовательны, капризны и жестоки, олицетворяя неподконтрольные

первобытному разуму явления. Темные, зачастую хтонические образы диких животных (а также выдуманных опасных существ) проявляются, благодаря сказочному сюжету, во всей своей пугающей полноте

ВЕДЬМА

Женщина-губительница — образ куда как знакомый любому, кто хотя бы немножко интересовался мифологией народов мира. Она — и молодая, и старая; и красивая, и уродливая; и глупая, и мудрая одновременно. Диалектический образ изменчивого женского начала, рождающего и убивающего. Дряхлая, ужасающая своим внешним видом старуха вдруг превращается в молодую и соблазнительную красавицу, при этом не менее опасную и коварную. Баба Яга, Злая Мачеха, Завистливая Сестра, Кикимора — распространенные и узнаваемые образы. Поедающие человеческое мясо и живущие в гибких местах Баба-Яга, Лихо Одноглазое и Кикимора — сверхъестественные персонажи, которыми русские пугают детей на протяжении многих столетий. Одно лишь описание такого существа как Яга способно привести в испуг: kostяная нога, железные зубы, длинные седые волосы, отвислые груди. Тем не менее, и у Бабы Яги есть своя полезная функция: хитрость и смекалка позволяет главному герою не только уцелеть, но и получить нужную информацию.

Другое дело — Злая Мачеха, Ведьма и Завистливая Сестра. Подобные персонажи вошли в устное народное творчество, благодаря противостоянию пост-архаического общества пережиткам матриархата — власти женщин-старейшин. Властные стервы, сочетающие в себе (в отличие от Бабы-Яги, Кикиморы и Ведьмы) внешнюю женственность и красоту с внутренней порочностью и коварством. Насыщенные, ярко негативные образы заставляют бояться не внешнего, а внутреннего, скрытого до поры до времени уродства. «Раз случилось ему [мальчику — С.Б] поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул он на одно окошечко. У того окошечка сидит королевна, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место». («Рассказы о ведьмах»).

Образу Ведьмы соответствует архетип Анимус — мужское начало у женщины, несущее в себе отрицательные «мужские» черты — ярость, склонность к насилию и жестокости. Анимус обладает физической силой, кровожадностью и постоянным ненасытным голодом. Этот архетип часто находит свое проявление в мифологии, литературе, драматургии и кинематографе. Роковые женщины, сирены, амazonки, упырицы, мстительницы — эти пугающие и сильные женские образы крайне популярны и обладают странной привлекательностью.

УБИЙЦА

Кашей Бессмертный, Мертвец, Людоед, Верлиока, Разбойник, Злой Отчим — вот лишь малая часть мужских персонажей, ассоциирующихся с жестоким убийством, сексуальным насилием и преследованием. Грубое и сильное начало родит их со Зверем. Образ душегуба выделен в сказках настолько ярко, что рождает четкие зрительные ассоциации. Эти персонажи в сказках предельно

выпуклы: протагонисту всегда приходится убивать это злую часть мужского начала, персонифицированную в виде сильного и страшного врага. Форма Убийцы совпадает с его содержанием — это уродливый и в то же время — наполненный ненавистью персонаж, совершающий зло ради самого зла. Яркий пример — Кащей Бессмертный, нежить на троне, олицетворяющий не-живое и не-мертвое, а значит — противное природе и ее законам. Кроме того, Кащей — это символ жестокой и бездушной власти чужаков-иноземцев. Не случайно некоторые историки склонны приписывать возникновение персонажа исторической памяти русских о гнете Хазарского каганата. Перед нами дополнительный повод для страха, порожденный ненавистью и неприятием чужой властной воли.

Подобно Кащею, другие мужские персонажи сказок (как «живые», так и «ожившие») также брутальны и сильны. Стоит отметить, что в рамках мифологического мировоззрение разница между живым и неживым не так очевидна, как в более поздние эпохи, поэтому смысла выделять для неживых персонажей отдельную группу нет. «Неживой» Мертвец и вполне «живые» Людоед, Верлиока, Разбойник и Отчим охотятся на протагониста; они стремятся не только умертвить, но и использовать мертвое тело главного героя. Расчленение, разрывание и поедание трупов, сдирание кожи и использование отсеченных и оторванных конечностей трупа в магической практике является обычной формой поведения пугающего мужского персонажа. «Вошли в избу; там на лавке сидят двое: старик да молодой парень. Незнакомый взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине — и тотчас полилась из него алая кровь; нацедил полное ведро крови и выпил. То же самое сделал он и со стариком и говорит мужику: «Уж светает, пойдем-ка теперь ко мне [на кладбище — С.Б.]». («Рассказ о мертвеце»).

Все это порождает метафизический страх перед насилием, с одной стороны, и боязнь неупокоенности, с другой. С точки зрения мифологического сознания, незахороненное и поруганное тело не может отпустить душу и позволить ей перейти в иное состояние.

Персонажам этой группы соответствует юнгианский архетип Анима — скрытое женское начало в мужчине. Речь идет о страстности, яркой эмоциональности, импульсивных действиях, спонтанных реакциях — словом, тех стереотипных формах, что присущи поведенческим нормам «слабого пола». Позволю себе привести пример с любимым персонажем детства — Верлиокой. «У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да еще смиренного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуску от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку — такая хорошенъкая, ну, как не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его игрушки: может быть, и обругала его — не знаю; только Верлиока сразу убил ее костылем». («Верлиока»). Как мы видим, поведение лесного великаны можно охарактеризовать как спонтанное. И даже, согласно терминологии, принятой психиатрией, «истероидное». Анима — образ, постоянно тиражируемый в современном кинематографе. Не случайно, одним из распространенных персонажей хоррора является сентиментальный, чувствительный и слезливый серийный убийца — «охотник с женским сердцем».

ЛУКАВЫЙ

Образы духов-вредителей в русских народных сказках, пожалуй, в меньшей степени, чем описанные выше, можно назвать пугающими. Тем не менее, черт, нечистый дух, бес и т.д. становятся серьезными противниками положительного персонажа. Нечистая сила в меньшей степени призвана пугать, в большей — создавать конфликтную ситуацию, решить которую главный герой может только при помощи сообразительности. В сказке «Вдова и бес» описывается подобная история. «Похоронила его [мужа] бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи бесперечь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе ее мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: „Как ты пришел?“ — „Да слышу, — говорит, — что ты, бедная, по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел“. Лег он с нею спать; а к утру, только петухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой; она никому про то не сказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает!» («Вдова и бес»). Разрушить связь с бесом вдова смогла лишь с помощью дочери, разоблачившей нечистую силу.

Нечистый дух — это классический трикстер, или архетип обманщика, манипулятора, хитреца и шута. Образ трикстера Юнга нашел в мифологии американских индейцев: именно так называли туземцы мелкого, вредящего беса. Он способен запутать, обмануть и даже нанести вред, но убить человека ему не под силу. Трикстер воплощает в себе физические страсти, желания, не подвластные разуму, а потому умеет манипулировать людьми через их бессознательные порывы. Способность трикстера манипулировать свободной волей человека и есть то, чего боялись наши предки и чего подсознательно боимся мы.

В заключение хотелось бы обратить внимание на универсальный и вневременной характер архетипов. Согласно концепции Карла Юнга, архетипы возникли гораздо раньше той части нашего разума, что отвечает за критическое и волевое восприятие действительности. Зародившись во времена, когда «горы были совсем юными, а моря были по колено», пугающие архетипические образы впитались в подсознание человека. Они по-прежнему таятся там, взаимодействуя с внешним миром, регулируя отношение к нему и управляя нашим страхом...

Писатель, биолог,
преподаватель колледжа,
г. Соликамск.

ПЁТР ПЕРМИНОВ

ЧУДОВИЩА КАМЕННОГО ПОЯСА

Вообразите картину: ночь, берег реки, опушка леса. Горит костёр, вокруг костра сидят ребяташки, едва ли старше десяти лет. Огонь горит ярко, а всё ж таки детям неуютно — одни ведь. Вдруг из леса выходят двое взрослых. Одного ребята знают — это рабочий с местного завода, а второй — незнакомец. И незнакомец этот вроде бы совсем обычный человек, да только глаза горят странным зелёным огнём, и ноги вдавлены в землю, словно весит он не один десяток пудов. Между детьми и заглянувшими на огонёк людьми завязывается разговор, во время которого с незнакомцем происходит жуткая метаморфоза: всё его тело становится одной огромной головой, голова эта поднимается выше и выше, до самых верхушек деревьев, и ребяташки видят — о, ужас! — выползающее из земных недр тулово колоссального змея. Змей испускает свет, но только свет тот не греет, а наоборот: трава покрывается инеем, речка и вовсе замерзает. Того и гляди — сожрёт чудовище оцепеневших от страха детей одного за другим. Ах нет, змей тот оказывается совсем не злым, но... Пугающий образ, не правда ли? А как вам гигантская кошка, обитающая под землёй и изредка высывающая на поверхность лишь кончики ушей, светящихся таинственным синим пламенем? А муравьи, с каждым шагом увеличивающиеся в размерах, пока не станут ростом с быка, а то и больше?..

Впрочем, искушённый читатель наверняка узнал уже всех этих монстров, сотворённых фантазией Павла Бажова. Фантазией ли? А, может, это образы, порождённые богатым народным воображением рабочих строгановских и демидовских рудников? Такое мнение бытовало в среде советских литератороведов, особенно при жизни самого Бажова. Но вот Алексей Иванов (тот самый, чей «Географ глобус пропил» и к авторитету которого я буду неоднократно апеллировать) в книге «Message: Чусовая» приводит любопытный факт: в 1959 году, т.е. всего через девять лет после смерти Павла Петровича экспедиция Уральского университета изучала фольклор в тех местах и с удивлением отметила, что даже старожилы не вспомнили ни Хозяйку Медной горы, ни Великого Полоза, ни Землянную Кошку... Подозрительно короткая народная память? Нет. Как пишет Майя Никулина в книге «Камень, Пещера,

Гора» (Екатеринбург, 2002): «Бажовские корни искать следует не в рабочем уральском фольклоре, а в пространстве более обширном и отдалённом — в древних мифах...». Русские поселенцы лишь слегка ковырнули огромный пласт верований исконных народов Урала. Сменилась пара поколений, и ушли в небытие заимствованные образы. А, может, не ушли, а только затаились, ожидая своего часа? Давайте и мы одним глазком посмотрим на творения уральских мифотворцов.

Взять того же Полоза. Образ архетипический, распространённый: змей — обитатель хтонического мира. Известен и у манси (вогулов) под именем Ялпын-Уй, и у башкир, и у марийцев — Шем-Кишке. Однако некоторые криптозоологи считают, что вогульский Ялпын-Уй — создание отнюдь не мифическое, а самое что ни на есть реальное. В Интернете, в книгах, посвящённых поискам таинственных обитателей нашей планеты, наряду с упоминаниями снежного человека, озёрных монстров и чупакабры есть и статьи о «мансийскойアナコンде». Истории об опасных встречах в дикой уральской тайге с неведомой

огромной змеёй в позапрошлом столетии были столь обильны, что поиски рептилии предпринимал даже зоолог Л. П. Сабанеев, более известный как автор монументального труда «Жизнь и ловля пресноводных рыб». Никого, разумеется, не нашёл... Зато немецкий учёный Петер Симон Паллас, посетив-

«РУССКИЕ, ЗАСЕЛЯВШИЕ УРАЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ, СОЗДАВАЛИ СВОИХ ДЕМОНОВ.»

ший Урал во время экспедиции в 1770-1771 гг., утверждал, что якобы видел в крестьянской избе шкуру или выползок огромной змеи, и даже придумал ей латинское название — *Coluber trabalis* — полоз бревноподобный. Шкуру эту крестьянин «наотрез отказался продавать», что типично для подобных историй.

Впрочем, верить или не верить в существование гигантской ползучей гадины в лесах Урала — личное дело каждого. А что с другими монстрами? Что за огненноухая подземная кошка? Откуда взялся такой удивительный образ? Ряд исследователей полагает, что на мысль о кошке навели похожие на треугольные кошачьи уши языки горящего метана над болотами. Что ж, логично! Но тот же А. Иванов считает, что в образе Земляной Кошки у Бажова изображён Мамонт, которого также называют Земляным Оленем или Земляным Быком¹. Представления о Мамонте, как о звере, живущем под землёй, питающемся землёй и оставляющем после себя огромные пещеры, встречаются практически у всех народов, которые находили кости или вмёрзшие в вечную мерзлоту туши этого животного. Но как мамонт стал кошкой? Вот что пишет Иванов в статье «Демоны подсознания» (2008): «...Мамонт — брендовый пер-

¹ ... и даже Земляной Мышью!

сонаж Кунгурской пещеры, знакомый ещё Татищеву. Это он, Подземный Зверь Мамонт, живёт в недрах Ледяной горы... Поблизости от тех мест, где происходит действие сказа [„Кошачьи уши“ — П. П.], находится деревня Кунгурка: понятно, как Мамонт перебрался на другую сторону Урала. А ещё поблизости находится урочище Кошкарихинский торфяник. „Торфа“ — это верхний слой почвы, который снимали старатели, чтобы добраться до золотоносных песков. „Кошкарихинский“ — значит, принадлежавший „кошкарям“, жителям посёлка Кочкир в Челябинской области... Кочкир был центром „золотой лихорадки“ конца XIX века. „Кочкир“ переделались в „кошкарей“, потому что в русских поверьях рыжая кошка — символ золота. А русская рыжая кошка слилась с уральским Подземным Зверем Мамонтом и превратилась в Земляную Кошку». Версия спорная, однако, имеющая право на существование. Между прочим, подземные кошки фигурируют ещё в одном сказе — «Сочневы камешки». Там они не такие исполинские, как в «Кошачьих ушах», однако, по-настоящему жуткие — с пустыми глазницами вместо глаз, да ещё и говорящие.

Говоря о бажовских чудовищах, нельзя обойти вниманием и Хозяйку Медной горы. «Какой ж это монстр?!» — изумится иной знаток хоррора. И будет не прав. Конечно, в её облике ничего «чудовищного» нет, более того, в сказах Бажова она «предстаёт в образе прекрасной женщины с косой и лентами из тонкой позвякивающей меди, в платье из «шёлкового малахита». Однако ж, согласно Википедии, Хозяйка суть горный демон, а уж кто-кто, но демоны в обличьях прекрасных дев — самые опасные монстры. Нельзя её назвать ни доброй, ни злой: христианской морали она чужда, церквой, попов и молитв не боится, но терпеть не может. Характер взбалмошный: захочет — заточит человека в своём подземном царстве, захочет — заживо замуряет в глыбу малахита...

Но оставим в стороне творчество Бажова и обратим взор на другие образы уральской мифологии, не менее достойные того, чтобы их упомянули на страницах журнала, посвящённого мистике и хоррору. Оговорюсь сразу: Урал — регион большой и населяют его многие этносы, поэтому остановимся только на существах, порождённых воображением хантов, манси, коми-зырян и коми-пермяков.

И кого только тут нет! Это и леший Вёрса (Вёрись) то невидимый, то предстающий перед охотником в виде вихря, то в виде великаны, то в виде человека, не отбрасывающего тени; и водяной Васа (Ваисьморт, Вакуль), подобный либо старику с рыбьим хвостом, либо чудовищной щуке; и обитатели овинов, бань, изб. Есть и ожившие мертвецы, например, колдун Съёла-пёласа, пожевавший сожрать сердце колдуна — соперника Яг Йивсы и ради этого зубами прогрызший путь в избу последнего. Впрочем, как раз таки эти персонажи практически ничем, кроме имён, не отличаются от аналогичных созданий славянского пантеона. Но есть существа уникальные и по-настоящему монструозные. Такие, как страшилище-карлик Анших Сисьва Пялт (букв. Старик Длиною с Зайца) из мансийской сказки «Сынок с оленье ушко», отрывок из которой хочу привести: «Повернулась она [Пекла, героиня сказки — П. П.] к двери и увидела на пороге своей избы маленького сморщенного Старика Длиной с Зайца... Он уже переступил на седьмую половицу, а уши его ещё на пороге. Старик Длиной с Зайца сел за стол, притянул свои уши к себе и

кинул их на лавку... схватил оленью голову и впился в неё острыми зубами. Губа верхняя у Старика разошлась надвое, одна потянулась к левому уху, другая — подпрыгнула к правому. Вместе с костями проглотил голову, облизнулся и отёр губы и руки длинными ушами». Представили? Уродливый человечек с волосами, волочащимися по земле ушами и с пастью, как у грабоидов из «Дрожи земли», позволяющей целиком проглатывать оленины головы... Бр-р! Экая мерзость!

А вот другой, чуть более известный монстр — Яг морт, что в переводе с коми-зырянского означает «боровой человек». Великан-людоед ростом с сосну, в одежде из невыделанных медвежьих шкур. Живёт в пещере, в чаще леса, занимается тем, чем и положено великану-людоеду — похищает из окрестных селений и пожирает людей и скот. Согласно легенде, в конце концов чаша народного терпения переполнилась: местные жители выследили Яг морта и отрубили его людоедскую башку. Криптозоологи, любящие фольклор не менее этнографов, полагают, что в основе легенды об этом чудовище лежат воспоминания о встречах людей с реликтовым гоминидом, то бишь, — снежным человеком.

Помимо Яг морта, великанскими размерами и людоедскими наклонностями обладали и менквы — существа ханты-мансиjsкой мифологии. Есть две версии их происхождения. Согласно первой, менквы — результат неудачной попытки небесного бога Нуши-Торума сотворить людей из древесины лиственницы. Согласно второй, это духи людей, застигнутых смертью в лесу. Как бы то ни было, у менков железнное тело, длинные когти, остроконечная голова или даже несколько голов. Характер у них скверный, что вкупе с огромным ростом (на сайте www.finnougoria.ru даже уточняется: от трёх до пяти метров) и практически полной неуязвимостью делает встречу с ними малоприятным событием. Единственное, на что может уповать человек, случайно столкнувшийся в лесу с менковом, так это на собственную хитрость, потому как чего-чего, а ума им Нуши-Торум не дал. (Кстати, у северных обских угров есть рассказы о лесных людях миш, или мис, которых иногда считают детьми менков. Об этих лесных обитателях известно лишь то, что живут они в богатых, обложенных мехами жилищах, охотятся с ручными медведями или соболями, а женщины их весьма привлекательны и способны подарить понравившемуся им охотнику персональное охотничье счастье.)

Русские, заселявшие уральские земли, создавали своих демонов. Таковыми, например, являются шиликуны, или шуликуны. Вот как описывает этих злобных существ пермский художник, знаток славянской языческой культуры Константин Кунциков: «...ОНИ появляются в дни Святок из озёр, рек и болот, где скрываются весь год. Продолбив лёд вострыми головками,... оставляя за собой мокрые следы, тут же прихватываемые морозцем, разбредаются они по округе, стекаясь к ближайшим перекрёсткам. Как бы ни были милы им мелкие пакости, лучшим развлечением служит охота на человека... Для него припасены у них сковородки с горящими угольями и калёные крючья, наготове стоят железные сани, самоходные печи и ступы. Далеко не каждому

незадачливому путнику или подгулявшему забулдыге удастся отделаться подпалённой одеждой или мелкими ожогами. Бывает, что след его обрывается у проруби, куда сволокли его беспощадно цепкие железные крюки. Сколь неразумны они, столь и безжалостны — что неудивительно, ведь ряды их прирастают душами младенцев, которых прокляли или умертвили их матери. Тем множатся они, кому народ дал прозвание — ШУЛИКУНЫ...» Справедливости ради стоит отметить, что шуликуны встречаются в фольклоре не только уральцев, но и жителей Русского Севера², и сибириаков. Их аналоги есть и у некоторых восточноевропейских народов. Но всё же крестьяне именно Пермской губернии намекали, что святочными ночами лучше держаться подальше от перекрёстков.

Но что там какие-то шуликуны? Известная каждому с раннего детства Баба-Яга и та родом с Урала! Аркадий Захаров в статье «По следам Бабы-Яги» («Уральский следопыт», 1988, № 9) излагает такую версию происхождения страшной лесной ведьмы. В XV столетии, в период формирования русского народного фольклора, проникшие на Урал поселенцы время от времени натыкались в тёжкой чаще на святилища местных язычников. Такое святилище, как правило, окружал частокол с вышенными на нём черепами жертвенных животных, а внутри располагался небольшой сруб без окон и дверей. Сруб этот для защиты от зверя стоял не на земле, а на высоких столбах или пнях. В срубе лежала резная деревянная кукла, считавшаяся вместилищем души умершего или духа некоего божества. Кукла была одета, скорее всего, в национальную одежду уральских финно-угров — ягу. Так и родилась «баба в яге» — Баба-Яга. А зловредности её характеру, возможно, добавило наложение на этот образ другого широко известного мифического персонажа — Золотой Бабы (Сорни-най), существа, как и многие представители языческого пантеона, враждебного русским христианским колонизаторам.

Золотая баба — ещё одна известная загадка Урала. То ли идол, то ли скала в форме женщины... Или реальное божество, ревностно оберегающее свою вотчину от чужаков? Анна Кирьянова в романе «Охота Сорни-Най» связала тайну Золотой бабы с другой мистической историей — гибелю группы Дятлова в 1959 году. А, может, в трагической смерти туристов виновата не сама Сорни-най, а её жутковатый страж — комполен (хумполэн)³? Вот и Иванов ту-

² Скорее всего, именно оттуда — с Русского Севера, из Новгорода — шуликуны и «были завезены» на Урал.

³ Комполен (хумполен) — персонаж загадочный. На сайте www.finnougoria.ru есть мансийская сказка «Болотный дух» о том, как комполен поссорил Охотника и Медведя. Фигурирует у А. Иванова в «Сердце Пармы», где дано его подробное описание: «в полтора раза выше человека, широкоплече, сутулое, с длинными, до колен, могучими руками, все сплошь покрытое серым волосом, с плоской головой, вбитой в плечи, почти безносое, только с дырами ноздрей, с тонкими черными губами, с глазами загнанного зверя, печальными и равнодушными». Встречам человека с комполеном также посвящена криптоzoологическая книга О. Кошмановой «Взгляд в спину» (2008).

манно замечает, мол, «демоны уральского культурного подсознания вырвались из заточения и уничтожили группу Дятлова». Впрочем, этого происшествия касаться не будем: в последнее время о нём говорят, пишут и снимают кино все, кому не лень.

А на уральской земле и без этой истории немало таинственного. К примеру, изделия Пермского звериного стиля. Как правило, это бляшки из меди или из бронзы, датируемые, в основном, V-VII веками. Хотя, как утверждают специалисты, искусство это зародилось ещё до нашей эры, а окончательно угасло лишь в XV веке под воздействием русской экспансии. Впрочем, интерес представляет не древность изделий, а то, что они изображают. Образы поразительные и жутковатые: птица с человеческим лицом на груди, трёхликий и крылатый человеколош на спине крокодилоподобного ящера, крылатая женщина, стоящая на двух огромных пауках, женщина с тремя головами... Какие мистические идеи символизируют эти существа? Доподлинно неизвестно. Есть несколько концепций, объясняющих символику композиций Пермского звериного стиля, но ни одна из них не является безупречной. Скорее всего, мы имеем дело с изображениями совершенно чуждой нам системы мироздания, носители которой, древние пермяки, давно канули в Лету. Кто желает попробовать самостоятельно разгадать загадки Пермского звериного стиля — добро пожаловать в Эрмитаж, где хранится крупнейшая коллекция этих изделий. Ну, или приезжайте к нам в Пермь, в краевой краеведческий музей, а если хватит духа, то отправляйтесь дальше, на север, в Чердынь, музей которой хранит вторую по численности коллекцию.

Вот так плавно перешёл я от фольклорно-мифологических чудовищ к тайнам Урала. Много их, природных и рукотворных: Ординская подводная пещера, длинейшая в России, древний город Аркаим, подземные ходы Соликамска и демидовские подземелья... Я, конечно, не этнограф и не краевед. Но если в ком-то из авторов возникнет желание обратиться к фольклору коренных народов того региона, откуда он, автор, родом, я буду считать свою задачу выполненной. Глядишь, и в русском хорроре будут чаще появляться персонажи поинтереснее набивших оскомину призраков, оборотней, вампиров и живых мертвецов.

Автор выражает искреннюю благодарность своему старому товарищу Константину Кунцикову за неоценимую помощь в написании статьи.

ВИКТОР ГЛЕБОВ

«Родился и вырос в Петербурге, закончил РГПУ им. Герцена по специальности „магистр преподавания литературы“. Учитель высшей категории. 33 года. Публиковаться начал с 2008 года; жанры – фэнтези, детективные триллеры. В серии ЭКСМО „Серийный отдел“ вышли „Нежилец“, „Дыхание зла“, „Красный дождь“ (в серии „Варго и апостолы тьмы“). На днях закончил работу над первым хоррор-романом „Нетривиальность“, посвящённом поиску пропавшей арктической экспедиции барона Толя».

РОЛЬ РЕАЛИЗМА В ХОРРОРЕ

Когда мы думаем об ужастиках, то в первую очередь вспоминаем о монстрах — тех тварях, которые выскакивали в самые неожиданные моменты, заставляя нас вздрогивать в страхе. Но — вспомните — твари эти появлялись не сразу: мы ждали их, и ждали довольно долго, предвкушая эту встречу и строя догадки, какое именно воплощение зла подготовил для нас автор книги.

Это оттягивание момента, это отложенное появление твари и составляет суть хоррора, ибо страшно не то, что у монстра зубы в три ряда и когти, словно лезвия бритвы, не то, что призрак может высосать душу или забрать новорожденного у матери. Страшно, пока его ещё в книге нет, но ты уже совершенно уверен, что он существует.

Что же заставляет нас, читателей и поклонников хоррора, верить в это? Ведь мы знаем, что никакие чешуйчатые трёхногие ящерицы не живут в канализации, и дома не пожирают людей, стоит тем начать распаковывать вещи и расставлять на каминной полке доставшихся от бабушки фарфоровых пастушков и пастушек. Знаем — и всё же поддаётся магии писательского слова. Это и есть иррациональность, которая заставляет нас перелистывать страницы и каждую свободную минуту посвящать чтению ужастика. Иррациональность. Необъяснимость. Загадка. Наша цель — сделать смутное чётким, то есть — очевидным.

Как же создаётся это ощущение реальности нереального, достоверности происходящего? Почему мы идём на поводу у автора и вздрагиваем там, где ему захотелось?

Секрет прост: он уже сумел убедить нас, что всё, кроме чудовища (каким бы оно ни было) реально!

Ян Флеминг, автор романов о Джеймсе Бонде, утверждал в свое время в статье о том, как сочинять триллеры (а он, как ни странно, верил, что пишет именно триллеры), что крайне важно убедить читателя в реалистичности

происходящего — причём, чем фантастичней сюжет, тем реалистичней должно быть всё остальное. Он предлагал для этой цели упоминать конкретные марки одежды, предметов и сам использовал этот приём. Конечно, сейчас авторы стараются избегать подобного, потому что их могут заподозрить в скрытой рекламе, но сам по себе совет верный.

«ВАЖНО АТАКОВАТЬ ЧИТАТЕЛЯ СО ВСЕХ СТОРОН, НЕ ОСТАВЛЯЯ ЛАЗЕЙКИ ДЛЯ ЕГО СКЕПТИЦИЗМА.»

Однако упоминанием брендов дело, конечно, не ограничивается. Важно атаковать читателя со всех сторон, не оставляя лазейки для его скептицизма. Давайте определим, с каких позиций мы будем это делать. Необходимо задаться вопросом: что соз-

даёт ощущение реальности мира вокруг нас? Ответ на него и станет теми пунктами, с которыми можно работать при создании произведения в духе хоррора.

Во-первых: антураж, или быт. Здесь имеет значение всё: выбор одежды, вещей, еды (непременно следует не просто упомянуть, что герой поел, а рассказать, что именно он ел, и сделать это так, чтобы у читателя потекли слюнки, иначе повествование превращается в сухой отчёт, и смысл в подобных деталях утрачивается).

Если герой живёт не в современном мире, а веке в девятнадцатом или раньше, то имеет значение тщательный отбор лексики (например, первые автомобили называли самоходными машинами). То же самое касается случаев, когда герой принадлежит к характерной социальной группе или обладает профессией, вынуждающей его употреблять так называемые «профессионализмы». Конечно, при этом условии лучше всего, если вы сами работаете в той же сфере, иначе придётся изучать матчасть. Впрочем, как известно, лучше всего писать либо о том, в чём ты разбираешься досконально, либо о том, в чём не разбирается никто. В последнем случае беспроигрышным вариантом является фантастика, но это не наш предмет, не правда ли?

Во-вторых, средством создания реалистичности в художественном пространстве служат повседневные дела, которыми занимаемся мы все, а главное — читатель. Конечно, излишней детализации следует избегать, чтобы не отвлекать внимания от того, ради чего мы ту все, так сказать, собрались — от ужаса, который должен охватывать нас глава за главой. Так что не стоит подробно описывать каждое посещение главным героем туалета, все эти утренние омовения, которые он совершает, и так далее. Достаточно сделать это однажды. Читатель не хочет знать, какого цвета была моча у того, с кем он будет себя отождествлять, если только это не имеет значения для развития сюжета (а такое, кстати, вполне может быть).

Помимо привычных дел (рутинного ритуала), мы испытываем беспокойства. Не просто едим, спим и таскаемся на работу, а рефлексируем. У главного героя должны быть проблемы, и они надо делить на мелкие, крупные и — внимание! — основную. Без этого не возникнет сопереживания, а если нет его — нет и желания следить за судьбой персонажа, то есть — за сюжетом. Поэтому, как бы мы ни закручивали коллизии, какие бы чудеса изобретательности ни являли, вести читателя по этому дантовому аду будет его эмпатия — то есть то, насколько нам удалось «вжиться» его в шкуру главного героя.

В-третьих — и не случайно этот пункт я оставил на десерт — не смотря на все наши предыдущие усилия, никакого реализма не будет, если мы не убедим читателя в том, что наш герой — живой человек. И это самое сложно. Посмотрим, как это сделать.

Прежде всего последуем правилу американских реалистов, признанных во всём мире мастеров этого литературного направления. Главной их идеей было (и вот уже несколько десятилетий Стивен Кинг успешно пользуется именно этим приёмом) — что судьбу человека определяет один поступок. Конечно, они не сами это придумали, а взяли из древнегреческой трагедии, но хуже ведь от этого находка не становится, верно? Идея рока, довлеющего над человеком, трансформируется в реализме в ответственность, налагаемую нашими поступками на дальнейшую жизнь. Например, стоит герою спянуть психануть и сломать в приступе агрессии малолетнему сыну руку, как судьба уже ведёт его в отрезанный от окружающего мира отель у чёрта на куличках... (Вы знаете, о чём я.)

Помимо рокового поступка, есть несколько пунктов, следование которым поможет нам создать убедительного героя, за которого не будет стыдно (и да не назовёт ни один критик нашего персонажа «картонным»!).

Во-первых, это связи с родителями. Чем хуже и сложнее будут эти отношения, тем лучше, потому что такой ход поможет сразу решить следующий пункт: назовём его условно «душевная рана».

Во-вторых, герой должен страдать. И делать это убедительно, но не навязчиво. Это не нытик и размазня, это стоик, который может дать слабину, а может и преодолеть себя. Будет ли «рана» чисто психологической травмой или физическим недостатком, развивающим комплекс неполноценности — неважно. Главное — она должна ограничивать возможности героя. Это можно потом использовать в развитии сюжета: в острый момент читатель осознает, что герой не всесилен и может погибнуть. Именно это ощущение уязвимости героя заставляет ему сочувствовать, вынуждает переживать за него. Почему не интересно следить за приключениями какого-нибудь Конана? Да потому что мы заранее знаем: ничего ему не сделается, он же цепи рвёт голыми руками! Упаси Боже сделать героя всесильным и неуязвимым. Это хорошо понимают создатели комиксов. Даже Супермен чахнет, стоит поднести к нему поближе кусок криптонида. Нет, неуязвимость нам не подойдёт! Что будет делать читатель, когда монстр, которого он так долго ждал, наконец, появится и начнёт безуспешно тыкать в бронированную кожу героя своими наточенными зубами? Правильно, он будет подыхать — только не от страха, а от скуки!

В-третьих, персонаж должен обладать хоть какой-нибудь уникальностью.

Пусть он обычный парень (представитель среднего класса, работяга, например), но у него есть талант. Умеет ли он показывать фокусы или угадывать карты, или складывать в уме огромные числа, или вывиживать палец, чтобы выскользнуть из наручников — не важно. Главное, чтобы это однажды помогло ему по ходу сюжета и желательно во время кульминации (борьбы с чудовищем, кем бы оно ни было). Этот приём показывает читателю, что в каждом обычном человеке есть божья искра — и в нём тоже!

В-четвёртых, герой должен иметь преобладающую страсть. Это то, что ведёт его по жизни, его путеводная звезда. Мечта научиться управлять самолётом, желание стать врачом, необходимость добраться до постели умирающего отца — всё, что угодно. Эта страсть должна быть понятна читателю. (Так что маниакальное стремление мужчины переделать себя любой ценой, допустим, в кенгуру не подойдёт).

В-пятых, у героя должны быть сексуальные проблемы. Это не значит, что он — конченый извращенец, грезящий о козах и спаривании с детскими трупами. Это означает, что его отшила невеста, или ему предстоит операция по удалению яичка и поэтому он временно не может удовлетворять любимую жену, или эта самая любимая жена изменяет ему с лучшим другом. Возможно, этот пункт будет связан с душевной раной героя. Вообще, если удаётся увязать все пункты в единое, логичное целое, где каждый элемент так или иначе проистекает из другого, то цель достигнута — живой, «объёмный» герой создан!

Итак, мы выяснили, что для создания первых двух третей нашего произведения (романа или рассказа — объём не важен), которые обеспечат успех последней, третьей, в которой неописуемый ужас, наконец, выползет из мрачной влажной глубины, необходимо следовать следующим пунктам:

1. Антураж (быт, лексика, особенности окружающей обстановки).
2. Распорядок дня (каждодневные дела и бытовые проблемы).
3. Убедительный герой (имеющий талант, преобладающую страсть, ранимый (но не размазня), духовно и психологически связанный с родителями, с сексуальными проблемами).

Теперь можно выписать эти пункты на листок бумаги, положить его перед собой рядом с клавиатурой и приступить к написанию хоррора.

P.S. Последнее, о чём хотелось бы сказать: описывая персонажа, не следует повторять приём Вальтера Скотта и других «классиков», который тратили

абзац или два для того, чтобы дать представление о том, как выглядит их герой. Читать это скучно, да и нафталином попахивает.

Приведу пример того, как сделать «традиционное» описание более динамичным и, не побоюсь этого слова, эргономичным.

Исходник:

«Открылась дверца подъехавшего к универмагу автомобиля, и из него вышел мужчина лет тридцати, со светлыми курчавыми волосами, крючковатым носом, бровями взрэёт, крепко вылепленным подбородком, высокими скулами и насмешливым взглядом голубых глаз. Он был одет в длинное серое драповое пальто с меховым воротником, тёмные брюки и лакированные ботинки на толстой подошве. Шею скрывал полосатый шарф».

Чувствуете, как повеяло платяным шкафом? И старыми книжками с по желтевшими страницами...

Переделаем это описание:

«Выйдя из остановившегося „БМВ“, мужчина широким шагом направился к входу в универмаг. На ходу он размотал полосатый шарф, словно ему было жарко, но при этом зачем-то поднял меховой воротник серого драпового пальто, из-под которого виднелись тёмные брюки. Проводив насмешливым взглядом голубых глаз спешащую мимо блондинку в кожаной мини-юбке, мужчина отвернулся, мельком взглянул на зеркальную витрину, в которой отразился курчавый блондин с высокими скулами и волевым подбородком, и вошёл в отъехавшую при его приближении дверь универмага».

Теперь наше описание вплетено в экшен и даже наметилась какая-то интрига: а чего это он шарф снимает, а воротник поднимает? А?!

В завершение хочется сказать банальность: никогда не поздно учиться; никогда не поздно написать лучше, чем в предыдущий раз. Как только вы почувствовали, что стали повторяться — ищите знания, которые позволят вам вырваться за рамки. Ибо нет радости в повторении, но есть радость в открытиях, а самые лучшие открытия — те, которые мы делаем в себе!

Издательство «Бослен» представляет
новую книгу серии «Alter et idem/
Другой и тот же самый»

СБОРНИК РУССКОЙ ТАИНСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

СТРАННО И НАОБОРОТ

МИСТИЧЕСКАЯ...
ГОТИЧЕСКАЯ...
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ...
РУССКАЯ ПРОЗА
первой половины XIX века

Вступительное слово,
составление, комментарии
Виталия Бабенко

boslen.ru
Телефон отдела реализации
издательства «Бослен»: 8 495 971-89-09

Вызов Александра Подольского (рассказ «Быстрые свидания», 156 слов, 999 знаков в третьем номере RR) принял Алексей Жарков. Его ответ — миниатюра в 228 слов и 1485 знаков по счетчику показывает нам, что в краткой форме можно не только напугать, но и страшно пошутить!

АЛЕКСЕЙ ЖАРКОВ

ДЖИНН СТРОГОГО РЕЖИМА

(228 слов; 1485 знаков)

Гоша вызвал джинна. Тот явился огромный и мрачный, надутый, как поднявшееся тесто, и весь в татуировках. На нём была старая полосатая тельняшка и синие штаны с оттопыренным гульфиком.

— Там алкаши, надо бы от них избавиться, — Гоша кивнул на стену, за которой бубнил чей-то пьяный смех. — Сделай так, чтобы заткнулись уже, достали страшно. Бутылки им в жопы затолкай, печень сожри, не знаю... Можешь тупо всех зарезать.

— Это всё? — равнодушно спросил джинн, рассматривая стену.

— Ага, — кивнул Гоша.

Джинн поднял руки и стал принюхиваться к полосатым обоям, в дырах его тельняшки качнулись воронёные купола наколок. Гоша покосился на старую, еще сталинских времён бутылку водки, откуда вылезло это чудище, и напряженно слотнул. Через секунду джинн утонул в стене и соседи затихли. Примерно через час он вернулся, красный и злой. Устрашающе рыча, с треском разорвал на себе тельняшку, и Гоша узрел огромное «ЦСКА» через всю его широченную грудь.

— Ах ты, гнида, — прогремел джинн, выкручивая кисть побледневшему от ужаса Гоше. Сустав хрустнул, и Гоша завыл от боли. — Спартак, значит?!

Легонько дёрнув, джинн оторвал Гоше руку, и, перехватив ближе к локтю, ударил ею по голове, как дубинкой. Лохмотья кожи оставили на лице хозяина кровавые полосы и удивление. Затем джинн вырвал Гоше вторую руку и обе ноги, сложил оторванные члены шалашиком у того на животе и промычал хмуро:

— Пока так.

После этого он наколдовал себе ящик пива, креветок и, довольно улыбаясь, шагнул через стену к соседям.

по рассказу

А. Н. Куприна

Серебряный волк

художник М. Артемьев

А!
ЗДОРОВО, ПАНЬНУ!
ГАЙ БОГУ!

НУ ЧТО ЖЕ,
БУДЕМ ЕХАТЬ,
ПАНЬНУ?

ПОВАЕМ.
А КАК АДРОГА
ПО ЛЕСУР?

АОБРАЯ АДРОГА.
СНЕГОМ ТОЛЬКО ПОЗАМЕЛО
НЕМНОГО.

НИКАК,
ВОЛКИ,
ТРОХЫМ?

ВОВКУЛАК?

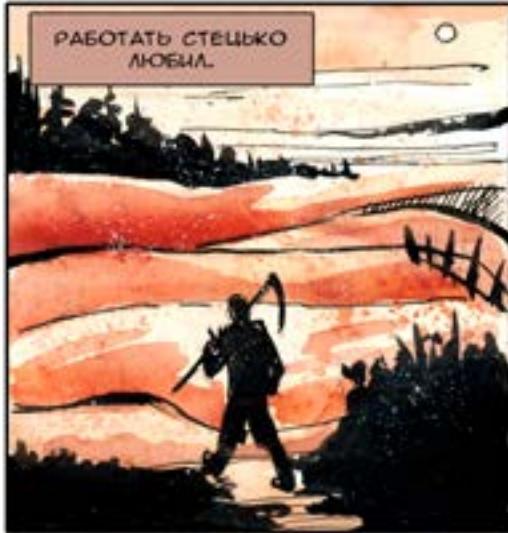
НУ ДА,
ЕСТЬ ТАКИЕ ЛЮДИ,
ЧТО УМЕЮТ ВОЛКАМИ
ПЕРЕКИДАТЬСЯ...

ЭТО
САМАЯ ИСТИННАЯ
ПРАВДА.

ВЫ ПОСЛУШАЙТЕ
ЧТО Я ВАМ РАССКАЖУ...

У СТАРОГО ОМЕЛЬЧУКА БЫЛО ДВА СЫНА:
СТЕЦЬКО И НАЗАР. НАЗАР - МЛАДШИЙ СЫН -
ХЛОПЕЦ КАК ХЛОПЕЦ, ТО МИ ДЕЛО СТЕЦЬКО.

РАБОТАТЬ СТЕЦЬКО
ЛЮБИЛА.

БЫЛ ОН ПЕРВЫЙ ЛЮБИМЕЦ
ВО ВСЕЙ ДЕРЕВНЕ.

НО ПРИШЛО ВРЕМЯ
И ЗАБРАЛИ СТЕЦЬКО НА ВОЙНУ.
ВСЕ СЕЛО ПЛАКАЛО, ЕГО ПРОВОЖАЯ.

НЕ ПЛАНЬТЕ,
НИГДЕ Я
НЕ ПРОПАДУ.

ПРОШЛО ПОЛТОРА ГОДА И
ОСЕНЬЮ СТЕЦЬКО ВЕРНУЛСЯ.

ВСЕ ДНИ ОН СНАЕДА
МОЛНА НА ЗАВАЛЕНКЕ.

СТАРЫЙ ОМЕЛЬЧУК УВИДЕЛ
ЧТО С СЫНОМ НЕЛАДНО.

ПОСОВЕТОВАЛСЯ С ЖЕНОЙ,
И РЕШИЛИ ОНИ СТЕЦЬКО ЖЕНЬТИ.

СОГЛАСИЛСЯ СТЕЦЬКО,
ПОСЛЕ УГОВОРОВ.

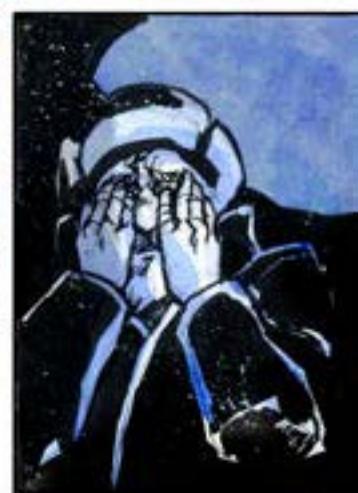
КАК БЫ ВАМ
ЖАЛЕТЬ НЕ ПРИШЛОСЬ
ОБ ЭТОМ...

НО ЕГО
КАК ПОДАМЕНИЛИ.

В ЦЕРКВИ СТЕЦЬКО СТОЯЛ ХМУРЫЙ,
НЕ ПЕРЕКРЕСТИЛСЯ НИ РАЗУ,
И НЕВЕСТУ НЕ ПОЦЕЛОВАЛ.

ВСЯ СТАЯ ПОДНЯЛАСЬ
И РИНУЛАСЬ НА ЗВУК.

ВСКОРЕ ОМЕЛЬЧУК УСЛЫШАЛ КАК НЕРОВНО
И ТОРПИЛО ЗАБИЛСЯ КОЛОКОЛЬЧИК,
А ПОТОМ ПО ЛЕСУ РАЗЛЕТЕЛСЯ
СТРАШНЫЙ И ЖАЛКИЙ КРИК...

БЕДНЫЙ СТАРИК САМ НЕ ПОМНИЛ
КАК ДОБРАЛСЯ ОБРАТНО ДО СЕЛА.

ПОСТОЙ,
БАТЬКА.

ЗНАЮ ЧТО ТЫ
ЗА МНОЙ
СЛЕДОМ БЕГАЛ!

ЕСЛИ БЫ НЕ Я –
РАЗОРВАЛИ БЫ ТЕБЯ
НА МЕЛКИЕ КУСОЧКИ...

СЕГОДНЯ ПОД СОЧЕЛЬНИК
НАМ БОЛЬШАЯ ВЛАСТЬ ДАНА.
НО ТОЛЬКО ТЕХ МЫ НЕ СМЕЕМ ТРОГАТЬ,
КТО НЕ СВОЕЙ ВОЛЕЙ ИЗ ДОМУ ВЫШЕЛ.

ТАМ В ЛЕСУ
БЫЛ КУПЕЦ.

ТОЛСТЫЙ БЫЛ,
КАК КАБАН.
ЖИРНЫЙ...

КОНЕЦ